Святитель Феофан Затворник

Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?

Данилов мужской монастырь
Москва • 2014

УДК 271.2
ББК 86.372
Ф 42

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИС Р14-417-1552

Ф 42 **Феофан Затворник, святитель**

Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? — М.: Данилов мужской монастырь, 2014. — 400 с.

ISBN 978-5-89101-544-9

Святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815—1894) — выдающийся православный духовный писатель, великий учитель благочестия и верный продолжатель святоотеческой традиции — оставил нам огромное богословское наследие. Главной темой его трудов является спасение во Христе.

Известная нескольким поколениям православных читателей книга «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?» обращена к мирянам, ищущим путь ко спасению.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Религиозная организация «Данилов ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», составление, оформление, верстка, 2014

ISBN 978-5-89101-544-9

Вступительное напоминание о данном обещании вести переписку о духовной жизни. Ожидаемая от сего польза

После того как пред отъездом Вашим в Москву мы условились вести беседу о нужных для Вас вещах письменно, мне естественно было ожидать, что по прибытии на место Вы дадите знать о себе и о новой для Вас обстановке. Ждал и жду, но вот сколько уже времени ничего не дожидаюсь. Что сделалось? Уж здоровы ли Вы? Храни Вас Матерь Божия. Или намерение переменили?! Всяко бывает — и это возможно. На этот случай и пишу теперь, чтоб, если так есть и если тут участвует какая-либо опаска обо мне, — что-де обременять не след или другое что, — Вы выбросили ее из головы. Писание к Вам, и притом о таких предметах, не будет для меня тяготою — напротив, составит немалое удовольствие, внося некое разнообразие в обычные мои занятия. Скажу нечто большее, что если не состоится задуманное нами, то я буду себя чувствовать так, как чувствует

себя понесший какой-либо убыток или потерявший нечто. Как это, не стану Вам объяснять, но повторяю, что сие так будет и что сему так и быть должно. Вот и приходится не совет Вам давать, а прошение прилагать: пишите. Хоть большой мудрости нечего Вам от меня ожидать, но один уже пересмотр всего достодолжного доставит Вам немалую пользу, оживив в памяти Вашей всю эту область и сосредоточив на ней внимание, может быть, с возгрением и особой энергии. А в этом последнем какое благо?! Ибо если бывает у нас нескладность в жизни, то она всегда почти происходит не столько от худоумия и худосердечия, сколько от недостатка ретивости и ревности к достодолжному.

Так пишите же.

Отзыв о причине молчания. Необходимая откровенность и простота в переписке. Суета светской жизни

А я растерялся в догадках: что бы такое было?! А вот что! Бабушка немножко болела. Ну, бабушка — победоносное слово. Для внучек нет теплее места, как у бабушек, нет и для бабушек дороже лиц, как хорошие внучки. И за это надо Бога благодарить. А Вы чаще утешайте бабушку и повнимательнее слушайте, что она говорит. У стариц — мудрость, опытами и трудами жизни приобретенная. И они часто невзначай, в простых фразах высказывают такие мудрые уроки, которых и в книгах поискать — не найдешь.

Хоть Вы представили очень удовлетворительное объяснение, почему не писали так долго, но все же следовало бы на Вас наложить хоть небольшую епитимью, в видах исправления. Думаю, однако ж, что, может быть, Вы лучше расположитесь к исправности, если поблагодарю Вас, что писали и за то, что писали. И благодарю.

Обещаете быть откровенною. Добре! Откровенность — первое дело в переписке, иначе нечего было ее и затевать. И пишите всегда сплеча — то, что есть на душе, и особенно пополнее излагайте вопросы, которые зашевелятся в голове и станут настойчиво требовать решения. Тогда и решения будут приниматься, как земля жаждущая принимает воду. И это есть самый лучший способ и приобретения, и закрепления в душе понятий, разъясняющих суть предметов и дел, которых ясно зрение очами ума считаем мы для себя необходимым. Какой был бы толк, если б я написал Вам об одном, а Ваша душа была бы занята другим? Это было бы пусторечие, похожее на то, как если б два лица разговаривали между собою, обратясь друг к другу спиною и каждый толкуя о том, что у него пред глазами. Мы, кажется, так и положили с Вами, что не будем заниматься отвлеченностями и рисовать планы и теории, а поведем речь так, как вести ее заставят текущие явления жизни. Так и будем идти шаг за шагом.

Пишете, что у Вас «рябит в глазах. Дня с два, — говорите, — случилось мне пробыть в обычных здесь общественных увеселениях: то в театре посидела, то погуляла, то была на вечере. И что это за толкотня, какие речи, какие о всем мудреные суждения, какие приемы в обращении? Все это мне дико, а от толкотни — мыслей не соберу». Это на первый раз Вам так

показалось, а потом присмотритесь. Впечатление, Вами испытанное, после покойной простой семейной в деревне жизни совершенно в порядке вещей. Я бы сказал Вам: по тому и судите, где истина жизни и где ложь, — но не знаю, что у Вас от всего бывшего засело на душе. Ибо возможно, что на поверхности будто и неодобрение таких порядков, а поглубже — сочувствие им и желание повторения. Жизнь, которой частичку Вы видели, имеет одуряющее свойство: так что и видят, что все это не то, а все тянутся, как привыкший к опиуму знает, что будет как сумасшедший, а все принимает его или потому и принимает. Так Вы как себя чувствуете? Тянет Вас еще туда же? Желательно Вам так проводить жизнь? Прошу хорошенько расписать мне это — и по правде.

Пустота и односторонность светской жизни

Как Вы обрадовали меня Вашим ответом! «Не тянет, напротив, отталкивает. Не один день после того я была как разбитая, душа моя томилась и тосковала, и я сладить с собою не могла. Насилу-насилу отлегло». Что же это Вы прошлый раз не прописали этого? Мне и показалось, что, помалчивая, Вы прячете зазнобу или занозу... Дай Бог, чтоб такое отревающее от светской жизни и светских увеселений чувство навсегда сохранилось в Вас. Но возможно и то, что слюбится. Как видно, Вам нельзя не соприкасаться к такой жизни. Во второй раз будет уж не так разрушительно и смутительно, в третий — еще меньше, а потом и ничего себе — как говорят про водочку: первая чарка колом, вторая соколом, а там уж только подавай. Которым приходится зайти в табачную мастерскую, что испытывают? И глаза ест, и в носу точит, и дохнуть нельзя. А которые трут-то, тем совсем ничего; да и эти свежие, постояв немного, уже не так жмурятся, чихают и

перхают, а потом и совсем эти неудобства прекращаются. Смотрите, не случилось бы и с Вами подобного относительно так возмутивших покой Ваш порядков жизни.

Вы будто упредили мой вопрос и говорите: «И не думаю, чтоб я помирилась когда-нибудь с такою жизнию. Присматриваюсь и нахожу, что это не жизнь. Не умею этого объяснить, но утверждаюсь в мысли, что это не жизнь. Движения тут много, а жизни нет. Вон и моя швейня куда как хлопочет, но что в ней за жизнь?» Прекрасную мысль породила Ваша светленькая головка. Теперь Ваше положение я могу считать более надежным. Чувство одно непрочно: оно может измениться. Но когда в помощь к нему приходит основательная мысль, то оно упрочивается и собою опять упрочивает мысль. Вдвоем они похожи на крепость. Но чтоб эта крепость была крепче, надо Вам понять, почему именно нет жизни в той жизни. Если продолжатся наши беседы, то со временем подробно выяснится это; теперь же скажу только: потому нет в той жизни жизни, что она не все стороны человеческой жизни занимает, питает, а только малую частичку, и притом такую, которая стоит на последнем месте или, вернее, на окраинах жизни, не касаясь центра ее. Жизнь человеческая многосложна и многостороння. Есть в ней сторона телесная, есть душевная и есть духовная. Каждая имеет свои силы и

потребности и свои способы упражнения их и удовлетворения. Только тогда, как все силы наши бывают в движении и все потребности удовлетворяются, человек живет. А когда у него в движении только одна частичка сил и только одна частичка потребностей удовлетворяется, то эта жизнь — не жизнь: все одно, как в Вашей швейне, движение должное бывает только тогда, когда все части ее в ходу. Прекратись действие какой-либо части — машинка стала, не живет. Не живет и человек по-человечески, когда в нем не все в движении. Только в машинке прекращение ее жизни — движения — прямо видится, а в человеке бездействие в нем полной человеческой жизни, при действии одной какой стороны и удовлетворении немногих потребностей, совершается невидимо, хотя есть действительно, как действительна неподвижность сказанной машинки. Таков закон человеческой жизни! Приложим его к тому, о чем у нас речь. Какие силы там заняты и какие потребности удовлетворяются? Заняты руки, ноги, язык, глаза, уши, обоняние, осязание, память, воображение, фантазия и сметливость, все в совокупности — самая низшая сторона человека, одинаковая у него с животными; и удовлетворяется только одна потребность животной жизни или, лучше, играние сей жизни, какое действует и в молоденьких барашках с овечками, когда их выгоняют на зеленую поляну. Кроме этих сил,

есть у человека еще два-три яруса их и еще главный им центр.

Судите же теперь, может ли такая жизнь быть жизнью? Чувство Ваше сказало Вам, что нет тут жизни. Указываю Вам главную причину, почему нет. Может быть, действие этой причины не так теперь для Вас ясно, но общая мысль не может не быть понятою; подробности же уяснятся со временем. Ибо я имею намерение все достодолжное выводить из устройства человеческого естества. Жить нам надобно так, как Бог создал нас, и когда кто не живет так, смело можно говорить, что он совсем не живет. Прошу удовлетвориться пока этим.

Светская жизнь лишает свободы и преданных ей держит в тяжком рабстве. Лицемерие и эгоизм как постоянные качества светской жизни

Прошлый раз не о всем я поговорил, чего касались Вы в своем письме. Шлю дополнение. Вы говорите: «Еще вот что я вижу, что все впопыхах спешат, гонятся за чем-то, чтоб уловить, и никто ничего не успевает поймать. Случилось мне пройти людной улицею или местом — какая там суматоха и суета! Но смотрю потом — и в домах то же, то же, вероятно, и в душах у них. И ума не приложу: ужели так можно жить? И вот что еще вижу: что тут друг друга теснят, вяжут и тиранят; никто своей воли и свободы не имеет. Одеться не смей как хочешь, ступать не смей как хочешь, говорить тоже — и ничего не смей как хочешь. Все у них подчинено какому-то закону, который не знают кем написан; всех он теснит; но никто сломать его не смеет. Зато и сами делаются тиранами друг для друга. Посмей не послушать кого — горе. Я, например, пою. Когда хочется петь,

ведь это рай: и самой приятно, и слушающим. А тут хочешь не хочешь — пой. Предлагается это очень вежливо, но отказаться-то считается делом противозаконным. И поешь. Самой тягота невыносима — чуть грудь не треснет, а надуваешься — показать, что поешь от души. Я замечала это и у других. Вот вам и свобода! А ведь снаружи посмотреть — все вольница. Вольница, спутанная по рукам и по ногам!!! По этому поводу стала я присматриваться, да от души ли они делают и все прочее. И что же? Может быть, я ошибаюсь, но не увидела ничего, что было бы от души. Ласки напускные, готовность к услугам — тоже, взаимоуважение — тоже. Все напускное. За видимостью, гладкою и изящною, прячется совсем другая душа, которую, если б ее вытащить наружу, никто не нашел бы не только изящною, но и сносною. И выходит, что когда мы собираемся, то представляем собою сборище лицедеек и лицедеев. Комедия! И еще что мне дивно — это то, что от всех веет холодом. Как же это так?! Ведь все дружка дружке, кажется, душу готовы отдать, а кругом ходит холод!»

Совершенно верно. К Вашему описанию нечего и прибавлять. Все это давно уже замечено и указано в предосторожность. Еще Макарий Великий вот как изображал увиденную Вами сумятицу и гоньбу за чем-то: «Чада века сего уподобляются пшенице,

всыпанной в решето земли сей, и просеиваются среди непостоянных помыслов мира сего, при непрестанном волнении земных дел, пожеланий и многосплетенных вещественных понятий. Сатана сотрясает души и решетом, то есть земными делами, просевает весь грешный род человеческий. Со времени падения, как преступил Адам заповедь и подчинился лукавому князю, взявшему над ним власть, непрестанными обольстительными и мятущимися помыслами всех сынов века сего просевает и приводит он в столкновение в решете земли. Как пшеница в решете у просеивающего бьется и, взбрасываемая непрестанно, в нем переворачивается, так князь лукавства земными делами занимает всех людей, колеблет, приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, нечистым пожеланиям, земным и мирским связям, непрестанно пленяя весь грешный род Адамов. И Господь предсказал апостолам будущее на них восстание лукавого: *сатана просит вас, дабы сеял, как пшеницу. Аз же молился* Отцу Моему, *да не оскудеет вера* ваша (ср.: Лк. 22, 31–32). Ибо сие слово и определение, изреченное Создателем Каину явно*: стеня и трясыйся*, в тревоге, *будеши* на земле (ср.: Быт. 4, 12), служит втайне образом и подобием для всех грешников, потому что род Адамов, преступив заповедь и соделавшись грешным, принял на себя втайне сие подо-

бие. Люди приводятся в колебание непостоянными помыслами боязни, страха, всякого смущения, пожеланиями, многообразными всякого рода удовольствиями. Князь мира сего волнует всякую душу, не рожденную от Бога, и, подобно пшенице, непрестанно вращающейся в решете, разнообразно волнует человеческие помыслы, всех приводя в колебание и уловляя мирскими обольщениями, плотскими удовольствиями, страхованиями, смущениями» (Беседа 5, § 1, 2).

Вот Вам в придаток к Вашему наблюдению! Вы заметили, что есть и бывает. А святой Макарий указал и причину того, и первое исходище. Этот взгляд на дело в том круге, о коем речь, не принимается, и речи о том заводить нельзя. Вас же прошу усвоить этот взгляд и всегда держать его в мысли. Он выражает суть дела и, будучи Вами принят с убеждением, будет служить для Вас ограждением от обаяний светской жизни. Чтоб больше об этом подумать и более сродниться с таким образом мыслей, потрудитесь прочитать всю эту пятую беседу святого Макария. Книгу эту я давал Вашей матушке, и она хотела ее приобресть.

Со своей стороны прибавлю, что эта гоньба за чем-то и неудовлетворенность ничем зависят от того же, о чем я писал прошлый раз, именно от того, что таким образом жизни не все естество человеческое

питается и не все потребности его удовлетворяются. Неудовлетворенная сторона, как голодная, требует пищи в утоление своей алчбы и жажды и гонит человека искать ее. Человек и бежит искать; но как он вращается все в том же круге, не удовлетворяющем голодающей стороны, то удовлетворения не бывает, голод и жажда не пресекаются, не прекращается и требование пищи, не прекращается и гоньба. И никогда она не прекратится в живущих по духу мира. Враг же держит их в ослеплении, по коему они не замечают ошибки, что не тою дорогою бегут и не туда стремятся; и в этом мраке томит и душит эти души бедные. И так их отуманил враг, что и говорить им об их ошибочности не смей никто. Так и зарычат, как лютые звери. Не рыкание ли это того льва, который всюду рыщет, *иский кого поглотити?* (1 Пет. 5, 8).

Что касается до других замеченных Вами сторон светской (мирской) жизни, скажу только, что иначе сему и быть нельзя. Ибо *такая жизнь есть жизнь падшего человечества, которого исходная черта есть самолюбие, или эгоизм*, себя ставящий целью, а все и всех — средством. Тут причина того, что всякий хочет навязать свои желания на другого или связывать его ими, — что назвали Вы очень метко тиранством. Уж как ни скрашивает кто своих желаний, назади всего стоит эгоизм, желающий повернуть Вас

по-своему или сделать Вас средством. Тут причина и лицедейства, суть которого есть напряженное ухищрение всячески прятать свои дурные стороны, не исправляя их; иначе пресечется влияние на других и, следовательно, пользование ими как средствами. Тут причина и того, что от всех холодом веет; ибо всякий замкнут в себе и не разливает лучей теплой жизни вокруг себя.

Правда, Вы, верно, встречаете несколько лиц с симпатичным строем сердца: так и льнут и берут прямо за сердце. Такое расположение есть остаток родственного чувства, с каким создан человек в отношении к другим; но оно тут состоит в услугах у эгоизма, который пользуется им как наилучшим средством к устроению своих дел. Я знаю одно такое лицо. Лучше прямой эгоист или эгоистка, чем такие симпатисты и симпатистки. В тех хотя заметить можно, куда ведут дело, а здесь редко кому удастся этого достигнуть.

Правда, Вы непрестанно почти встречаете услуги, но они делаются затем, чтоб потом за одну запрячь Вас на десять дел в свою пользу. Скажете: «Да как же это? Тут все бьют на честность, и в чем-либо показать нечестность — значит сгубить себя». Правда, что так есть, но эта честность есть маска эгоизма; все дело тут — не ударить себя в грязь лицом, для чего нередко допускаются самые бесчестные

поступки, коль скоро можно утаить их от других. Вы даже услышите или уже слышали приговоры: это эгоист, это эгоистка! Не подумайте, что говорящие это сами чужды эгоизма. Нет, этот приговор относится к тем, которые не позволяют повертывать собою или употреблять себя в средство для эгоистических целей тех, которые так о них судят. И следовательно, прямо обличает в сих последних эгоистов или эгоисток. Я слышал, что такие особы даже монахов укоряют в эгоизме, что-де для себя одних живут. Бедные монахи! Ни поесть, ни попить, ни поспать; день и ночь на ногах, в послушаниях, не имея своей воли и своих желаний, — и попали в эгоисты! По этому одному можете судить, какого достоинства суть и вообще обличения в эгоизме, какие встречаете или встретите среди светских. Они значат: нашла коса на камень.

Пересмотрев написанное, вижу, что это я очень грубый произнес суд над светскою жизнью, но не беру слова назад. Может быть, я и не написал бы того, что написалось, но как Вы сами заметили довольно темненькие пятна в свете, то я и разохотился — запеть в ту же ноту; и не думаю, чтоб это сколько-нибудь Вас покоробило после того, что сами Вы сказали. Но ожидаю от Вас вопроса: как же быть-то? Это и будем решать в продолжение всей нашей переписки. Теперь же скажу только: совсем

Вам отстать от всех, конечно, нельзя; но сколько можно отнекивайтесь входить в круг этой светской жизни, а когда втянут против воли, держите себя так, как бы Вас там не было: видя, не видьте и слыша, не слышьте. Видимое пусть проходит мимо глаз и слышимое мимо ушей. Внешне действуйте, как и все, будто нараспашку; но сердце свое берегите от сочувствий и увлечений. В этом главное — сердце берегите — и будете там только телом, а не душою, верно исполняя заповедь апостола: да будут *требующии мира... яко не требующе* (ср.: 1 Кор. 7, 31). Мир здесь то же значит, что у нас свет и светская жизнь. Вы будете требующая мира, то есть имеющая нужду соприкасаться светской жизни; но когда будете держать вдали от всего свое сердце, то будете яко не требующая такой жизни, то есть не по сочувствию и желанию в ней участвующая, а вынуждаема будучи настоящим своим положением.

Утомил я Вас многописанием; но Вы же меня понудили. Прошу не пропустить без внимания написанного, особенно последних строк.

Три стороны человеческой жизни. Первая сторона: жизнь телесная, ее органы и потребности; нормальная и излишняя заботливость о теле

Сколько Вы наделали вопросов по поводу предыдущих двух писем! Это показывает в Вас прилежную, живую и восприимчивую ученицу и обещает успех. Тем охотнее мне писать. Но не на все буду Вам отвечать теперь, оставляя ответы до следующих разов. Займусь тем, что более всего Вас занимает. Пишете: «Ваши слова о сторонах, силах и потребностях человеческого естества вводят меня внутрь себя. Вхожу. Кое-что вижу, но большая часть то туманна, то совсем невидима для меня. Сильно желаю знать, что такое духовная, душевная и телесная сторона в человеке, какие в каждой потребности и как они удовлетворяются. Мне очень хотелось бы держать себя на уровне человеческого достоинства — истинного, как нам назначено быть Творцом».

Хорошо-с! Вы касаетесь самых основ нашей жизни, объяснение которых даст нам основы для

всех последующих рассуждений. Уж как же иначе человеку и жить, как не так, как он устроен. Установив здравые понятия о том, как устроен человек, получим вернейшее указание на то, как ему следует жить. Мне думается, что многие потому и не живут, как должно, что думают, будто правила о сей достодолжной жизни навязываются совне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются. Если б были уверены, что так есть, не стали бы поперечить им и отступать от них. Итак, извольте послушать.

Тело наше состоит из разных органов, из коих каждый совершает свое отправление, существенно необходимое для жизни телесной. Главных органов три: 1) *желудок* с легкими, сердцем, артериями и венами, лимфатическими сосудами и множеством других сосудов, сосудцев и желез, служащих для разных отделений из крови и соков тела; отправление всех их — питание тела, или плототворение; 2) *система мускулов и костей*, отправление коих есть движение внутри и вовне; 3) *система нервов*, центр коих — голова, спинной мозг и система ганглий — где-то под брюшною и грудною преградою, а разветвления проникают все тело; отправление ее — *чувствительность*. Когда ход этих отправлений и взаимное их отношение в порядке, тело здорово и жизнь вне опасности; а когда этот порядок нарушается, тело заболевает и жизнь в опасности. Каждое

отправление имеет свою потребность, которая дает себя живо чувствовать живущему, требуя удовлетворения. *Потребности желудочной*, или питательной и плототворной, части суть *пища*, *питие*, *воздух*, *сон; потребность мускульно-костяной части* есть потребность *напрягать мускулы*, которую всякий чувствует, долго засидевшись, и прямо *потребность движения*, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; *потребность нервной части — приятное раздражение нервов* всего тела, как мерность тепла и холода и подобного, и особенно *приятное раздражение пяти наших чувств*, в которых нервная система вышла наружу для общения со внешним миром.

Все это, как видите, телесно, душе какое бы до всего этого дело? Но как она, по теснейшему сочетанию с телом, приняла его в свою личность, то своими считает и все потребности телесные. Оттого говорим: я хочу есть, пить, спать, хочу ходить, гулять, работать, хочу видеть разноцвет, слышать разноголосие, обонять разноухания и прочее. Усвоив себе все потребности телесные, душа своим делом считает и удовлетворение их и хлопочет о пище, питии, сне, одежде, крове и о всем прочем, всячески желая добиться того, чтоб тело было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованиями. Это отношение души к телу, которое она держит не учась, а сама

собою, по внутреннему некоему понуждению, обнаруживается в ней вроде некоего инстинкта — *животолюбием, телолюбием, желанием покоить тело* и доставать все для того потребное.

Совокупность всего этого и есть телесная сторона человеческой жизни. Но не все здесь одинаково телесно, или плотяно и чувственно. Крепко плотяна только питательная часть, но и она облагораживается приспособлением ее удовлетворения к потребностям и целям собственно душевным. Органы же движения и чувства служат более нуждам души, чем тела. А один орган, стоящий будто вне системы прочих органов, именно орган слова, исключительно есть орган души, назначенный для служения ей одной.

Телесная, плотская, чувственная, неодобрительная в нравственном отношении жизнь есть та, когда человек, увлекаясь крайне животолюбием и телолюбием, поставляет главною для себя целию и заботою покой тела или всестороннее удовлетворение потребностей лишь телесных, с забвением о душе и тем паче о духе. При этом каждая телесная потребность, естественно-простая, распложается во множество прививных потребностей чрез привычку и пристрастие к разным способам ее удовлетворения. Возьмите пищу, или питие, или одежду. Что, кажется, проще всего, сюда относящегося? А между тем сколько

потребностей неотлучных: хоть умри, да подай! Оттого видим, что иные минуты не имеют свободной, бегая за нужным для удовлетворения их, при всем том, что десятки других лиц заняты для них тем же. У таких неизбежно должны голодать душа и дух, если они не совсем заглушены, забиты и погружены в чувственность.

Извольте о всем этом поразмыслить. О душе — до следующего письма.

Вторая сторона человеческой жизни: жизнь душевная — и три главных ее отправления. Первое отправление: сторона мыслительная с ее видами. Знание и наука. Нормальные отправления рассудка и пустое блуждание мыслей

Вы входили внутрь; войдемте туда снова. Смотрите, какое там множество и разнообразие действий и движений! То одно, то другое, то входит, то выходит, то принимается, то отвергается, делается и переделывается. Ибо душа приснодвижна и на одном стоять не в силах. Если мы станем смотреть в душу сообща, то ничего не разберем; надо действия ее распределить по родам и каждый род потом рассматривать особо. Да уж давно присмотрелись и распределили все действия души на три разряда — мыслей, желаний и чувств, назвав каждый особою стороною души — мыслительною, желательною и чувствующею. Возьмем это разделение и начнем обозревать каждую сторону.

Сторона мыслительная. Если внутри нас видится смятение, то оно наибольший простор имеет

в мыслях: желания же и чувства мятутся уже под действием мыслей. Но в разряде мыслей не все есть беспорядочное движение; есть в среде их ряд серьезных занятий. Они-то, собственно, и составляют настоящее дело жизни душевной со стороны мыслей. Вот эти занятия:

1. Как только заметили Вы что-либо вовне посредством своих чувств или выслушали рассказ от других о том, что они заметили своими чувствами, тотчас все то *воображение* воображает и *память* запоминает; и в душу ничто не может войти помимо воображения и памяти. Затем и последующая деятельность мыслительная опирается на воображении и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о том и думать не станешь. Бывает, что мысли прямо рождаются из души; но и они тотчас облекаются в образ. Так что мыслительная сторона души вся есть *образная*.

2. Но воображение и память добывают и хранят только материал для мыслей. Само движение мыслей исходит из души и ведется по законам ее. Припомните, как Ваш меньшой брат, увидев какую-либо новую вещь, тотчас обращался к Вам или другим с вопросами: «А что это? А кто это сделал? А из чего это?» — и не успокаивался, пока не решат ему всех этих вопросов и не удовлетворят его. Мыслительность души начинается именно с порождением

сих вопросов и рождает мысли в ответ на них или принимает готовые уже об этом мысли от других. Воображение и память не мыслят. Они — чернорабочие силы, подъяремные. Способность души, из которой исходят такие вопросы и которою доискиваются и порождают мысли в ответ на них, называется рассудком, которого дело рассуждать, обдумывать и находить требуемые решения. Понаблюдайте за собою, и найдете, что ничего у Вас не делается без обдумывания и соображения. Всякую малость приходится обсуждать. Как бы мгновенно это ни делалось, но всюду входит соображение и идет по означенным прежде вопросам.

3. Когда Вы обдумываете, то тут нет еще определенной мысли. Мысль определенная установляется, когда найдете решение какого-либо из вопросов. Рассудок Ваш все роется, ища, что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и прочее. Когда же найдете сами такое решение или, выслушав его от других, согласитесь с ним, обыкновенно говорите: «Теперь понимаю, толковать больше нечего, дело решенное». Это решение дает покой Вашей мыслительности относительно занимавшего Вас предмета. Тогда рассудок Ваш обращается к другим предметам, а сложившаяся мысль сдается в архив душевный — память, откуда по требованию нужды берется как пособие к решению других вопросов, как

средство к слаганию других мыслей. Совокупность всех сложившихся таким образом понятий составляет образ Ваших мыслей, который Вы и обнаруживаете при всяком случае в речах своих. Это есть область Вашего *знания*, добытого Вами трудом мысленным. Чем больше у Вас решено вопросов, тем больше определенных мыслей или понятий о вещах; чем больше таких понятий, тем шире круг Вашего знания. Таким образом, как видите, выше памяти и воображения у Вас стоит рассудок, который своим *мыслительным трудом* добывает для Вас определенные о вещах *понятия* или *познания*.

Не на всякий вопрос удается нам добыть определенный ответ. Большая часть их остается нерешенными. Думают-думают и ничего определенного не придумают. Почему говорят: может быть так, а может быть этак. Это дает *мнения* и *предположения*, которых в общей сложности у нас не больше ли, чем сколько есть определившихся познаний.

Когда кто, обсуждая известный класс предметов, добудет сам и от других позаимствует так много определенных о них мыслей и понятий, а нерешенное в них успеет дополнить такими удачными мнениями и предположениями, что может счесть этот круг предметов достаточно познанным и уясненным, тогда приводит все добытое в порядок, излагает в связи и последовательности и дает нам *науку*

о тех предметах. Наука — венец мыслительной работы рассудка.

Все это я рассказываю Вам затем, чтоб яснее Вам было, в чем должна бы состоять естественная, законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбно обсуждать незнаемое еще, чтобы познать то. Научниками быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки, но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем и можно, и до́лжно. Вот этим и следовало быть у всех занятою мыслительной силе. Сколько она добудет — это судя по своей крепости, но она должна быть всегда занята серьезным делом обдумывания и обсуждения действительностей. Между тем что видим в нашей мысленной области? Непрерывное движение образов и представлений без всякой определенной цели и порядка. Помышления за помышлением восстают и то идут в ряд, то поперечат друг другу, то забегают вперед, то возвращаются назад, то отбегают в сторону, ни на чем не останавливаясь. Это не рассуждение, а блуждание и рассеяние мыслей; следовательно, состояние, совсем противоположное тому, чем бы следовало являться нашей мыслительной силе, — болезнь ее, столь внедренная в нее и общая всем, что Вы ни одного не найдете человека, который бы мог постоянно вести серьезный труд мышления, не

подвергаясь рассеянию и блужданию мыслей, отрывающих его от дела и увлекающих в разные стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояние? Вот что: мысль сходит в архив памяти и помощию воображения перебирает там весь собравшийся хлам, переходя от истории к истории по известным законам сцепления представлений, приплетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к действительности окружающей. Говорят: углубился. Углубился, но в пустоту, а не в серьезное обсуждение дела. Это есть то же, что сонное мечтание, — праздномыслие и пустомыслие. Понаблюдайте за собою — и увидите, что большая часть времени проходит у нас именно в таком пустомыслии и блуждании мыслей. Иной день (и не больше ли таких) — ни одной серьезной мысли не вспадет на ум. Прошу обратить на это внимание и заняться решением вопроса: пристало ли так действовать разумной твари? А я между тем обращусь к другим разрядам душевной деятельности.

Желательная сторона душевной жизни. Ее отправления. Правильное и беспорядочное состояние желательной способности

Желательная сторона. Действующая здесь сила есть *воля*, которая волит — желает приобресть, употребить или сделать, что находит полезным для себя, или нужным, или приятным, и не волит — не желает противного тому. Воления воли требуют соответственного дела, потому воля прямее есть деятельная сила, которой существенная потребность — жить и действовать. Она держит в своем заведовании все силы души и тела и все подручные способы, которые все и пускает в ход, когда нужно. В основе ее лежит *ревность*, или ретивость, — жажда дела, а возбудителями стоят при ней — *приятное*, *полезное* и *нужное*, которых когда нет, ревность спит и деятельные силы теряют напряжение, опускаются. Они поддерживают желание, а желание разжигает ревность.

Ход раскрытия сей стороны душевной таков. В душе и теле есть потребности, к которым привились и

потребности житейские — семейные и общественные. Эти потребности сами по себе не дают определенного желания, а только нудят искать им удовлетворения. Когда удовлетворение потребности тем или другим способом дано однажды, то после того, вместе с пробуждением потребности, рождается и желание того, чем удовлетворена уже была потребность. Желание всегда имеет определенный предмет, удовлетворяющий потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена, потому с пробуждением ее рождаются и разные желания: то того, то другого, то третьего предмета, могущего удовлетворить потребность. В раскрывшейся жизни человека потребностей за желаниями и не видно. Роятся в душе только сии последние и требуют удовлетворения, будто сами для себя.

Что делать душе с сими желаниями? Ей предлежит *выбор*, какому предмету из возжеланных дать предпочтение. По выборе происходит решение — сделать, или достать, или употребить избранное. По решении делается подбор *средств* и определяется способ и порядок исполнения. За этим следует, наконец, дело в свое время и в своем месте. Всякое, даже самое маленькое, дельце идет сим порядком. Это можете Вы проверить на каком-либо своем деле. По навыку иногда все эти действия совершаются мгновенно, и за желанием тотчас следует дело. Выбор,

решение и средства берутся тогда из прежних дел и особого производства не требуют.

В пожившем человеке все почти делается по навыку. Редко случается какое-либо предприятие или начинание, выходящее из обычного порядка дел и знаний. Так уж бывает, что сложившаяся жизнь требует соответственных себе дел. Как они повторяются часто, то естественно обращаются в навык, нрав, правило жизни и характер. Из совокупности всех такого рода навыков, правил и порядков устанавливается образ жизни известного лица, как из совокупности установившихся понятий составляется образ его мыслей и воззрений. Зная чей-либо образ жизни, можно угадывать, что думает он в то или другое время и как поступит он в известных обстоятельствах.

Заправителем деятельной жизни поставлено *благоразумие*, которое есть тот же рассудок, только состоящий на службе у воли. В мысленной области рассудок решает, как что есть из существующего, а в желательной и деятельной — определяет, как что делать должно, чтоб верно было достигаемо то, что законно возжелано. Когда навыкнет он определять это как следует, так что человек дела свои ведет всегда или большею частию с успехом, тогда ему справедливо приписывается благоразумие — уменье с успехом вести дела, верно соображая средства с целями и дела с внешними обстоятельствами.

Из сказанного Вам нетрудно будет вывесть заключение о естественно-законной деятельности воли, которая, как видите, есть госпожа всех наших сил и всей жизни. Ее дело — определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порождаемых потребностями или их заменивших, чтоб жизнь текла достодолжно, доставляя покой и радость живущему. Есть у нас, как поминалось, потребности и желания — душевные, телесные, житейские и общественные. Не у всех они одинаково проявляются, потому что не у всех одинаково слагается жизнь, а у одного так, у другого иначе. Дело человека — определить, как в своем положении может и должен он удовлетворять свои потребности и желания, приладить подходящие к тому способы и вести по тому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся норме свою жизнь со всеми делами ее и начинаниями — се есть задача желательной или деятельной стороны нашей жизни. Так бы следовало. Но вникните и рассмотрите, что бывает.

В мысленной стороне у нас бывает смятение, рассеяние и блуждание мыслей, а в желательной — непостоянство, беспорядочность и своенравие желаний, а за ними и дел. Сколько времени проходит у нас в безделии и пустоделии: шатаемся туда и сюда, сами не зная для чего; делаем и переделываем, не умея дать здравого в том отчета; идут у нас на-

чинание за начинанием и дело за делом, но из всего выходит только толкотня — суета. Зарождаются желания — и ничего с ними не поделаешь: давай и давай. И добро бы это однажды так, а то — почти что ни час. Отчего это? Расплылась госпожа наша — воля. Посмотрите еще, сколько у нас есть пришлых возбудителей желаний: гнев, ненависть, зависть, скупость, тщеславие, гордость и подобные. Источником желаний должны быть естественные потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а в этих всех что есть естественного? Они только расстраивают естество и все порядки жизни. Откуда же это варварское нашествие? Оставляю это Вам на рассуждение, а сам поспешу к концу.

Сторона чувства — сердце. Важное значение сердца в жизни человека. Влияние страстей на сердце

Сторона чувства — сердце. Кто не знает, сколь великое значение имеет в жизни наше сердце? В сердце осаждается все, что входит в душу совне и что вырабатывается ее мыслительною и деятельною стороною; чрез сердце же проходит и то все, что обнаруживается душою вовне. Потому оно и называется центром жизни.

Дело сердца — чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствует постоянно и неотступно *состояние души и тела*, а при этом и *разнообразные впечатления* от частных действий душевных и телесных, от окружающих и встречаемых предметов, от внешнего положения и вообще от течения жизни, понуждая и нудя человека доставлять ему во всем этом приятное и отвращать неприятное. Здоровье и нездоровье тела, живость его и вялость, утомление и крепость, бодрость и дремота; затем что

увидено, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомянуто и воображено, что обдумано и обдумывается, что сделано, делается и предлежит сделать, что добыто и добывается, что может и не может быть добыто, что благоприятствует нам или не благоприятствует — лица ли то или стечение обстоятельств, — все это отражается в сердце и раздражает его приятно или неприятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть в покое, а быть в непрерывном волнении и тревоге, подобно барометру пред бурею. Но причувствовалось, и многое проходит у него без следа, как можете проверить теми случаями, что когда в первый раз случится нам быть где, то все нас там занимает, а после второго и третьего раза разве что.

Всякое воздействие на сердце производит в нем особое чувство, но для различения их в нашем языке нет слов. Мы выражаем свои чувства общими терминами: приятно — неприятно, нравится — не нравится, весело — скучно, радость — горе, скорбь — удовольствие, покой — беспокойство, досада — довольность, страх — надежда, антипатия — симпатия. Понаблюдайте за собою и найдете, что на сердце бывает то одно, то другое.

Но значение сердца к икономии нашей жизни не то только, чтоб страдательно состоять под впечатлениями и свидетельствовать об удовлетворительном или неудовлетворительном состоянии нашем, но и

то, чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела. Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце! А пред тем, к которому не лежит сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Оттого умеющие собою править, встречая нужное дело, которое, однако ж, не нравится сердцу, спешат найти в нем приятную сторону и тою, помирив с нею сердце, поддерживают в себе потребную для дела энергию. Ревность — движущая сила воли — из сердца исходит. То же и в умственной работе: предмет, павший на сердце, спешнее и всестороннее обсуждается. Мысли при этом роятся сами собою, и труд, как бы он ни был долог, бывает не в труд.

Не все всем нравится, и не у всех ко всему одинаково лежит сердце; но у одних больше к одному, а у других больше к другому. Это выражается так: у всякого свой вкус. Зависит это частию от естественного предрасположения, частию — и не больше ли? — от первых впечатлений, от впечатлений воспитания и случайностей жизни. Но как бы ни образовались вкусы, они заставляют человека так устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношениями, какие указывает его вкус и с какими мирен он бывает, удовлетворяясь ими. Удовлетворение вкусов сердечных дает ему покой — сладкий, который и составляет свою для всякого меру счастия. Ничто не тревожит — вот и счастие.

Если б человек всегда в мысленной части держался здравомыслия, а в деятельности — благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных его сердцу, и, следовательно, имел бы наибольшую долю счастия. Но, как указывалось, мысленная часть редко держит себя достодолжно, предаваясь мечтам и рассеянности, и деятельная уклоняется от своего нормального направления, увлекаясь непостоянными желаниями, возбуждаемыми не потребностями естества, а пришлыми страстями. Оттого и сердце покоя не имеет и, пока те стороны находятся в таком состоянии, иметь его не может. Больше всего тиранят сердце страсти. Не будь страстей, встречались бы, конечно, неприятности, но они никогда не мучили бы так сердца, как мучат страсти. Как жжет сердце гнев! Как терзает его ненависть! Как точит злая зависть! Сколько тревог и мук причиняет неудовлетворенное или посрамленное тщеславие! Как давит скорбь, когда гонор страдает! Да если построже рассмотреть, то найдем, что и все наши тревоги и боли сердца — от страстей. Эти злые страсти, когда удовлетворяемы бывают, дают радость, но кратковременную, а когда не бывают удовлетворяемы, а, напротив, встречают противное, то причиняют скорбь, продолжительную и несносную.

Таким образом, видно, что сердце наше точно есть корень и центр жизни. Оно, давая знать о хорошем

или худом состоянии человека, возбуждает к деятельности прочие силы и послед деятельности их опять принимает в себя, на усиление или ослабление того чувства, коим определяется состояние человека. Казалось бы, что ему следовало бы отдать полную власть и над управлением жизнию, как это и бывает у многих-многих вполне, а у всех прочих понемногу. Казалось бы, так, и, может быть, по естеству оно имело именно такое назначение, но привзошли страсти и все помутили. При них и состояние наше указывается сердцем неверно, и впечатления бывают не таковы, каким следовало бы быть, и вкусы извращаются, и возбуждения других сил направляются не в должную сторону. Потому теперь закон — держать сердце в руках и подвергать чувства, вкусы и влечения его строгой критике. Когда очистится кто от страстей, пусть дает волю сердцу; но пока страсти в силе, давать волю сердцу — значит явно обречь себя на всякие неверные шаги. Хуже всего поступают те, которые и целию жизни поставляют сласти сердца и наслаждение, как говорят, жизнию. Так как сласти и наслаждения плотские и чувственные дают себя сильнее чувствовать, то такие лица всегда ниспадают в грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отделяет человека от прочих живых тварей.

Так вот Вам душа и душевная жизнь со всех ее сторон! Я указывал нарочно, чему естественно следует быть на каждой стороне и чему не следует. И без напоминания Вам вижу в Вас готовность следовать первому и отвращать последнее. И благослови, Господи!

Третья сторона человеческой жизни: жизнь духовная. Главные проявления духовной жизни: страх Божий, совесть и жажда Бога. Достоинство человека

Пишете: «Я пробовала удержать свои мысли на серьезном и никак не смогла. Думала, что это зависит от моей непривычки рассуждать, и взяла хорошую книгу, чтоб при помощи ее держать ум о дельном рассуждающим, — и тут то же. Ум все отбегает на сторону и все к пустякам. Наконец я и совсем задумалась — и где-где ни была и каких историй ни наплела. Кто-то из наших привел меня в себя вопросом: «Что это ты зафилософствовалась? О чем?» А я совсем не философствовала, а мечтала. Так и всегда ведь бывало, но прежде я не обращала на это внимания. Теперь вижу, и вижу, что сему не должно бы быть; но как же быть? Никак не управишься с мыслями».

Как с этим быть, я расскажу Вам после; а теперь к тому Вашему наблюдению прошу приложить и другое: попробуйте хоть денек один пробыть без серчания и досадования и скажите, как это Вам удастся.

Затем Вы задаете мне вопрос: «Вы заключили: вот Вам душа и душевная жизнь. Но у Вас не все указано, что бывает в душе. Ни о добродетелях, ни о благочестии — ни слова. А я вижу, что в нашей семье, у родных и у многих знакомых они — на первом месте не в слове только, но и в деле. Как же об них не упомянуто?»

Об этом только что собирался я писать. Я и прошлый раз хотел сказать, что скажу теперь, но подумалось подождать и посмотреть, как взглянете Вы на все сказанное. И вот Ваш вопрос. Благодарствую за серьезное вникание в предлагаемое. Сие достойно Вашей, так хорошо сложенной, головки. Пропуск, Вами замеченный, — не пропуск, но говорить о том, что Вам показалось опущенным, было здесь совсем не у места. Не дело души заниматься теми предметами. На то есть *дух*, а душа вся обращена исключительно на устроение нашего временного быта — земного. И познания ее все строятся только на основании того, что даст опыт, и деятельность ее обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства ее порождаются и держатся только из ее состояний и положений видимых. Что выше сего, то не ее дело. Хоть и бывает в ней нечто выше сказанного, но то гостьи суть, заходящие к ней из другой высшей области, именно — области духа.

Что же это за дух? *Это та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его.*

Все роды существ наземных изводила по повелению Божию земля. Из земли изошла и всякая душа живых тварей. Душа человеческая хотя и сходна с душою животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходнее ее. Что она является такою в человеке, это зависит от сочетания ее с духом. Дух, вдохнутый Богом, сочетавшись с нею, столько возвысил ее над всякою нечеловеческою душою. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных, и то, что свойственно душе человека одуховленной, а выше еще — то, что свойственно собственно духу.

Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой. Неким духовным сокровенным чутьем удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полную от Него зависимость и сознает себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им.

Более осязательные проявления сих движений жизни духа суть: 1. *Страх Божий*. Все люди, на каких бы они степенях развития ни стояли, знают, что есть верховное Существо, Бог, Который все сотворил, все содержит и всем управляет, что и они во всем от Него зависят и Ему угождать должны, что Он есть Судия и Мздовоздаятель всякому по делам его. Таков естественный символ веры, в духе написанный. Исповедуя его, дух благоговеинствует пред

Богом и исполнен страха Божия. 2. *Совесть*. Сознавая себя обязанным угождать Богу, дух не знал бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совесть. Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном символе веры, Бог начертал в нем и требования Своей святости, правды и благости, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право и что не право, что угодно Богу и что не угодно, что должно и что не должно делать; указав, властно понуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздаятель. Она есть естественные скрижали Завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе со страхом Божиим и действия совести. 3. *Жажда Бога*. Она выражается во всеобщем стремлении ко всесовершенному благу и яснее видна тоже во всеобщем недовольстве ничем тварным. Что означает это недовольство? То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога исшедши, Бога он ищет, Его вкусить желает и, в живом с Ним пребывая союзе и сочетании, в Нем успокаивается. Когда достигает сего, покоен бывает, а пока не достигнет, покоя иметь не может.

Сколько бы ни имел кто тварных вещей и благ, все ему мало. И все, как и Вы уже замечали, ищут и ищут. Ищут и находят, но, нашедши, бросают и снова начинают искать, чтоб и то, нашедши, также бросить. Так без конца. Это значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горé — к небесному?

Не разъясняю Вам подробно всех этих проявлений духа, навожу только мысль Вашу на его присутствие в нас и прошу Вас побольше подумать об этом и довесть себя до полного убеждения, что точно есть в нас дух. Ибо в нем отличительная черта человека. Душа человеческая делает нас малым нечим выше животных, а дух являет нас малым нечим умаленными от Ангелов. Вы, конечно, знаете смысл ходящих у нас фраз: дух писателя, дух народа. Это совокупность отличительных черт — действительных, но некоторым образом идеальных, умом дознаваемых, неуловимых и неосязаемых. То же самое есть и дух человека; только дух писателя, например, видится идеально, а дух человека присущ в нем как живая сила, живыми и ощущаемыми движениями свидетельствующая о своем присутствии.

Из сказанного мне желательно было бы, чтоб Вы вывели такое заключение: в ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством.

Всеобщность веры в бытие Божие как проявление духовной жизни

Спрашиваете: «Но как же это Вы говорите, что у всех есть дух с означенными проявлениями, а между тем мало ли народов, не ведущих Бога?» Народы те не ведают, что есть истинный Бог, но что Он есть — все исповедуют. Веруя, что есть Бог, и желая точнее определить, что Он есть, они заблуждались и называли Богом то, что не есть Бог: кто — солнце, кто — луну, или звезды, или другое что. Не все, однако ж, так грубо заблуждались. Когда Бог рассеял народы по лицу земли после столпотворения, то они все понесли с собою и преданные дотоле здравые понятия о Боге яко Духе невидимом, Творце, Промыслителе, Судии и Воздаятеле. Что Он есть Творец, Промыслитель и Воздаятель, это у всех сохранилось, а что Он есть Дух невещественный, это не все сохранили, но *измениша славу нетленнаго Бога в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад* (Рим. 1, 23). Они разумели Бога, то есть

знали, что есть Бог, но не как Бога Его прославили (см.: Рим. 1, 21). Из восточных народов более возвышенные о Боге имеются понятия у персов, индийцев, азиатских и американских. Греки и римляне измельчили, так сказать, Бога. Американские, например, индейцы называют Бога всемирным духом — невидимым, всеобъемлющим. Это очень высокое представление, и себе самому оставленный дух дальше этого идти не может. Азиатские индийцы более углублялись в постижение Бога, но, удержав понятие о Его невидимости, всемогуществе и вседействии, когда задумали точнее определить Его творческие и промыслительные действия, напутали много несостоятельного и написали много баснословных историй.

Так вот в каком смысле есть не ведущие Бога! А не в том, будто есть народы, не исповедующие бытия Бога. Какие-то путешественники дали свидетельство, будто встречали народы и народцы, которые совсем не знали Бога и не воздавали Ему поклонения. Верно в этом свидетельстве только то, что они не слышали исповедания веры и не видели поклонения Богу, но чтоб ни того, ни другого не было... Для этого следовало им побольше пожить между теми народами. Беккер в наши дни целый месяц жил среди какого-то народа — около озер, чрез которые течет Нил, — и не видел богопочтения. Но,

говорит, подошло новолуние, смотрю, царь собирается куда-то, собираются и все старшины, готовят быка. Пришел определенный день — пошли на какой-то холмик и принесли быка в жертву. Уезжай я, говорит Беккер, днями двумя-тремя раньше, мог бы со всею искренностью свидетельствовать, что этот народ не чтит Бога.

Так совсем выбросьте из головы, будто есть не признающие бытия Божия. Есть некоторые ученые, которые думают обойтись без Бога и ведут об этом толки и речи и книги пишут, но, когда язык и перо тачают у них такое пусторечие, сердце их же другое говорит. Они надуваются являть себя не верующими в Бога, но очень сомнительно, чтоб окончательно успевали в этом и пред своею совестию.

Ведая Бога, все и совестность являют, и чтут Бога, и молятся Ему, и чают будущей жизни, в коей каждому воздано будет по делам его. Сила, содержащая все такие верования и убеждения, есть дух. Положим же мы с Вами, что в каждом человеке есть дух — высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу, характеризующая человека и отличающая его от всех других живых тварей наземных. Можно сию силу ослабить в разных степенях, можно криво истолковывать ее требования, но совсем ее заглушить или истребить

нельзя. Она — неотъемлемая принадлежность нашего человеческого естества и у всякого проявляет себя своим образом.

Вот к каким речам завели Вы меня своим вопросом. Но не к худу. Хотел же я писать Вам не об этом, а о том, что произошло и происходит в душе от воздействия духа по сочетании его с нею. Но об этом — до следующего раза.

Воздействие духа на душу человека и происходящие отсюда явления в области мыслительной, деятельной (воле) и чувствующей (сердце)

Принимаюсь за то, что было прервано, именно — что привзошло в душу вследствие соединения ее с духом, иже от Бога. От этого вся душа преобразилась и из животной, какова она по природе, стала человеческою, с теми силами и действиями, какие указаны выше. Но не об этом теперь речь. Пребывая такою, как описано, она обнаруживает сверх того высшие стремления и восходит на одну степень выше, являясь душою одуховленною.

Такие одуховления души видны во всех сторонах ее жизни — мысленной, деятельной и чувствующей.

В *мысленной* части от действия духа является в душе стремление к идеальности. Собственно душевная мысленность вся опирается на опыте и наблюдении. Из того, что узнается сим путем раздробленно и без связи, она строит обобщения, делает наведения и добывает таким образом основные положения об

известном круге вещей. На этом бы и стоять ей. Между тем она никогда не бывает этим довольна, но стремится выше, ища определить *значение каждого круга вещей* в общей совокупности творений. Например, что́ есть человек, это познается посредством наблюдений над ним, обобщений и наведений. Но, не довольствуясь этим, мы задаемся вопросом: «Что значит человек в общей совокупности творений?» Доискиваясь этого, иной решит: он есть возглавление и венец тварей; иной: он есть жрец — в той мысли, что голоса всех тварей, хвалящих Бога бессознательно, он собирает и возносит хвалу Всевышнему Творцу разумною песнию. Такого рода мысли и о всяком другом роде тварей, и о всей их совокупности порождать имеет позыв душа. И порождает. Отвечают ли они делу или нет, это другой вопрос, но несомненно, что она имеет позыв искать их, ищет и порождает. Это и есть стремление к идеальности: ибо значение вещи есть ее идея.

Это стремление обще всем. И те, которые не дают цены никаким познаниям, кроме опытных, — и они не могут удержаться от того, чтоб не поидеальничать против воли, сами не замечая того. Языком отвергают идеи, а на деле их строят.

Догадки, какие они принимают и без которых ни один круг познаний не обходится, суть низший класс идей.

Образ воззрения идеальный есть метафизика и настоящая философия, которые как были всегда, так всегда и будут в области познаний человеческих. Дух, всегда нам присущий как существенная сила, сам Бога созерцая яко Творца и Промыслителя, и душу манит в ту невидимую и беспредельную область. Может быть, духу, по его богоподобию, предназначено было и все вещи созерцать в Боге, и он созерцал бы, если б не падение. Но всячески и теперь тому, кто хочет созерцать все сущее идеально, следует исходить от Бога или от того символа, который Богом написан в духе. Мыслители, которые не так делают, уже по тому самому не суть философы. Не веря идеям, построеваемым душою на основании внушений духа, они несправедливо поступают, когда не верят тому, что составляет содержание духа, ибо то есть человеческое произведение, а это — Божеское.

В *деятельной* части от действия духа является *желание и производство бескорыстных дел* или добродетелей или даже и выше — стремление стать добродетельною. Собственно, дело души в этой ее части (воле) есть устроение временного быта человека, да благо будет ему. Исполняя это назначение, она все делает по тому убеждению, что делаемое или приятно, или полезно, или нужно для устрояемого ею быта. Между тем она этим не довольствуется, но

выходит из этого круга и совершает дела и начинания совсем не потому, что они нужны, полезны и приятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы, стремясь к ним со всею ревностию, несмотря на то что они ничего не дают для временного быта и даже неблагоприятны ему и ведены бывают на счет его. У иного такие стремления проявляются с такою силою, что он жертвует для них всем своим бытом, чтоб жить отрешенно от всего. Проявления такого рода стремлений повсюдны, даже и вне христианства. Откуда они? Из духа. В совести начертана норма святой — доброй и праведной — жизни. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, душа увлекается ее незримою красотою и величием и решается ввесть ее в круг своих дел и своей жизни, преобразуя и ее по ее требованиям. И все сочувствуют такого рода стремлениям, хотя не все всецело предаются им; но ни одного нет человека, который бы по временам не посвящал своих трудов и своего достояния на дела в таком духе.

В *чувствующей* части от действия духа является в душе *стремление и любовь к красоте*, или, как обычно говорят, к изящному. Собственное дело сей части в душе — воспринимать чувством благоприятные и неблагоприятные свои состояния и воздействия совне по мерке удовлетворения или неудовлетворения душевно-телесных потребностей. Но видим

в кругу чувств вместе с этими корыстными — назовем так — чувствами ряд чувств бескорыстных, возникающих совсем помимо удовлетворения или неудовлетворения потребностей, — чувств от услаждения красотою. Глаз не хочется оторвать от цветка и слуха отвратить от пения потому только, что то и другое — прекрасно. Всякий упорядочивает и украшает свое жилище так или так, потому что — так красивее. Идем в прогулку и избираем место для того по тому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого — наслаждение, доставляемое картинами живописи, произведениями ваяния, музыкою и пением, а и этого всего выше — наслаждение творениями поэтическими. Изящные произведения искусства услаждают не одною красотою внешней формы, но особенно красотою внутреннего содержания, красотою умносозерцаемою, идеальною. Откуда такие явления в душе? Это гостьи из другой области, из области духа. Дух, Бога ведущий, естественно постигает красоту Божию и ею единою ищет наслаждаться. Хотя не может он определенно указать, что она есть, но, сокровенно нося в себе предначертание ее, определенно указывает, что она *не есть*, выражая сие показание тем, что не довольствуется ничем тварным. Красоту Божию созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, и душа увлекается

вслед ее и, постигая ее своим душевным образом, то в радости бросается на то, что в ее круге представляется ей отражением ее (дилетанты), то сама придумывает и производит вещи, в которых чает отразить ее, как она ей представилась (художники и артисты). Вот откуда эти гостьи — сладостные, отрешенные от всего чувственного чувства, возвышающие душу до духа и одуховляющие ее! Замечу, что из искусственных произведений я отношу к сему классу только те, которых содержанием служит божественная красота незримых божественных вещей, а не те, которые хоть и красивы, но представляют тот же обычный душевно-телесный быт или те же наземные вещи, которые составляют всегдашнюю обстановку того быта. Не красивости только ищет душа, духом водимая, но выражения в прекрасных формах невидимого прекрасного мира, куда манит ее своим воздействием дух.

Так вот что дал душе дух, сочетай будучи с нею, и вот как душа является одуховленною! Не думаю, чтоб что-либо из этого затруднило Вас; прошу, однако ж, не мимоходом пробежать писаное, а пообсудить хорошенько и к себе приложить. Одуховлена ли Ваша душа?! Ведь и Вы поете и музыкантствуете! Когда-нибудь мы с Вами прокритикуем эту Вашу сторону по указанному требованию, что должны представлять изящные искусства.

Выводы из сказанного о трех сторонах человеческой жизни. Возможность перехода из одного состояния в другое и преобладание той или другой стороны жизни. Преобладание душевности и плотяности как греховное состояние. Господство духовной жизни как норма истинной жизни человека

Давайте теперь с Вами сведем счеты, или сделаем выводы из всего наговоренного. Видите, сколько у нас сторон или, лучше, степеней жизни! Есть сторона и степень жизни духовная, есть — духовно-душевная, есть — собственно душевная, есть — душевно-телесная (кажется, я не оттенил ее как следует; сюда принадлежат наблюдения с воображением и памятию, желания из потребностей тела и чувства телесных состояний и впечатлений), есть — телесная. Пять ярусов, но лицо человека одно, и это одно лицо живет то тою, то другою, то третьею жизнию и, судя по тому, какою жизнию живет, получает особый характер, отражающийся и в его воззрениях, и в его

правилах, и в его чувствах, то есть оно бывает или духовным — с духовными воззрениями, правилами и чувствами, или душевным — с душевными понятиями, правилами и чувствами, или плотским — с плотскими мыслями, делами и чувствами. (Серединных состояний — душевно-духовного и душевно-телесного — не беру в счет, чтоб не дробиться слишком.) Не то сие означает, чтоб, когда человек бывает духовен, душевность и телесность не имели уже в нем места, но то, что тогда духовность у него бывает господствующею, подчиняя себе и проникая собою душевность и телесность; равно не то чтоб, когда человек бывает душевен, его духовность и телесность не существовали более, — но то, что тогда душевность бывает господствующею, всем заправляет и всему дает свой тон и самую духовность облекает покровом душевности; также не то чтоб, когда человек бывает плотян, его духовность и душевность исчезали, — но то, что тогда все у него оплотеняется, и духовность, и душевность плотяны бывают, подчинены плоти и ею попраны и в рабстве у нее содержимы.

Так как на какой бы степени ни находился человек, другие стороны его жизни остаются присутствующими в нем, то ни на одной степени он не бывает закабален так, чтобы уж и высвободиться не мог из сей кабалы, но всегда имеет возможность переходить с одной степени на другую, ослабив одну сторону

своей жизни и усилив другую. Так и духовный человек может ниспасть в душевность и телесность, и плотяный — подняться до духовности, когда тот возлюбит душевное и плотское, а этот взыщет духовного. Человек всегда свободен. Свобода дана ему вместе с самосознанием и вместе с ним составляет существо духа и норму человечности. Погасите самосознание и свободу — Вы погасите дух, и человек стал не человек.

Но утверждая, что человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей, я не утверждаю вместе с сим, что ему одинаково легко и удобно двигаться, сверху ли вниз идет он или снизу вверх, или что эти движения могут совершаться в нем так же быстро и часто, как переходы из одной комнаты в другую, бывающие по нескольку раз в день. Я хотел этим только сказать, что человек, себя сознающий и свободный, есть виновник своего состояния внутреннего и что если он, попав в такое состояние, которое одобрить нельзя, остается в нем, то сам виноват в том и ответен пред Богом и людьми.

Всякая из показанных степеней, или проявлений, нашей жизни натуральна в нас и, следовательно, не может быть неодобряема сама по себе. Ненатурально и, следовательно, само по себе неодобрительно то состояние, в котором мысли блуждают, парят и бурлят, желания непостоянствуют, возбуждаемы будучи

страстями — не натуральными нам, а пришлыми, и чувства сердца волнуются и мятутся по причине сих же страстей. Я нарочно оттенял эти неестественности внутри нас, говоря о душевной жизни, чтоб остановить на них Ваше внимание. Нарочно и теперь поминаю об этом, чтоб тоже заставить Вас получше вникнуть в это дело и отнестись к нему по его достоинству. Блуждание помыслов, непостоянство желаний страстных и тревоги сердца непрестанно беспокоят нас, не давая ни одного дела сделать как должно и всегда почти сбивая нас с пути. Это болезнь хотя всеобщая и повсюдная, но не естественная, а нажитая нами произвольно. Враг знает, сколько она подручна ему, и, покушаясь искусить кого, прежде всего старается столкнуть его в этот омут — именно сначала вводит в поток помыслов, под ними потом зажигает страстные пожелания, а этими взволновывает сердце.

Кто доведен до этого, у того искушение созрело. Если не опомнится — падает и, падши, увлекается в водоворот бурливых движений помыслов, пожеланий и чувств иногда ненадолго, иногда надолго, а нередко и навсегда. Та жизнь, частичку которой, помните, Вы испытали, вся проходит в этом водовороте и бывает, судя по кружкам, где бурливее, где потише, где поскромнее, где нараспашку — во всей своей наготе и срамоте. Но и помимо этого редко кто бы-

вает свободен от тех бурлений внутри. Нет-нет — и прорвется. От блуждания же мыслей и представлений, не знаю, есть ли кто свободный. Так вот, эту болезнь нашу извольте заметить (да Вы уж ее и заметили отчасти, жалуясь на неудержимость мыслей) — и, заметив, взяться за труд врачевания. Всяко не выпускайте из мысли, что внутри Вас постоянно присуще нечто недоброе, что всегда готово сбить Вас с должного и направить на недолжное.

Что касается до душевности и телесности, то они сами по себе, как замечено уже, безгрешны, как естественные нам; но человек, сформировавшийся по душевности или, еще хуже, по плотяности, не безгрешен. Он виновен в том, что дал в себе господство тому, что не предназначено к господству и должно занимать подчиненное положение. И выходит, что, хотя душевность естественна, быть душевным человеку — неестественно; также и плотяность естественна, но быть плотяным человеку — неестественно. Погрешность здесь в исключительном преобладании того, что должно состоять в подчинении.

Но когда у кого господствует духовность, тогда, хоть это будет его исключительным характером и настроением, он не погрешает, во-первых, потому, что духовность есть норма человеческой жизни и что, следовательно, бывая духовным, он есть настоящий человек, между тем как душевный и плотяный человек

не есть настоящий человек; а во-вторых, потому, что как ни будь кто духовен, он не может не давать должного душевности и плотяности, только держит их не жирно и в подчинении духу. Пусть не широка у него душевность (в научных познаниях, искусствах и делах прочих) и крепко стеснена плотяность — все он настоящий, полный человек. А душевный (многознающий, искусник, делец), а тем паче плотяный — не есть настоящий человек, как бы красным ни являлся он вовне. Он — безголов. Отсюда простой человек, Бога боящийся, выше многообразованного и элегантного, но не имеющего в целях своих и стремлениях угождения Богу. По сему же судите и о произведениях литературы и искусств. Произведения, в коих все плотяно, из рук вон нехороши; но и те, в коих господствует душевность, не отвечают своему назначению, хотя они выше плотяных. Таков суд — только о тех произведениях, кои чужды духовных элементов; те же, кои прямо относятся враждебно о всем духовном, то есть о Боге и вещах божественных, — прямо суть вражеские внушения и терпимы быть не должны.

Из сего Вы видите, что по естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное, — а за ними и все свое внешнее, то есть жизнь семейную и общественную. Се — норма!

Я не прилагаю убеждения Вам — жить в духе и ему все подчинять, полагая, что если Вы хорошо разобрали все сказанное, то решение жить так — уже присуще в Вас. Вы уже и высказали свое решительное желание: стоять на уровне человеческой жизни, какою быть она предназначена. Видите теперь, какою быть она предназначена, и, конечно, желаете явить ее тако. Да ведь Вы и жили доселе в своем семействе и в кругу родных так, как изображено, то есть по духу, хоть и науки проходили, и хозяйство знаете, и в музыке и пении мастерица. Вам предлежит не заводить в себе духовность, а поддерживать ее и хранить, оберегая себя от влияний и влечений душевно-плотской жизни, в водовороты которой Вы начали попадать. Об этом-то мы с Вами и сговорились толковать. И, конечно, Вы ждете поскорее решения: так как же быть-то?

Истинное счастье человека — жизнь по духу. Тончайшая оболочка души, служащая посредницей между нею и телом и средством общения душ между собою и с миром святых и Ангелов. Светлое и темное состояние оболочки души

Хотел отвечать на помещенный в конце прошлого письма вопрос, но подошел день Вашего Ангела, и мне пришло в голову высказать мои Вам по сему случаю благожелания.

Желаю Вам прежде всего здоровья, потому что в нем условие и стяжания всех благ, какие благом считает человек, и наслаждения ими, или вкушения их. Уж у больного и расслабленного какие возможны утехи, когда все чувства в ненормальном состоянии. Исключение надо сделать только для духовных утешений. Они не подлежат такой зависимости от состояния здоровья и могут быть присущи, несмотря на страдания телесные. Мученики во время самых мучений истинно радовались, воистину, а не языком только говорили, что радуются.

А за этим чего пожелать? Обычно желают счастия. Желаю Вам счастия и я. Но что же тут именно желается?! Ведь до сих пор никто еще не определил, что есть счастие или кто воистину счастлив. Я так понимаю, что счастлив тот, кто чувствует себя счастливым. Так вот этого и желаю Вам, желая счастия! Желаю, чтоб Вы всегда чувствовали себя счастливою. Отчего и как? Об этом у людей столько разных понятий и вкусов, что не разберешь. Я же потихоньку Вам скажу, что, *пока Вы не в духе живете, не ждите счастия*. Душевная и телесная жизнь, при благоприятном течении, дают что-то похожее будто на счастие; но это бывает мимолетный призрак счастия, скоро исчезающий. К тому же при них та бурливая среда, между душою и телом образующаяся и страстными помыслами, желаниями и чувствами возметаемая, всегда бывает сильна, а при ней, по причине яда страстей, возможно только опьянение, забывающее страдание, как бывает и от опиума, но не отсутствие страданий и болей сердца. Боли сердца составляют неотъемлемую принадлежность той жизни. Дух же витает за пределами всех треволнений и туда уносит живущего в нем и, давая ему вкушать свои блага, всегда пребывающие, делает его истинно и прочно счастливым.

Что же? Тем и кончить благожелания? Нет, думаю, что этого мало. Если б жизнь наша кончалась

этою жизнию, то, конечно, достаточно было сказать: будьте здоровы и счастливы. Но как она не кончается так, а продолжается и за гробом и там только является решительною жизнию, то для полноты благожеланий не могу не пожелать Вам, чтоб Вы сподобились и там быть блаженною. Буди же Вам и там быть блаженною. Я этого от всей души и паче всего Вам желаю и молю усердно Господа, да проведет Он Вас безбедно путем настоящей жизни и после нее вселит в Царство Свое всеблаженное.

При этом, конечно, в Вашем сознании представляются очень суровые условия. Есть, конечно, условия решительные, но суровы ли они? На это скажу пока обще: и да и нет, судя по тому, как кто поставлен с детства; и, судя по сему же, предъявляю, что для Вас они не суровы. Вы уже и выполняете их. Только берегитесь и не отступайте.

Приходит мне и еще на мысль послать Вам к Вашему празднику конфекту, но не знаю, сумею ли составить ее. Попробую.

Если Вы не забыли, когда-то я заводил с Вами речь о некоей тонкой-претонкой стихии, которая тоньше света. Зовут ее эфир. И пусть: не в имени дело, а в признании, что она есть. Я признаю́, что такая тончайшая стихия есть, все проникает и всюду проходит, служа последнею гранью вещественного бытия. Полагаю при сем, что в этой стихии витают

все блаженные духи — Ангелы и святые Божии, сами будучи облечены в некую одежду из этой же стихии. Из этой же стихии и оболочка души нашей (доразумевайте при сем слове и дух, который есть душа души нашей человеческой). Сама душа — дух, невещественна; но оболочка ее — из этой тонкой невещественной стихии. Тело наше грубо, а та оболочка души — тончайшая есть и служит посредницею между душою и телом. Чрез нее душа действует на тело и тело на душу. Но об этом я мимоходом говорю. Удержите только в мысли, что душа имеет тончайшую оболочку и что эта оболочка такая же и у нашей души, какая у всех духов. Из этого Вам нетрудно уже вывести заключение, что та всемирная тончайшая стихия, из которой эти оболочки и в которой витают все духи, есть посредница и для взаимного общения наших душ и духов тех.

Теперь оторвитесь от этого представления и перейдите вниманием к обычным между нами делам. Вы живете теперь в Москве, сидите в стенах своей квартиры, окружены отвсюду зданиями и, куда ни обратите очи свои, всюду встречаете препоны: многие предметы преграждают острозоркость и дальнозоркость очей Ваших. Но если б Вам подняться над Москвою на каком-нибудь шаре, Вы увидели бы беспрепятственно не только ее всю, но и окрестности ее. Если б Вам еще повыше подняться, то Вы и что

есть дальше кругом увидели бы. Усиль Ваше зрение и подними Вас еще выше и выше, Вы можете увидеть Санкт-Петербург, Париж, Лондон и так далее. Все сие потому, что зрение Ваше стало острозорче и никаких ему нет помех видеть.

Переходите теперь опять к святым Божиим. Та стихия, о коей речь, всюду проходит и никакой нигде помехи не встречает себе. Луч солнца проходит сквозь стекло, а та стихия — и сквозь стекло, и сквозь стены, и сквозь землю, и сквозь все. Но как она проходит сквозь все, так и те, которые витают в ней, могут проходить сквозь все, когда нужно (как Спаситель прошел в горницу, где были апостолы, дверем затворенным). Обитают они в определенном месте, но, когда им повелевается или позволяется, тотчас переносятся куда нужно по той стихии и никаких преград не только не встречают, но и не видят. Когда нужно, переносятся, а когда нет такой нужды, на своем месте пребывая, видят по всем направлениям, что где есть и что где творится. И когда очи свои обращают на землю, то есть на нас, грешных, то ясно видят и нас... только не это грубое тело наше, до коего им дела нет, а видят самую душу нашу как она есть, не непосредственно, а посредством оболочки души, сродной с их оболочкою и тою стихиею, в коей они живут, ибо состояние души верно отражается в ее оболочке.

Извольте теперь вообразить: сидят двое и разговаривают, при этом душа каждого настроена своим образом. Каждый из них не видит, что на душе у другого, по причине грубой занавески тела, за которою прячется душа; а Ангелы и святые, если обратят взор на них, увидят душу их, как она есть и что в ней есть, ибо какова она и что в ней, отражается в ее оболочке. Если в ней святые мысли и чувства, оболочка ее светла, и при каждом святом чувстве светла особым образом. А если мысли и чувства ее не совсем чисты, то и оболочка ее не светла и от каждого нечистого чувства своим образом помрачена, являясь то как туман, то как мрак ночи. Если б Вы вознеслись на Небо и ангельское восприяли зрение, совлекшись, конечно, и этого тела, то, взглянув на землю, Вы увидели бы вместо разнообразной массы людей некие тени светлые, полусветлые, туманные, мрачные, причем не дивно, что светло наряженные показались бы Вам мрачными, если у них душа дурна, а одетые в рубище — светлыми, если их душа чиста. И вот такими-то видят нас небожители и, судя по тому, какими видят, радуются о нас или скорбят.

Позвольте Вас спросить: какою видит Вас святая, имя которой Вы носите, и особенно ныне, когда она повнимательнее присматривается к Вам ради того, что и Вы поусерднее обращаетесь к ней? Какою видит Вас Ангел-Хранитель, всегда при Вас

находящийся, и Сам Господь, с телом *одесную Отца седящий*, но и с нами обещавшийся быть во все дни? Какою они Вас видят, такое Вы и на деле. Упреждаю, что таким вопросом я не думаю смутить Вас и тем омрачить Ваш праздник; напротив, чаю доставить Вам духовное утешение и обрадование. Ибо не могу ожидать, чтоб с Неба Вас видели мрачною или туманною. Вы еще не успели отуманиться, потому видимы светлою. По крайней мере, мое искреннее благожелание Вам в день Вашего Ангела есть: да будете и пребудете всегда таковы, чтоб небожители всегда видели Вас светлою. Тогда из сей жизни прямо к ним туда и перейдете! Вот этого Вам от всей души и желаю.

Оболочка души бывает светлою или темною, соответственно внутреннему настроению. Примеры. Потемненную душу видят бесы

Хочу в дополнение к предыдущей речи и еще кое-что сказать о том же. Перескажу Вам несколько опытов того, что душа в оболочке своей точно принимает вид, соответственный ее внутреннему настроению. При жизни святого Андрея, Христа ради юродивого, был в Константинополе иерей (из неженатых), постник, уединенник, молитвенник. Все его чтили. Но встретился с ним святой Андрей и видит, что он одет каким-то темным туманом, а около шеи у него обвилась змея с надписью «змея сребролюбия». Вот какова была душа его! А между тем этого никто не видал. Увидели просвещенные очи духовные святого Андрея*. Но у небожителей они еще просвещеннее. Таким образом, тогда, как нам думается,

* Св. Андрей, поговорив наедине с этим иереем, привел его в раскаяние, и он исправился.

что никто нас не видит, каковы мы, нас видит несметное множество очей. Видите, сколько звезд на небе! Очей, на нас обращенных, еще больше.

Да ведь и сами мы можем если не видеть, то определять, каковы мы. Это сказывает нам совесть — неподкупный судия. Ее можно на время заглушить, но она всегда успевает высвободиться из-под гнета и возвысить свой голос, даже и у не совсем совестных. А у неопорочившихся голос ее всегда чист и звонок. Она есть и именуется гласом Божиим в духе человека. В ней же отражается и то, какого мнения о нас или какой имеют на нас взгляд небожители. Так вот, когда совесть говорит, что мы чисты во всем пред Богом и людьми, то это свидетельство совести светом отражается окрест души нашей — и все с Неба видят нас светлыми. А если совесть укоряет, что мы нечисты, то мы видимы бываем темными. Но ближе тех видят нас всегда Ангелы-Хранители, кого темным, кого светлым, судя по внутреннему настроению, постоянному или случайному.

Кроме Ангелов и святых, видят нас невидимо для нас и темные силы. Только они, когда душа светла, не могут смотреть на нее, боясь, подобно нетопырям, света, а воззревают на нее лишь тогда, когда она помрачаться начинает. Они всюду стаями шмыгают и, как только заметят где потемненную душу, тотчас нападают на нее огулом и начинают

вертеть ее туда и сюда помыслами, страстными желаниями и волнением чувств. Та область бурливая, о коей я говорил, что между душою и телом беззаконно устрояется, есть место, где бесы подседают к душе и начинают возметать ее, как прах ветром. Они покушаются подкрасться и к светлым душам, но бывают отражаемы и поражаемы, как стрелою, лучами света. В Антиохии был волхв Киприан. Один юноша просил его расположить к нему своим волхвованием Иустину, прекрасную христианку, которую он хотел взять себе в жены, а она и смотреть на него не хотела. Киприан посылал к ней несколько раз состоящих у него на службе бесов, чтоб они посвоему расшевелили в ней любовь к юноше, но те подходили к ее жилищу, а внутрь войти не могли и, воротясь, сказывали, что оттуда — изнутри — их отражает и опаляет свет: ибо та Иустина, как облаком каким, одета светом, и им посмотреть на нее не удалось*.

Вот лучший пример того, какою светлою бывает душа, когда она бывает христианка, чиста в совести своей и Господу предана. При чистой совести страх Божий исполняет душу и хранит ее неприкосновенною. Тогда и Господь, Который везде есть и все

* Что дальше было, нам теперь не нужно. И юноша, и волхв обратились ко Христу. См. Четьи Минеи.

исполняет, посещает душу ту, и она вся становится светом и сияет, как звездочка.

Сохранившись такою чистою и светлою, душа и на тот свет переходит по исходе из тела такою же светлою. Святой Антоний беседовал однажды с учениками своими и увидел полосу света, поднимающуюся к небесам. Всмотревшись в нее и различив, что там такое, он сказал: «Это Аммон святой восходит на Небо в сопровождении Ангелов».

Так вот о чем возревнуйте. На видимость свою внешнюю не полагайтесь, ибо возможно, что иное видится в нас, а иное мы на деле. Но ведь, конечно, быть лучше, чем казаться. Припоминаю слова Василия Великого, который говорит: «Тело — *наше*; что, кроме тела, есть у нас? Начиная с одежды, — это есть *окружающее* нас». А что мы? Мы — душа (с духом). Вот туда-то, отвлекшись от всего вне нас сущего и от самого тела, надо собраться, войти в себя, порассмотреть все и решить: что же ты такое, матушка, душа наша?

Это возвращает нас к тому, от чего мы немного отклонились, — именно к решению: как быть, чтоб жить в духе и им одухотворять душу и тело и все свое внешнее? Но об этом до другого раза.

Как святые слышат наши молитвы. Приложение о молитве

Очень рад, что Вам понравилась моя речь о той стихии. Примите же ее, покрепче напечатлейте в голове и всегда держите в мысли. Увидите, как она будет Вам во всем помощна. Сколько она разъясняет предметов и сколько доставляет утешения! Вам, вероятно, приходилось слышать вопрос, как святые слышат молитвы наши, или, может быть, и сами Вы задавали его себе. В ответ на него толкуют-толкуют, а вопрос все остается вопросом. По-моему же, при предположении той стихии, выходит: как святые могут не слышать наших молитв? Вы знаете, как действует электрический телеграф? В Петербурге, например, заводят известный аппарат — в то же мгновение то действие петербургское отражается в Москве в подобном же аппарате и в том же значении, в каком там происходит движение. Почему так бывает? Потому что и аппараты те однородны, и соединяющая их проволока к ним же подлажена. Так, что

действие такого телеграфа — то наша молитва. Мы и святые — как бы два аппарата однородные, а среда, в коей святые и коею окружены души наши, — это проволока. Когда истинная молитва — сердечная — подвигнется в душе, тогда она по той стихии, воздействуя на нее, как лучом света пролетает до святых и сказывает им, чего мы хотим и о чем молимся. Между нашею молитвою и услышанием нет промежутка — только надобно, чтоб молитва шла из сердца. Оно у нас и есть телеграфный для Неба снаряд. Те же молитвы, кои не из сердца, а из головы только и с языка идут, не дают луча, восходящего на Небо, и не бывают слышны там. Да это и не молитва, а только приемы молитвенные.

Может быть, и не замечая того, Вы прописали опытное удостоверение в сказанном. Пишете, что помолились усердно и тотчас успокоились, получив внутри уверение, что будете изъяты из того, что Вас томило; а потом и самым делом то устроилось. Вот и выходит, что верно мое сравнение молитвы сердечной с телеграфом, невидимо к Небу проведенным по той стихии. Из Вашего сердца пошел удар или луч к Небу, по той же линии или таким же лучом с Неба пришло к Вашему сердцу в ответ то, что Вам нужно было. Так и всегда бывает со всеми из сердца исходящими молитвами. Исполнение и такой молитвы не всегда тотчас последует, а услышание ее совершается тотчас.

Не нарадуюсь, что так было с Вами. Даруй, Господи, чтоб так бывало с Вами и почаще. Припомните, как Вы тут молились, и всегда старайтесь так молиться, чтоб молитва шла из сердца, а не языком только произносилась и умом мыслилась.

Если так устроитесь, так вот Вам будет деловое решение вопроса: как быть, чтоб жить в духе. Ибо такая молитва есть жизнь духа. Тут дух в Боге пребывает и с Ним единится, и в этом вся сила жизни его. Ведайте же, что только тогда и значит, что дух живет, когда он молится так, как Вы помолились. Когда же нет такой молитвы, это значит, что он замер, если не совсем заглушен.

Не буду скрывать от Вас, что хоть помолились Вы так, но чтобы всегда так молиться, едва ли сможете. Такую молитву Бог дает или Ангел-Хранитель возбуждает. И она приходит и отходит. Из этого не следует, однако ж, что нам позволительно оставлять труд молитвенный. Приходит она, когда кто трудится в молитве, а кто не трудится, к тому не придет. И видим, что святые отцы много трудились в молитве и трудами сими возгревали в себе дух молитвенный. Как доходили они до этого, изображение того оставили они нам в своих писаниях. Все ими на сей предмет сказанное составляет науку о молитве, которая есть наука из наук. Придет срок, мы с Вами пройдем эту науку, а теперь я коснулся того только

мимоходом: к слову пришлось. И еще приложу: важнее молитвы ничего нет. Следовательно, и трудиться над нею должно и усерднее, и больше всего. Даруй Вам, Господи, усердие к такому труду.

Ваши смиренные о себе мысли и чувства суть ангельские чувства. Как совершенны и как светлы Ангелы! А они все смиренны, смиреннее всех людей. Смиренная душа всегда светла. Омрачение души начинается, когда она станет много о себе думать, ибо это дело темных сил. Даруй Вам, Господи, не потерять никогда таких чувств, чтоб всегда быть во свете.

Вот и опять мы отбились от своего вопроса. Уж потерпите и еще.

Истинная цель жизни. Образ жизни соответственно цели

Что такое с Вами сделалось? И что это за вопросы: «Не знаю, что сделать с своею жизнию. Надо же что-нибудь делать. Надо же цель себе определить»? Читаю и изумляюсь, откуда родились такие мудреные помышления. Ведь Вы уже решили все это, выразив желание — стоять на уровне с достоинством человека, каким ему подобает быть по определению Божию. И речь у нас с Вами о чем идет, как не об этом! Откуда же эти у Вас задачи?! Догадываюсь, что между Вашими знакомыми есть прогрессистки или Вы попали в общество, где были такие и распускали свои мудрования. Они обычно бредят так. У них непрестанно на языке — благо человечества, благо народа. И вот Вы, вероятно, наслушавшись таких высоких идей, пленились ими и, обратив взор на свою настоящую жизнь, с сожалением увидели, что прозябаете в кругу семьи и родных без пользы и цели. Увы и ах! Как это до сих пор никто Вам не открыл глаз!

Если моя догадка справедлива, то Вам следуют поклоны, чего ради Вы об этом не сказали, давши слово писать о всем откровенно. Так ли это, однако ж, или нет, не могу оставить Ваших задач без решения. Полным решением их будет служить вся наша беседа; теперь я коротко выскажу только общую мысль, чтоб Вы увидели, что та жизнь, которую Вы доселе вели и ведете, есть настоящая жизнь и переменять в ней нечего.

Цель жизни точно надо определенно знать. Но мудрено ли это? И не определена ли уже она? Общее положение такое, что как есть загробная жизнь, то цель настоящей жизни, всей, без изъятия, должна быть там, а не здесь. Это положение всем ведомо, и толковать об нем нечего, хоть о нем меньше всего помнят на деле. Но поставьте Вы себе законом для жизни Вашей — всеми силами преследовать эту цель, — сами увидите, какой свет разольется оттого на временное Ваше на земле пребывание и на дела Ваши. Первое, что откроется, будет убеждение, что, следовательно, все здесь есть только средства для другой жизни. Относительно же средств один закон — употреблять их и пользоваться ими так, чтоб они вели к цели, а не отклоняли от нее и не поперечили ей. Вот Вам и решение Вашего недоумения: «Не знаю, что сделать с своею жизнию». Смотрите на Небо и всякий шаг Вашей жизни так соразмеряй-

те, чтоб он был ступанием туда. Мне кажется, что это так просто и вместе так всеобъемлюще.

Спрашиваете: «Надо же что-нибудь делать?» Конечно надобно. И делайте, что попадется под руки, в Вашем кругу и в Вашей обстановке, — и верьте, что это есть и будет настоящее Ваше дело, больше которого от Вас и не требуется. Большое заблуждение в том, когда думают, будто для Неба, или — по-прогрессистски — для того, чтоб сделать и свой вклад в недра человечества, надо предпринять большие и громкие дела. Совсем нет. Надобно только делать все по заповедям Господним. Что же именно? Ничего особенного, как только то, что всякому представляется по обстоятельствам его жизни, чего требуют частные случаи, с каждым из нас встречающиеся. Это вот как. Участь каждого Бог устрояет, и все течение жизни каждого — тоже дело Его всеблагого промышления, следовательно, и каждый момент, и каждая встреча. Возьмем пример: к Вам приходит бедный — это Бог его привел. Что Вам сделать надо? Помочь. Бог, приведший к Вам бедного, конечно, с желанием, чтоб Вы поступили в отношении к сему бедному, как Ему угодно, смотрит на Вас, как Вы в самом деле поступите. Ему угодно, чтоб Вы помогли. Поможете? Угодное Богу сделаете — и сделаете шаг к последней цели: наследию Неба.

Обобщите этот случай — выйдет: во всяком случае и при всякой встрече надобно делать то, что хочет Бог, чтоб мы сделали. А чего Он хочет, это мы верно знаем из предписанных нам заповедей. Помощи кто ищет? Помоги. Обидел кто? Прости. Сами обидели кого? Спешите испросить прощения и помириться. Похвалил кто? Не гордитесь. Побранил? Не сердитесь. Пришло время молитвы? Молитесь. Работать? Работайте — и прочее, и прочее, и прочее. Если, все это обсудивши, положите Вы так во всех случаях действовать, чтоб дела Ваши угодны были Богу, быв совершаемы неуклонно по заповедям, то все задачи относительно Вашей жизни решатся этим полно и удовлетворительно. Цель — блаженная жизнь за гробом; средства — дела по заповедям, исполнения которых требуют все случаи жизни. Мне кажется, тут все ясно и просто, и нечего Вам томить себя мудреными задачами. Надо выбросить из головы все планы о *многополезной*, *многообъятной*, *общечеловеческой* деятельности, какою бредят прогрессистки, и жизнь Ваша будет созерцаться вложенною в покойные рамки и без шума ведущею к главной цели. Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданного томимому жаждой, не забывает.

Скажете: «Но как же, образ жизни все же надобно избрать и определить!» Да где же это нам

с Вами определить? Станем обдумывать — и пойдет путаница в голове. Лучше и надежнее всего — принять с покорностию, благодарностию и любовию то определение, какое изрекает Бог течением обстоятельств жизни. Беру дело в отношении к Вам! Вы теперь под кровом родителей. Чего лучше желать? Тепло, безопасно, привольно. И живите, не летая мыслями вдаль и делая усердно все, что лежит на Вас. «Но все же, подумайте, так навсегда оставаться нельзя, должна наконец начаться жизнь своя — особная. Тут как быть? И как об этом не подумать?» Вот Вам лучшее об этом думание: предайте себя в руки Божии и молитесь, чтобы Он устроил Вас, как Он находит лучшим, чтоб Ваша судьбина не мешала, а способствовала Вам достигнуть блаженной жизни за гробом, не мечтая о блистательной участи. Так настроившись, ждите с терпением, что наконец изречет о Вас Бог. Изречет же Он стечением обстоятельств и волею родителей. Утвердившись в этих мыслях и успокоясь в Боге, живите, не строя пустых планов, и делайте дела, которые на Вас лежат в отношении к родителям, братьям и сестрам, к другим родным и ко всем людям. Но никак не думайте, чтоб эта жизнь была пуста. Все, что Вы ни будете делать в сем порядке, будет дело, и, если делать будете с сознанием, что так следует по заповедям и что так хочет Бог, — дело, Богу угодное. Так всякая малость.

Кажется, я все Вам растолковал. Приложу только желание, чтоб Вы хорошенько вникли в прописанное, затвердили то и так настроились. Пророчу Вам, что обретете полный покой и не будете более смущаться мыслями: «Никуда негожа моя жизнь — ничего полезного не делаю» и подобное. Только еще сердце надо держать на привязи, а то оно много глупостей городит. Правда, что и без сердца дурно: ибо где сердца нет, там что за жизнь, — но все же волю давать ему не следует. Слепо оно и без строгого руководства тотчас в ров попадет.

Благослови Вас, Господи!

Вклады в небесную сокровищницу. Богоугодная жизнь. Мечтания прогрессисток о всеобщем благе человечества и их лживость

Очень рад, что Вы приняли к сердцу написанное в прошлом письме и соглашаетесь так именно себя держать. Помоги Вам, Господи!

Эту жизнь Бог нам дал, чтоб мы имели время приготовиться к той. Эта коротенькая, а та конца не имеет. Но хоть она коротенькая, а в продолжение ее можно заготовить провианту на целую вечность. Всякое доброе дело туда отходит, как вклад небольшой; из всех таких вкладов составится общий капитал, проценты с которого и будут определять содержание вкладчика во всю вечность. Кто больше пошлет туда вкладов, того и содержание будет богаче; кто меньше — того содержание будет менее богато. Господь всякому воздает по делам его.

Вот об этом и должна быть теперь у нас вся забота — чтоб побольше переслать туда вкладов. И забота эта не мудрена и не тяжела, как удостоверяет

Сам Господь, говоря: *Иго… Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). Я объяснял Вам это применительно к смутившим Вас мыслям, чтоб отвеять скорбь Вашу, будто живете без пользы и проживете всю жизнь без пользы, если так будете жить, как живете. Весь же строй христианской жизни таков: веруй в Бога, в Троице поклоняемого, спасающего нас в Господе Иисусе Христе благодатию Святого Духа, и, принимая благодатные силы чрез Божественные Таинства Святой Церкви, живи по заповедям Евангелия, одушевляясь упованием, что Бог за малый посильный труд наш, ради веры в Господа Спасителя и послушания Ему, не лишит нас небесного. Это я нарочно прибавляю, чтоб Вы видели, в каком духе должно творить дела нам, христианам сущим. Ибо иные говорят: делай-делай, а другие: веруй-веруй. Надо то и другое: веру сочетавать с делами и дела с верою.

Но все же главным образом внимание должно быть сосредоточено на исполнении заповедей. Уже веруем — что еще? Твори заповеди, ибо *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20). И благодарение Господу, что Ему угодно было ценность дел наших определять не их широтою и великостию, а внутренним нашим расположением при делании их, окружив между тем нас премножеством случаев к деланию дел по воле Его, так что, если внимаем себе, можем поминутно делать

дела богоугодные. Для этого нет нужды ходить за море, как прогрессистки, а смотри около всякий день и час: на чем видишь печать заповеди, исполняй то неотложно в том убеждении, что такого, а не другого дела требует от тебя в этот час Сам Бог.

Потрудитесь и еще крепче установиться в такой мысли. Как только установитесь, начнет покой приливать к Вашему сердцу от уверенности, что всякую минуту Вы работаете Господу. Это начало все обнимает. Даже когда Вам велят заштопать чулок меньшему брату и Вы сделаете это ради заповеди Господней — слушаться и помогать, это будет причтено к сумме дел, Богу угодных. Так всякий шаг, всякое слово, даже движение и взгляд — все можно обратить в средство ходить в воле Божией и, следовательно, поминутно двигаться к последней цели.

Прогрессистки имеют в виду все человечество и по меньшей мере весь свой народ огулом. Но ведь человечество или народ не существует как одно лицо, чтоб можно было что-нибудь для него сделать сейчас. Оно состоит из частных лиц: делая для одного, делаем в общую массу человечества. Если б каждый, не пуча глаз на общность человечества, делал возможное для того, кто у него пред глазами, то все люди в совокупности в каждый момент делали бы то, в чем нуждаются все нуждающиеся, и, удовлетворяя их нуждам, устроили бы благо всего человечества,

сложенного из достаточных и недостаточных, из немощных и сильных. А то в мыслях держат благо человечества, а что пред глазами, то пропускают без внимания, и выходит, что они, того общего не имея возможности делать, а это частное пропуская, ничего не делают для главной цели жизни.

В Санкт-Петербурге мне рассказывали такой случай. Один джентльмен в каком-то собрании юных радетелей о всеобщем благе — это было в самый разгар прогрессистского бреда — держал сильную речь о любви к человечеству и народу. Все восхищались. Но ворочается он домой; человек, служивший у него, как-то не скоро отворил дверь — это ему уже не показалось; потом свечу не скоро подал, потом с трубкой что-то сделалось, да холодновато было в комнате... Не выдержал наконец наш филантроп и разбранил своего слугу. Тот — какое-то возражение, а этот — его в грудь. И вот наш парень: там распарился от любви к человечеству, а тут и с одним человеком не мог поступить как следует. И в тот у нас первый разгар прогрессистского бреда красавицы, бросаясь в переплетные заведения, нередко матерей своих оставляли без куска хлеба, а все же мечтали, что они каким-то образом идут вперед и благо человечества устрояют. Вся беда от слишком широких кругозоров. А лучше, смиренно потупя очи, глядеть

под ноги и разбирать, какой где сделать следует шаг. Это самый верный путь.

Во второй раз толкую Вам все о том же, чтоб все это покрепче засело у Вас в памяти, и ограждаю Вас от отуманения, какое наводят на душу прогрессистские мечты.

Значение духовных потребностей в ряду других сторон человеческой жизни. Единое на потребу. Господство духа как естественная гармония всех потребностей, могущая дать мир и покой. Отсутствие этого покоя в человечестве. Всеобщая суета и крушение духа. Зародыш этого смятения получается вместе с рождением

Теперь нам ничто уже не мешает обратиться к решению оставленного вопроса. Но чтоб его самого поновить, потрудитесь припомнить сказанное.

Дотолковались мы с Вами, что у человека есть три (а с промежуточными пять) яруса жизни: духовный, душевный и телесный; что каждый из них дает свою сумму потребностей, естественных и свойственных человеку, что сии потребности не все одного достоинства, но одни выше, другие — ниже и что соразмерное удовлетворение их дает человеку покой. Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает; а когда они не удовлетворя-

ются, то, будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется *единым на потребу* (ср.: Лк. 10, 42).

Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей пособствует — и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни: гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений. И се — рай! Напротив, когда дух не удовлетворяется и сие единое на потребу забыто, тогда все другие потребности разбегаются в разные стороны и каждая требует своего, и как их куча, то голоса их, как шум на базаре, оглушают бедного человека, и он мечется то туда, то сюда как угорелый за удовлетворением их. Но покоя никогда не имеет, потому что, когда одна удовлетворяется, другие не довольствуются тем и, не считая себя чем-либо ниже той, которая почтена удовлетворением, настойчиво требуют своего, как у матери, когда она накормит одного ребенка, другие пять кричат. Оттого внутри у такого шум, гам, разволока во все стороны и во всем беспорядочность. Тут же зарождается и та бурливая полоса, о коей была особая речь, и еще больше возмущает и обеспорядочивает все внутреннее. Такой

ничем не доволен, всегда в туге, то, утомившись, стоит, выпучив глаза и недоумевая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушение духа!

Вот откуда и рождается вопрос: так как же быть-то? Как сделать, чтоб духовная сторона была в нас преобладающею и, заправляя всем, вносила строй в жизнь нашу?

Скажу Вам наперед, что этому вопросу не было бы места, если б жизнь, свойственная нам, развивалась как следует. Ибо и телесные с душевными потребности так же естественны нам, как и духовные, и удовлетворение им само по себе не может вносить беспорядка и смятения в жизнь, как и удовлетворение духовным. Развивайся они все в строе и естественном взаимоподчинении — и жизнь человеческая текла бы прелесть как хорошо. Посадите семечко, поливайте, держите в должной теплоте — оно даст росток, ствол, лист и, наконец, — цвет прелестный. Так было бы и с человеком. Раскрывайся он в естественном чине — будет всегда выходить прекрасный человек. Отчего же это мы ни себя, ни других не видим прекрасными? Отчего жизнь наша покривляется?

Припомните, что с Вами было после того, как Вы окунулись немножко в тот омут или ту бурливую жизнь. Ведь у Вас внутри сильное произошло смятение. Повторись это несколько раз, и вы, если не

примете предосторожностей, вплететесь в тот же водоворот и пойдет у Вас жизнь, которая есть суета и крушение духа. Так нельзя ли нашу беспорядочность объяснять тем, что есть беспорядочные люди: мы увлекаемся ими и усвояем себе их беспорядочность? Вы вот только теперь начали подвергаться влиянию этой беспорядочности, воспитание же Ваше прошло под упорядочивающими влияниями благочестивого семейства Вашего и Ваших родных. А другие, у которых семья и родство живут бурливо и смятенно, с мальства усвояют эту смятенность и в ней вырастают. Так вот, может быть, и причина, от которой покривляется наша жизнь от естественного течения и в нее входит неестественное смятение?

Нет, этим дело не объясняется, потому что остается и еще вопрос: а в этот круг людей как зашло смятение? Откуда оно в семействах и в обществе? Вовне человек бывает таков, каков внутри. Беспорядочность в семейство и общество вошла изнутри человека. Не будь его внутри, не было бы его и вовне. Теперь внешнее отдает обратно внутреннему то, что от него получило. И опять вопрос: внутрь-то же откуда оно зашло? И еще скажу: внешнее бурление воздействует внутрь и там себя воспроизводит, потому что зародыш его и предрасположение к нему есть уже внутри. Вы тогда были смятены и покоя не находили. Отчего? Вы умолчали, а я не сказал Вам,

потому что было не время. А теперь скажу. В те два дня, пустившись в бурливую жизнь, Вы увлекались, сердце Ваше сочувствовало если не всему, то многому. От этих сочувствий бурление и смятение возникли и в Вас. Пришедши в себя, Вы увидели в себе новость. Совесть доложила Вам, что эта новость — дело Ваше, и дело недолжное, и начала Вас за это казнить. Повинуясь сему голосу, Вы тогда все хорошо обсудили и верно оценили ту жизнь. После сего, если Вам еще придется попасть в эту сумятицу и Вы, как не раз уже говорил я, будете держать сердце свое вдали, не давая ему воли, когда оно начнет рваться на сочувствия, то Вы не будете испытывать испытанного томления. Но это я поминаю мимоходом. Речь же моя о том, откуда у Вас, живших доселе в других порядках, это сочувствие к тому беспорядочному. Извольте разобрать и найдете, что оно у Вас и прежде было внутри, но было скрыто, а теперь вышло наружу. Внешние влияния не дают ничего нового, а только возбуждают то, что уже есть внутри. Скажу Вам пример. Я видел прокаженных. Дети их рождаются хорошенькими и растут совсем здоровыми. Но проходит время, проказа проявляется и у них, и они начинают быть, как и родители их и как все другие прокаженные. Откуда она? Вышла извнутрь! А туда — откуда попала? Получена вместе с рождением.

Из сего Вам немудрено будет сделать такое наведение, что если мы видим внутрь себя беспорядочность и смятение — мыслей, чувств, желаний, начинаний, дел — и кружимся в них, то это потому, что зародыш всего этого внесен в естество наше и что этот зародыш беспорядочности, раскрываясь вместе с раскрытием наших сил и потребностей, вносит в них смятение и делает, таким образом, всю нашу жизнь смятенною и бурливою.

Извольте теперь рассудить, откуда этот зародыш. Говорю — извольте рассудить об этом, потому что иначе не сможем мы найти удовлетворительного ответа на несколько уже раз повторенный вопрос: как же быть? Кто хочет успешно врачевать болезнь, должен доискаться причины ее. Без того лечение не может иметь правильного течения и успеха.

Так вот о чем теперь надо потолковать.

Первородный грех как источник внутреннего смятения и беспорядка. Возможность врачевания поврежденного грехом состояния человека

Хоть я писал Вам рассудить и сам обещался потолковать о том, откуда в нас зародыш внутреннего смятения и беспорядочности, — но ведь известно уж, и Вы знаете, откуда он. Стало быть, нечего и рассуждать, а только припомнить, как мы веруем о сем. Веруем, что такой зародыш не Творцом при сотворении человека вложен в естество наше, а привнесен после сотворения — силою падения прародителей наших, которые, преступив заповедь, повредили и расстроили естество наше, которое расстроенным и поврежденным передали и потомству своему, то есть всему роду человеческому. Так оно перешло и к нам с Вами и служит причиною того смятения и той беспорядочности внутри нас, от которых происходят все беспорядки и вне, в частной каждого лица, семейной и общественной, жизни. Почему эта беспорядочность хотя получается нами в зародыше вместе с рождени-

ем, но не природна нам, не принадлежит к природе человеческой, не так существенна в ней, чтоб без нее человек был уже не человек, а, напротив, без нее-то человек и бывает настоящим человеком. Она есть болезнь наша, и только по устранении ее мы можем являться здравыми в таком виде, в каком следует нам быть по естеству, как оно вышло из рук Творца. Припоминаю Ваше желание — стать на уровне достоинства человеческого. Уврачуйте в себе болезнь означенную — и станете такими.

Запомните, что внутреннее наше смятение и беспорядочность прирождены нам, но не природны, не состоят в природе нашей как существенная часть ее, а втеснились между природными частями и их расстраивают и в собственной каждой части деятельности, и в их взаимных отношениях. Если б это природно было, то не производило бы своим присутствием страдания и муки, какие мы от того испытываем. Что природно, то радость жизни составляет, а что противно природе, то ее томит и мучит. С другой стороны, если б это природно было, то, когда бы кто явился свободным и чистым от того, уж он не был бы человек. Но мы ведаем Человека, Который был совершенно чист от этого и все же был человек — настоящий человек. Ведаем также, что и все, которые облекаются в Него, получают область очищать себя, как и *Он чист есть* (1 Ин. 3, 3), и являться подобными Ему.

Запомните, говорю, что эта беспорядочность прирожденна нам, но не природна, — запомните и убеждение в том держите крепко. Убеждение это будет поддерживать у Вас ревность к уврачеванию сей болезни. Если она не природна, то, значит, есть возможность уврачевать ее. Имея же сию надежду, кто не воодушевится и самым делом уврачевать себя? Естество наше в чистом виде достолюбезно. Сами Ангелы взирают на него с любовию и удивлением, когда оно является таковым. Нам ли не желать увидеть его таковым, и притом не вне — в других, а в себе самих? Да ведь и все счастие наше и благобытие в том состоит, чтоб избавиться от сей болезни. Ибо, когда ее не будет, что помешает нам быть в блаженном состоянии и чувствовать себя таковыми? Напротив, если эта болезнь природна, то ее уж не уврачуешь. Так и останется она навсегда, сколько ни трудись над изгнанием ее.

Прими эту мысль — и руки опустишь, говоря в себе: так, верно, уж быть. А это и есть то пагубное *нечаяние*, в которое вложившись, предают себя *студодеянию в делание всякия нечистоты* (ср.: Еф. 4, 19).

И еще повторяю: держите убеждение, что не природна нам беспорядочность наша, и не слушайте тех, которые говорят: что тут толковать, так уж мы сотворены, ничего с собою не поделаешь. Не так мы

сотворены и, если возьмемся за себя как следует, что-нибудь и сделаем с собою.

Все сие толкую Вам, чтоб Вы возревновали взяться за себя и не допускать себя опять до тех мучений, какие испытали, а, напротив, пресечь в себе самую возможность их. Как сего достигнуть, об этом следует рассудить.

Продолжение. Изъяснение расстройства, внесенного в природу человека грехом прародителей. Общение с Богом служило источником господства духа над душою и телом. Чрез нарушение заповеди человек отделился от Бога и потерял господствование над душою и телом и подчинился господству страстей. Изображение человека, по падении терзаемого страстями

Продолжаю. Что такое сделалось с нами вследствие преступления прародительского?! Природа наша осталась та же, части и силы естества нашего остались те же, с теми же законами и требованиями. Но *не туда направилось наше сознание со свободою*; чрез что возмутили взаимное соотношение наших частей и сил и, нарушив их первообразный строй, внесли расстройство в общую деятельность и жизнь человека, породив из себя особый класс разрушительных сил — страсти, не естественные нам, но возымевшие такую власть, что всеми силами нашими ворочают, как им угодно. Вот как все это случилось.

Бог создал человека для блаженства, и именно в Нем, чрез живое с Ним общение. Для сего вдунул в лицо его дыхание Своей жизни, что есть дух, как уже поминалось. Существенное свойство духа — сознание и свобода, а существенные движения его суть исповедание Бога, Творца, Промыслителя и Воздаятеля, с чувством полной от Него зависимости, что все выражается — в любительном к Богу воззревании, непрестанном к Нему внимании и благоговейном пред Ним страхе, с желанием творить всегда угодное пред Ним по указанию законоположницы — совести, и с отрешением от всего, чтоб Единого Бога вкушать и Им Единым жить и услаждаться. Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтоб он зазнался и своевольничал, а затем, чтоб, сознав, что все имеет от Бога и для того, чтоб жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в человеке, дает духу его силу властвовать над душою и телом, а далее и над всем, что вне его. Таково и было первоначальное состояние человека. Бог являлся прародителем и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его Единого знать, Ему Единому служить, в воле Его Единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь —

не вкушать плодов от одного дерева, названного Им древом познания добра и зла. Так и начали жить наши прародители и блаженствовали в раю.

Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбил их с пути, научив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстительно представил, будто со вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут, — станут как боги. Они поверили — и вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не зная кому. Может быть, и это не так бы было важно, если б не те страшно преступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от древа затем, чтоб и они не сделались богами. Этому поверили. Но поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно к ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. Так вот Он какой, — засело у них в сердце о Боге, — а мы думали, что Он такой благой. Ну, так мы сами себя устроим наперекор Ему. Вот эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означают явное отступление от Бога и враждебное вос-

стание против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается злому духу: выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему, — и это не как летучая мысль, а как враждебное решение.

Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв на себя устроение своей участи.

Отпадение от Бога совершилось полное, с отвращением некиим и враждебным восстанием против. За это и Бог отступил от таких преступников — и живой союз прерван. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но, храня их и содержа, внутрь не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если б покаялись поскорее, может быть, Бог возвратился бы к ним, но они упорничали, и при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему. Благодарение Всемилостивому Богу, что Он хоть отступил от нас, но не бросил, устроив предивный способ к воссоединению нас с Собою.

Но это я зашел немного далеко. Нам надо внимание свое остановить на том, что произошло внутри человека. Вот что: дух был властен над душою и

телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Божескую силу. Когда пресеклось живое общение с Богом, пресекся приток и Божеской силы. Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а чрез душевность — телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тот же, но без власти. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным; но его предъявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устроение своего быта здешнего, к чему и назначена душа, — и быта более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

Когда произошло такое низвращение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристическою их чертою. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще сносно, если б не страсти, а то страсти привзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассерчавшегося бьет гнев, как лихорадка. Как завистливого источила зависть, что посинел, бедный. Как опечаленного иссушила

скорбь, что он — кости и кожа. Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостию. Как только произнеслось внутри праотца: *так я сам*, так самость внедрилась в него — сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныние, любоимание и чувственность — со всеми их многочисленными и многообразными порождениями. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние.

Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими порабощенный. Сами по себе эти потребности мерны и небурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, — это оттого, что дух бушует в них, ибо у него по природе энергия безграничная. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек. Но главная болезнь — страсти, пришлые тираны.

Теперь Вам немудрено сделать наведение: что же нужно, чтобы все в нас опять поставить в первоначальный чин? Об этом я напишу Вам в следующий раз, а Вы пока подумайте.

Необходимость воссоединения с Богом для спасения. Сам человек не в силах сделать этого. Дух Божий совершает это в нас ради искупления, принесенного Сыном Божиим

Так что же Вы придумали в ответ на то, что нужно, чтоб все в нас поставить в прежний, первоначальный чин? Что бы Вы там ни придумали, я продолжаю свое.

Как скатились мы под гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Как зашла болезнь — противоположно тому действуя, можно изгнать ее. Отпали от Бога — надобно воссоединиться с Ним. Отпали, усомнившись в слове Бога, — надо восставить полную веру сему слову. Потеряв веру Богу и в Бога, приняли мы пагубное решение: *так я сам* — надо уничтожить это *я сам*. Когда образовалось это пагубное *я сам*, дух наш потерял свойственную ему силу властвовать над душою и телом и, напротив, сам подпал под иго рабства им; надо восстановить сию власть духа. Когда власть духа пресеклась, потребности

души и тела разбрелись в разные стороны и в желаниях наших произошло смятение; надо все эти потребности опять привесть к единству и установить в их чине взаимоподчинение. Вместе с пагубным *я сам* втеснилась в круг жизни нашей стая страстей, подобно диким зверям, терзающих нас, — надо изгнать сии страсти.

Видите, сколько надо. Уже по одному множеству и важности сего надобного можете заключить, что самим нам не сладить с этим, единственно, однако ж, надобным для нас делом. Особенно же нельзя надеяться самим уладить это главнейшее наше дело, потому что первый пункт в нем, не установив которого за другие и браться нечего, именно — воссоединение с Богом, никак не может состоять в нашей власти. Мы можем желать его и искать, но устроить его — дело не наших рук. Кто может втесниться в область Божию или сам проложить дорогу к Нему? Кто силен взять у Бога что желает, тем паче понудить Бога быть в нас, чтоб и мы были в Нем, и особенно после того, как все это было уже дано нам, но презрено, и лицо Божие умалено недоверием, и власть Его попрана самоволием? Говоришь: покаюсь — и каюсь. Но не твое дело поставлять условия. Может и покаяние идти в дело, но когда Сам Бог его постановит и согласится принимать. А само по себе что оно?! Ушибся и больно — что тут?!

Так, воссоединение с Богом не в нашей власти: и условия его, и образ совершения его, и все сюда относящееся не в наших руках. Между тем вот как оно важно, что совершишь воссоединение — все прочее пойдет уже само собою. Тотчас возьмет силу дух, подчинит себе душу и тело, упорядочит потребности и желания и выгонит страсти. Но ему-то самому как состояться? Речь эту я веду к тому, чтоб дать Вам разуметь, что нечего нам ломать своей головы над тем, как воссоединиться с Богом. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорее, если Богу угодно было установить закон и порядок сего воссоединения, поспеши приять его полною верою и воспользоваться им с теплою благодарностию. И благодарение человеколюбивому Богу! Все уже для того совершено, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся.

Не буду излагать Вам, как все сие совершено; скажу главное: для восстановления духа нашего и воссоединения его с Богом необходимо, чтобы Дух Божий нисходил в него и оживлял его. Чтобы открыть путь нисхождению Духа Божия, снисшел, воплотился, пострадал, умер на Кресте, воскрес и вознесся Единородный Сын Божий. В таком отношении поставляет дело свое к Святому Духу Сам Сын Божий, когда, объявив ученикам Своим о Своем отхождении ко Отцу и возбудив тем в них скорбь, говорил в уте-

шение им: *Аз истину вам глаголю: уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам* (Ин. 16, 7). И еще прежде святой евангелист Иоанн Богослов, объясняя слова Господа: *веруяй в Мя... реки от чрева его истекут воды живы*, присовокупил: *сие же рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующий во имя Его: не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. 7, 38–39). Надлежало прославиться Сыну Божию, смирившему Себя в воплощении и страдании, чтобы пришел и пребыл с верующими в Него Дух Святой. Он пришел и стал пребывать, и пребывание Его в верующих так неотложно, что другой Апостол с изумлением вопрошал у них: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16).

Так вот Вам и все дело. Сын Божий воплотился, пострадал плотию, умер на Кресте, воскрес, вознесся на Небеса и послал от Отца Духа Святого, Который, приемлем бывая верующими в Сына, исполняет в них то, о чем молился Сей Сын: *яко же Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут* (Ин. 17, 21).

Как же Он совершает сие? Сочетавается с духом тех, кои веруют в Сына Божия, и, оживляя его, воссоединяет его с Богом. Сие именуется новым рождением от Бога, которое верующих делает чадами Божиими по благодати, как говорит святой Иоанн

Евангелист: *елицы... прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове... но от Бога родишася* (ср.: Ин. 1, 12–13). И стало законом духовной жизни о Христе Иисусе: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие;* ибо только *рожденное от Духа дух есть* (Ин. 3, 5–6).

Не извольте пытать, почему нужно все сие для восстановления в нас истинной жизни, и примите и содержите то с простотою и искренностию детской веры. Станете пытать, подойдет враг и, как некогда Еве, нашепчет Вам соблазны и поколеблет веру, а чрез то лишит и плодов веры. Как тогда непонятно было, как от вкушения плода могли произойти такие следствия, однако ж, они произошли именно от сего вкушения, так теперь непонятно, чего ради надлежало Сыну Божию воплотиться и пострадать и потому вознесшись, ниспослать Духа для восстановления нас, — и, однако ж, от искренней веры именно в такое устроение зависит наше восстановление, и все, которые принимали и принимают его с верою, восстановляются.

Так не пытайте Божия устроения, и я Вам ничего об этом не скажу, хоть обычно говорится кое-что в объяснение его. Скажу только несколько слов о том, что производит в нас Дух Святой, восстановляя дух наш. Однако ж потерпите до следующего письма.

Продолжение о искупительном восстановлении падшего человека. Участие всей Святой Троицы в нашем спасении. Порядок возбуждения в спасаемом человеке добрых чувств от Духа Божия. Участие в этом деле самого человека. Ревность о спасении как первое условие к достижению его

Продолжаю. Единородный Сын Божий, воплотившийся нас ради, крестною смертию удовлетворив правде Божией, примирил нас с Богом; вознесшись же на Небо и седши одесную Отца, выну ходатайствует о нас примирительным ходатайством Своим. Но вместе с сим Он есть для нас источник жизни истинно человеческой. Каким надлежит быть человеку, это явил Он и в Своем человечестве, и все верующие, когда получают новое рождение, получают семя жизни Христоподобной. Которые крестятся во Христа, во Христа облекаются. Сие производит в верующих благодать Святого Духа. Что же именно происходит в нас под действием благодати?

Но наперед попрошу Вас такую всегда держать мысль, что когда говорится, что одно сделал и делает

Сын Божий, другое — Дух Святой, то не следует при сем разделять между Ними восстановительное Их в нас действие. Оно идет нераздельно от Бога, в Троице поклоняемого. Почему святой Петр, изъявляя свое благожелательное приветствие тем, к кому писал послание, говорит: *по прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление Крове Иисус Христовы: благодать вам* — и прочее (1 Пет. 1, 2); а святой Павел заключает свое Второе послание к Коринфянам подобным же благожеланием: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. 13, 14). Восстановительное действие в нас Бога, в Троице поклоняемого, есть общение Его с духом нашим. И сие общение не от Единого Лица бывает, но от нераздельного в Трех Лицах Бога. Почему говорится, что и Сын и Дух Святой и Отец входят в общение с нами. Господь Спаситель хотя сидит одесную Бога Отца, но, по обетованию Своему, с нами есть *во вся дни* (Мф. 28, 20), и это не внешне, а внутренне, ибо говорит: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворима* (Ин. 14, 23). Вот Бог Отец и Бог Сын вселяются в нас и живут чрез веру и любовь, выражаемую исполнением заповедей. А что Дух Святой живет в верующих и заповеди Божии исполняющих,

об этом прошлый раз приводил уже я свидетельство Писания: *Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3, 16). Коль велика и неизреченна к нам милость Божия! Триипостасный Бог живет в нас, если мы верны условиям, под коими сие бывает!

Но производство богообщения совершается благодатию Святого Духа. Он изготовляет в нас обитель и вместе с Богом Отцом и Богом Сыном вселяется в нас. Как же изготовляется сия обитель?

Дух Божий сокровенно действует на дух наш и приводит его в движение. Пришедший в движение дух наш восставляет в себе естественное свое боговедение, что Бог есть, все содержит и Мздовоздаятель есть. Сознание сего восставляет чувство всесторонней зависимости от Бога и оживляет страх Божий. То и другое растревоживает совесть — свидетельницу и судию дел наших и чувств, между коими редко что встречается такое, на что бы благоволительно воззрел Бог. Встревоженная совесть вместе с страхом Божиим и чувством всесторонней зависимости от Бога поставляют человека в чувство безвыходности своего положения: камо пойду, камо бегу? Но бежать некуда: пойман и в руках Бога — Судии и Воздаятеля. Чувствуется *гнев Божий с небесе на всякую неправду* (ср.: Рим. 1, 18).

Но тут приходит благовестие Евангелия и выводит из беды. Без Евангелия такое пробуждение духа

нашего было бы пагубно, ибо неизбежно ввергало бы в отчаяние. Но благость Божия так устрояет, что истинное пробуждение духа и совершается, и сопутствуется Евангелием. Тому, у кого внутри образовалось вследствие пробуждения духа: камо пойду, камо бегу? — Евангелие возвещает: куда и зачем бежать? Иди под сень Креста — и спасешься. Сын Божий, воплотившись, умер на Кресте во очищение грехов наших. Веруй в сие — и получишь отпущение и милость Божию сретишь. Апостолы всегда так и делали, проповедуя Евангелие. Растревожат, а потом говорят: веруй в распятого Господа — и спасен будешь. Так святой Петр в первую проповедь, в день сошествия Святого Духа, встревожил и устрашил иудеев до того, что они начали вопиять: что же нам делать теперь? Куда деваться? Он возблаговестил им тогда: *покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Господа Иисуса во оставление грехов* (ср.: Деян. 2, 38). Святой апостол Павел и Послание свое к Римлянам расположил так, что сначала устрашил всех, говоря: *гнев Божий открывается* (см.: Деян. 1, 18), и потом указал и прибежище всем — в вере в Господа Иисуса Христа (см.: Деян. 3, 22 и так далее).

Когда кто в крайней беде находится и встретит указание на исход и прибежище, с какою ревностию хватается он за сие! Так и дух наш, вняв благовестию спасения в Господе, всею силою емлется за

него с *благонадежием* и *готовностию* все сделать, лишь бы сделаться причастником евангельских благ. Такое настроение нашего духа делает его готовым к богообщению, и благодать Святого Духа, действовавшая доселе совне, возбуждая, вселяется внутрь не непосредственно, а чрез посредство Таинства. Верующий кается, крестится и приемлет дар Святого Духа (см.: Деян. 2, 38). Сие и есть действо богообщения — живого и действенного. Так осязательно проявлялось сие действо во время первоначальной проповеди святых апостолов, так проявлялось оно и после них и проявляется доселе, когда все при сем с нашей стороны исполняется достодолжно.

Не все совершает один Дух Божий. Требуется нечто и от нас, и это нечто — немаловажно. Дух Божий возбуждает, благовестив указывает, за что взяться. Сие от Бога. Но, сделав сие, Бог останавливается и ждет нашего произволения. Первыми действиями Своими Бог как бы спрашивает: хочешь выйти из беды? Вот что делай. Момент сей самый важный. Склонится кто на указание — открывает вход дальнейшим действиям благодати, которая и вводит его потом в область спасенных. Не склонится — пресекает дальнейшие действия благодати, и таковой остается в среде погибающих. Апостол Павел проповедует в Ареопаге. После проповеди святой Дионисий и еще кто-то идут вслед его и крестятся, а из прочих кто

говорит: «Чему это учит суесловивый сей?», а кто: «Приходи в другой раз, послушаем тебя». Бог никого не неволит спастися, а предлагает на выбор, и только того, кто изберет спасение, спасает. Если б не требовалось наше произволение, Бог всех в одно мгновение сделал бы спасенными: ибо *всем хощет спастися* (ср.: 1 Тим. 2, 4). Да тогда и совсем не было бы погибающих. А произволение наше не всегда разумно бывает, упорничает и Самому Богу не внимает. Вот и гибнем.

Так извольте заметить сей момент. Он всегда во всяком духе должен быть присущ, когда кто стоит на стороне спасаемых. Слагается он из следующих действий: после того как благодать возбудит чувство крайности положения, а благовестие укажет исход из него, к чувству беды приложить надо сознание, что сам во всем виноват, и раскаяться в том; уверовать в действенность предлагаемого образа спасения; возжелать сим именно образом спастися и благонадежие в том возыметь; изъявить полную готовность всеусердно делать все, что указано будет как условие спасения. Когда все сие произойдет в духе нашем, останется только к Таинствам приступить — и богообщение совершится. Сведем итог: раскаялся, возжелал спасения в Господе и благонадежие в том возымел — эти действия суть действия покоящиеся, внутри происходящие и тамошним проявлением до-

вольствующиеся. А последнее действие — готовность делать все, что потребуется, — есть настоящая деятельная сила во спасение, поелику оно от нас зависит, источник спасительной деятельности и жизни спасенной. Эта готовность, пока нами одними изъявляется, слаба бывает, а когда благодать Божия внутрь вселится, тогда становится всесильною, не знающею препон, все преодолевающею. Она есть ненасытимая ревность о богоугождении и всеусердном исполнении воли Божией, при всей вере в Господа и благонадежии спасения в Нем Едином. Она исполняет предвечное определение Божие — *быти нам святым и непорочным пред Ним в любви* (Еф. 1, 4), для чего и делает нас Господь ревнителями добрых дел (см.: Тит. 2, 14).

Я нарочно останавливаю внимание Ваше на сей ревности, чтоб Вы возревновали о ней. Ибо когда она есть с нашей стороны, то благодать Божия со своей стороны не пропустит делать все с преизбытком, так что, когда есть ревность сия — в области веры и искания спасения, — тогда все есть, и содевание нашего спасения несомненно бывает в ходу и идет к своему концу; а когда нет ее, то и ничего уже нет: не ревнующий о спасении непричастен спасения.

Какой долгий делал я обход, чтобы довесть Вас до этого пункта. Но это все были общие рассуждения. Теперь станем мы с Вами рассуждать о Вас самих.

Признаки истинной духовной ревности в отличие от ревности душевной

Прошлый раз взялся я сводить итоги и не довел до конца, а это-то главным образом и требовалось. Конец сей есть: да ведаете, что ревность, о коей была речь, ревность действенная, живая, горящая, неутомимая, и есть признак, что дух наш восстановлен в своей силе и правах чрез воссоединение с Богом благодатию и действием Святого Духа. Вспышки ревности бывают у нас и свои, но вспыхнет — и погасла. Ревность же всегда горящая, постоянная и неутомимая бывает только по облагодатствовании духа нашего Святым Духом. Так вот, когда есть у Вас такая ревность, значит, и у Вас восстановлен дух, и — только не угашайте его — он заберет в свои руки и душу, и тело, все потребности естества своего и все свои отношения, житейские и гражданские, и все направит к одному: богоугождению и спасению. Отвечайте же, есть или нет?

Полагаю, что Вам очень затруднительно ответить на это, и не по одной скромности. Прихожу

к Вам на помощь. Не смешайте ревность с ревностию. Ревность духовная вся истощается на угождение Богу и спасение души; она преисполнена страхом Божиим и непрестанное хранит внимание к Богу, всячески заботясь ничего не допустить ни в мыслях, ни в чувствах, ни в словах, ни в делах, что бы не было угодно Богу, как указывает ей совесть, которую она хранит чистою, как зеркало; сердце свое она блюдет от всяких прилеплений к чему-либо, кроме Бога и вещей божественных, и надеждами своими переселяется в иной мир, отсекши все земные надежды. Она не чуждается и того, что нужно для временной жизни, но все сюда относящееся есть для нее приделок, а дело — одно: богоугождение и спасение. Видите как? Извольте хорошенько это обсудить и себя по этому проверить.

Еще примите во внимание, что бывает ревность и душевная, и ревность сильная. Но она вся обращена на устроение временного быта. Кто о научности ревнует не спя; кто о художественности, мир весь обегая; кто о промышленности и торговле, сил не жалея; кто о другом чем, житейском или гражданском. Все это было бы ничего, но то беда, что когда какая-либо из сих ревностей завладеет вниманием и силами человека, то она погашает ревность духовную. Душевная ревность в лучших своих проявлениях, какие указаны, холодна к духовному и отбивает всякую

охоту заниматься тем, что удовлетворяет ревность духовную. А о других ревностях и говорить нечего, как они противны духовной. Ибо есть еще ревность суетная (о нарядах и подобном) и злая — порочная и грешная, обращенная на удовлетворение страстям. Эти последние не охлаждают только ревность духовную, но совсем враждебны ей и как в себе самих подавляют ее, если она как-либо зашевелится в совести, так и в других гонят ее и преследуют. Вот сколько бывает ревностей! Извольте-ка приглядеться, нет ли какой-либо из них и у Вас?

Духовная ревность не гонит душевной (научности, художественности, житейскости, гражданственности), а только умеряет ее и упорядочивает, направляя ее к своим видам, не позволяя ей ревновать о чем-либо таком, что противно ей самой. Она прогоняет только суетную и страстную и показаться им не допускает в круге жизни человека, которым сама завладела. В одном только случае она и душевной ревности не дает хода — именно когда видит, что дела и занятия по удовлетворению сей ревности — науки, художества, мастерства, жизнь семейная, гражданские службы и должности — не дают простора ей самой, теснят ее, охлаждают и гасят. Тогда она человека, коим завладела, совсем исторгает из тех порядков жизни, коими заведует ревность душевная, и уводит его туда, где тем только и занима-

ются, чтобы удовлетворять ее — духовную ревность. Вы догадываетесь, о чем здесь речь?!

Отгораживаю Вам настоящую духовную ревность от всего стороннего, чтобы Вы определенно видели, что она есть, и возревновали о ней. Она есть тот огнь, который Господь пришел вовлещи на земле и который, падши на земле естества нашего, поядает там все непотребное, а все потребное переплавляет и перечищает. Ее разумел апостол, когда писал к солунянам: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19). Ибо хотя Дух сей есть Дух благодатный, но присутствие Его в нас свидетельствуется горением духовной ревности; и погашается Он, когда гаснет сия ревность. Ее же разумел он, когда поучал римлян: будьте *тщанием не ленивы, духом горяще, Господеви работающе* (Рим. 12, 11).

Тщание и неленость есть самая ревность; горение духом есть свидетельство ее присутствия и действенности; работание Господеви есть направление и дух сей ревности. Направляя такую ревность, тот же апостол заповедует филиппийцам: *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика достохвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте... и Бог мира будет с вами* (ср.: Флп. 4, 8, 9). Вот о чем ревнует дух оживший, с Богом сочетанный и вследствие такой ревности сохраняющий такое

сочетание. За то Бог мира пребывает с ним — благо, выше которого нет другого.

Должное также направление ревности определяя, пишет он к римлянам: *молю убо вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше; и не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная* (Рим. 12, 1–2). Обновление ума есть обновление духа нашего благодатию. Оживши, он отрешается от дел века сего и ревнует только о богоугождении, всего себя принося Богу в жертву живу и святу, а потому и благоугодну Богови.

Так вот Вам что есть ревность, какова сила ее и каковы направления ее! Поелику столь велико значение этой ревности, то сами согласитесь, что стоит труда определить, есть ли она у нас с Вами. И потрудитесь над этим.

Подходит праздник Рождества Христова. Поздравляю и шлю Вам мой привет и благожелания! Вместе с этим уж и с Новым годом поздравляю. Может быть, не придется мне писать к Вам до того времени.

Новогодние пожелания. Необходимость обновления и самоочищения. Это делает в нас ревность духовная

Поздравил я Вас с Новым годом мимоходом, а потом пришло на мысль и особо поздравить Вас с ним и пожелать нечто особенное. Что же именно? То, чтобы Вы стали новенькою. Как новенькою? Так, как бывает всякое новенькое платьице: все на своем месте, ни пятнышка, ни помятости; так и веет от него свежестию. Вот подобного сему желаю душе Вашей. По телу Вы, как о платье говорится, только что с иголочки, совершенно новенькая. А душа наша и на свет является со старым, и, если не отнять от нее этого старья, она так и останется старою, не вкусив новинки. Старое в душе — суета и страсти. Выгоните все такое — и станете новенькая.

Расскажу Вам одно предание, и Вам будет яснее, в чем тут дело. Некто жил где-то далеко в пустыне. Заболели у него внутренности: легкие ли, или сердце, или печень, или все вместе. Боль хоть умирай. Людской помощи неоткуда ожидать, прибег к Богу

со всеусильною молитвою. Услышал Господь. В одну ночь, заснувши, видит он такое видение: пришли два Ангела с ножами, разрезали его, вынули больные части, вычистили их, вымыли и чем-то смазали. Затем все положили на свое место, спрыснули чем-то — и все срослось, как будто и разрезов не было. Проснувшись, старец встал совсем здоровым, как будто никогда не болел, новеньким, будто юноша во цвете сил. Видите, чего Вам желаю? Чтоб в Вашей душе все было перечищено, больное и старое повыброшено, все оздравленное и обновленное поставлено на свое место и вспрыснуто живою водою. И станете новенькая, свеженькая, полная светлой, отрадной жизни.

Рассказывал я эту историйку одному из трудящихся над собою. Выслушав ее, он не хладно воззвал: о, когда бы пришли Ангелы и сделали с душою моею то же, что сделали с телом того старца! В этом воззвании слышались и молитва, и желание свалить на других то, что должно быть сделано своими трудами. Ибо и такое лукавство не чуждо нашему сердцу, что хорошими быть мы не прочь, но потрудиться ради того — руки опускаются. Душу перечищать и исцелять не придут Ангелы. Бывают при этом и их указания и вразумления, но делать все надо самим. Даны все средства, или орудия и лекарские инструменты. Бери сам и режь себя, где нужно, без всякого жаления себя. Другой никто этого не может сделать.

Сам Бог не входит во святилище души могуществом Своим, а благоволительно просит входа.

Вас я и не спрашиваю, как Вы располагаетесь: сами себя перечищать или на других все сваливать. Вы еще и не брались за это как следует. Но когда возьметесь, то я и Вам пророчу, что не раз придет Вам и не летучее желание: о, когда бы пришли Ангелы и все перечистили! И, однако ж, Ангелы не возьмутся за это, хоть тут же с Вами будут. Дело очищения надо будет вести самим, без жалости к себе. Производитель его в нас есть та живодейственная ревность, о которой я писал прошлый раз. Она и резак, и нож, который весьма хорошо действует, когда отточен благодатию и направляется по ее же внушениям. Она и безжалостна бывает, когда вселится в сердце, и режет, не слушая криков режемого. Зато и дело при ней идет спешно и скоро приходит к концу, ибо не все — резанье. Когда все поотрежется, тогда ревность не ножом уже бывает, а стражем и всю лютость свою обращает на врагов спасения, от докучливости которых никто не свободен и бесстыдство которых никогда не оставляет покойным никого.

Сами видите, что речь эту я завел затем, чтобы раздражить Ваше желание точнее определить, есть ли у Вас такая ревность. Ибо без нее не пойдет Ваше дело духовное. Да когда ее нет, значит, дух спит, и когда он спит, нечего и толковать о духовном.

Мысли в праздник Крещения Господня. Сокровенное действие благодати, получаемое нами в Таинстве Крещения

Хочу поделиться с Вами теми мыслями, какие приходили мне для Вас на Крещение Господне. Я положил было задать только Вам вопрос: как думаете Вы о своем крещении? Что это, простой чин или оно дает Вам нечто? Но потом мне подумалось, что гораздо лучше решить это мне самому. И решаю.

Крещение дает нам то, чего ничто другое на земле, кроме него, дать нам не может. *Оно сочетавает и сраствоpяет с естеством нашим Божественную благодать*, так что из купели Крещения человек выходит таким, каким выходит из мастерской какое-либо изделие, например колокольчик, в коем к меди прилито серебро. Подобный ему медный колокольчик без серебра на вид таков же, каков и этот с серебром; но состав их разный, разный у них звук, разны и честь им, и цена. Так разнится и человек крещеный и некрещеный. Разность сию составляет

то, что с крещеным сочетавается благодать Святого Духа, так как крещаемый водою крестится вместе с тем и Духом Святым. На вид и он такой же человек, как и некрещеный, а на деле — в составе своем — они разны, и очень.

Так во Святом Крещении к естественному составу нашему приливается еще новая стихия, сверхъестественная, и остается в нас сокрытою и сокровенно действующею. Мы крещение получаем в младенчестве, и хоть не знаем, что творится с нами, но благодать тем не менее сочетавается с нами и тогда же начинает действовать в нас помимо нашего сознания, по единой благости Божией, веры ради восприемников и родителей. Приходя в возраст, мы не можем хорошо различить в себе, что в нас от естества и что от благодати, которая, с самого крещения пребывая в нас, не оставалась праздною, а действовала свойственным ей образом. Но в первые времена, когда приводимы были к вере и крещаемы возрастные, действие благодати обнаруживалось в них тотчас же — и для них ощутительно, и для других видимо. Особенно поразительны бывали изменения нрава и жизни, когда, например, сердитый становился кротким, гордый — смиренным, скупой — щедрым, развратник — целомудренным и прочее. Подобное нечто, верно, совершилось и с нами в купели Крещения. Пришедши в возраст и видя в себе добрые стороны,

мы нередко тщеславимся тем, или другие — нами, приписывая то себе самим, между тем как все доброе, что есть в нас, надо относить к благодати Божией, которая и все естественное в нас переделывает, и многое дает прямо от себя.

Благодать действует в нас с малолетства сокровенно. Ее подновляют в нас причащением Святых Таин Тела и Крови; среда же, в коей мы растем, если она верующа и благочестна, дает простор действию ее в нас чрез христианское воспитание. И выходим мы из детства и отрочества при сих условиях совсем не то, чем выходят те, которые не крещены. Полагаю, что Вам приятно восприять мысль и веру, что Вы облагодатствованы. И не отрицайтесь, а паче благодарите. Благодать сокровенно действует, но нередко она проторгается и въявь — в святых порывах и делах. Если будете почаще себя тереть, ходя в порядках христианских, чаще будете испытывать и действие благодати. Огонь есть в дереве, но скрыт. Станьте тереть дерево о дерево, пойдет дым, а потом и огонь покажется. В янтаре и сургуче есть электричество, но так оно не видно. Потрите — и оно тотчас обнаружится притяжением каких-либо мелких частичек и даже искоркою. Вот и телеграф молчит, а как только машинка начнет производить трение — электричество тотчас пробуждается, и видите, как оно стремительно действует.

Так видите, облагодатствованная дщерь Божия, за чем дело! Тереть себя надобно, ходя в порядках христианских, — и благодать Божия будет непрестанно проявлять в Вас свою живодейственность. Есть электрические солнца. Отчего? Возбуждено посредством известных аппаратов много электричества и держится в сем возбуждении. Желаю стать и Вам самосветящимся солнцем под действием благодати, Вам дарованной и в Вас сущей.

Вот и опять мы подошли к тому же: что не надо себя жалеть, а то резать, то тереть. Иначе ничего из нас с Вами не выйдет в духовном смысле, хоть мы и очень красивы будем на вид.

Продолжение о сокровенном действии в человеке благодати Крещения. Пояснительные уподобления благодати закваске в тесте и огню в железе. Приходя в возраст, человек должен упрочить в себе благодать Божию свободным произволением. Опасность остановиться на полудороге. Полная горячая решимость служить Богу

Полагаю, что Вы удержали и держите в памяти, что христианин не прост, а сложен из естества и благодати. Хочу теперь выяснить Вам, что спасенные, те, кои войдут в Царствие Божие вечное, — суть только те, в которых благодать не пребывает сокрытою, а раскрывается, проникает все наше существо и делается видною даже вовне, поглощая будто собою естество наше.

Вонмите слову Спасителя! Он говорит, что Царствие Божие похоже на то, как жена, взявши закваску, влагает ее в тесто. Тесто, принявши закваску, не вдруг вскисает: для этого требуется свое время. Положенная внутрь закваска мало-помалу проникает все тесто — и все тесто делается заквашенным: хлеб

из него потом выходит рыхлый, ароматный, вкусный. Так точно и благодать, влита будучи в естество наше, не вдруг проникает его все, но мало-помалу. Потом, когда проникнет все, — все естество становится облагодатствованным. И дела, какие делает потом человек, все суть дела особого рода. Хотя на вид оные такие же дела, как и все другие, но с особым ароматом, особым вкусом и особым звуком. Бог их только и приемлет, как особенно Ему приятные дела.

Беру другое сравнение в пояснение того, как благодать, когда ей дают простор действовать, проникнув все естество наше, выходит потом наружу и бывает видна для всех, способных видеть. Подобно тому как огонь, проникая железо, не внутри только железа держится, но выходит наружу и огненную свою силу являет ощутительно для всех, так и благодать, проникнув все естество наше, становится потом осязательно видима для всех. Все приходящие в соприкосновение с таковым облагодатствованным чувствуют присущую в нем необыкновенную силу, проявляющуюся в нем разнообразно. Станет он говорить о чем-либо духовном, все у него выходит ясно, как среди дня, и слово его прямо идет в душу и там властно слагает соответственные себе чувства и расположения. Да хоть и не говорит, так веет от него теплота, все согревающая, и сила некая исходит, возбуждающая нравственную энергию и рождающая готовность на всякого рода духовные дела и подвиги.

Благодать Божию мы принимаем чрез Святое Крещение в младенчестве. С сего момента она начинает в нас действовать и совершать свое дело, в той надежде, что, когда мы придем в возраст, сами, произвольным своим решением, начнем ревностно делать все, что в деле спасения зависит от наших трудов. Когда семейство благочестиво и детей воспитывает в христианских порядках жизни, благодать сама умиротворяет их внутреннее, и они выходят кроткими, смиренными, послушными, милосердыми, благоговейными и страха Божия исполненными. Примеры сего всюду видны.

Я и на Вас бы указал, если б не боялся, что возмечтаете о себе, хоть тут пока еще неотчего много о себе думать, потому что ничего еще не приложено от собственных трудов. Все, что видится хорошего, чужое есть, дано, возделано. За Вами теперь стоит: все это хорошее возлюбить и положить в сердце хранить то, возвышать и множить. То правда, что Вы стоите на хороших основах и поставлены на хорошую дорогу; но во всем этом не было еще пока Вашего произволения и свободного решения. И если Вы не приложите сего теперь, то все в Вас положенное предшествовавшим воспитанием не будет прочно и при неблагоприятных обстоятельствах развеется, оставя за собою только приятное, а может быть, и неприятное воспоминание.

Помните, что с Вами было, когда Вы окунулись в омут светской жизни? Кто это Вас тогда томил и сокрушал сердце Ваше? Все доброе в Вас возгрето благодатию Божиею при благочестивом семейном воспитании. За что же томили Вас? За то, что Вы позволили себе возыметь некоторое сочувствие к тем беспорядочным порядкам. Хоть Вы и не сказали мне этого, но это само собою следует из того скорбения, какое томило Вас потом. Не будь этого сочувствия, не было бы томления. И я писал Вам, чтобы, если нужда заставит опять окунуться в такой же омут, не прилагали сердца ни к чему, что там увидите и услышите. И если не будете прилагать, не будете испытывать и томлений. Что-то я не слышу, бываете ли Вы там и, бывая, делаете ли так, как я писал Вам. Сами смотрите. Вы ведь госпожа над собою: вступаете в возраст самостоятельного действования. Скажу только Вам, что из Вас выйдет или такая же пустая, суетная и страстная личность, как и все те, или — ни то ни се. Первого рода личность выйдет, когда Вы вседушно вдадитесь в ту жизнь. Тогда забудете все прошлое доброе, святое, духовное и станете во враждебное к нему отношение. Зная Вас, я уверен, что этого с Вами не случится. Но не могу отрицать возможности второго случая: из Вас может выйти ни то ни се — ни духовная, ни мирская, ни христианка, ни язычница. Это будет, когда вы, храня

благочестные, в которых выросли, порядки, не будете, однако ж, блюсти сердца своего от сочувствий к порядкам светской жизни. Помните: я разумею сочувствие, а не участие, которое бывает иногда необходимо, как Вы говорите. Это сочувствие не отобьет Вас от прежнего, но охладит к нему, и Вы будете влачиться в них по одной привычке, а не по избранию сердца. По существу дела, Вас не будет ни в мирской, ни в настоящей духовной сфере: будете ни то ни се.

Что же Вам за это будет? То же, что присудил уже Господь в Апокалипсисе одному из Ангелов Церквей: *Вем твоя дела, яко ни студен еси ни тепл... О, дабы студен был еси или горящ. Тако, понеже тепл еси, и не студен еси ниже горящ, имам тя изблевати от уст Моих* (Апок. 3, 15–16). Надо быть горящею к Богу и всему божественному и холодною ко всему светскому и мирскому. Если не окажетесь ни к светскому не холодною, ни к Божескому не горячею, а к тому и к другому полутеплою и полухолодною, то будете отвергнуты Богом. Как же быть? Надо теперь же избрать сердцем святую, богоугодную, духовную христианскую жизнь — теперь именно, когда Вы вступаете в период самостоятельной жизни. К этому у меня вся речь идет. Изберете — избавитесь от беды быть ни то ни се. Благослови Вас, Господи, и вразуми!

Продолжение о ревности и решимости жить по благодати. Внутренняя центрособранность. Просветление оболочки души. Разные степени этого просветления

Очень обрадован Вашим желанием переродиться. Вы рванулись желанием, но благослови, Господи, возвесть Вам это желание до решимости, а потом решение свое произвесть и в дело, которое по буквам не так сложно и длинно, а по существенному смыслу должно быть трудом целой жизни. Как дойти до решимости, об этом потолкуем после. Теперь я еще поговорю о том, что будет в конце. Сознанный светлый конец какого-либо начинания поддерживает в соответственном напряжении энергию сил к довершению его.

Прошлый раз я писал Вам, что надобно нам самоохотно дать благодати Божией, принятой нами в крещении, простор, чтобы она, как закваска, проникла все существо наше во всех частях и частичках; потом прибавил, что со времени крещения она тотчас

начинает действовать и, если не встретит помехи, производит все возможное в душе одна в чаянии, что, пришедши в возраст, душа и произволением своим изберет те заложенные уже благодатию начатки христианской богоугодной жизни. Когда, пришедши в возраст, станет кто своим сознанием и свободным избранием на сторону благодати, тогда она уже самого человека научает, как ладить с собою и все в себе переделывать, и не отступает от него, пока не доведет своего дела до конца, если человек не станет противиться тому своим произволением. Вы теперь стоите на том моменте жизни, когда предлежит Вашему произволению и свободе выбор, стать ли на сторону благодати или на противоположную ей. Положим, что Вы избрали первое и дошли трудом жизни до блаженного конца благодатной жизни. В каком, думаете, виде будет тогда созерцаться Ваше внутреннее? Как лучезарная звезда, всюду разливающая светлые лучи. Вот как это!

Помните, Вы говорили, что не совладаете с мыслями, а потом писали, будто я Вас испортил своими речами, что прежде у Вас все было лучше, а как стали всматриваться в себя по моему указанию, то видите одно неустройство: и мысли, и чувства, и желания — все идет вразброд, и привесть их в какой-либо порядок сил нет. Вот Вам решение, почему это так: *центра нет*. А центра нет, потому что Вы своим со-

знанием и свободным избранием еще не решили, какую сторону Вам принять. Благодать Божия доселе вводила в Вас возможный порядок, и он в Вас был и есть. Но отселе она не станет уже действовать одна, а будет ждать Вашего решения. И если Вы Вашим избранием и решением не станете на сторону ее, то она и совсем отойдет от Вас и оставит Вас в руках произволения Вашего. Вы отгорожены будете на противную сторону и, может быть, даже сердцем изберете ее, но не ждите, чтобы от этого направления умалился внутри Вас беспорядок. Нет, там водворится еще большее смятение и растрепанность. Упорядочение внутри Вас начнется лишь тогда, когда Вы станете на сторону благодати и порядки жизни в духе ее поставите неотложным законом своей жизни. С того момента как образуется в Вас такое решение, образуется и центр внутри Вас, и центр сильный, который все сущее в Вас начнет стягивать к себе. В центре сем будет благодать, завладевшая Вашим сознанием и свободою, или Ваше сознание и свобода, сочетанные с благодатию. Это то же, что прежде названо воскрешением или восстановлением духа. К сему центру потом благодать Божия начнет стягивать все другие силы естества Вашего, и душевные, и телесные, и заправлять всею их деятельностью, удерживая в них то, что есть доброго, и истребляя все недоброе. Это стянутие всего к одному центру и

направление всего к оному и есть внутреннее перерождение, которого Вы с таким порывом возжелали. Когда завершится это перерождение, тогда уже все, и малое и великое, будет исходить из одного центра, и внутри водворится совершеннейшая гармония, и мир Божий, превосходящий всякий ум, осенит внутреннюю храмину естества Вашего. И Бог мира будет с Вами! Какое восхитительное и преблаженное состояние! Вы рванулись желанием к вещи, весьма достойной Вашего желания.

Теперь потрудитесь припомнить, что было говорено о некоей повсюдной тончайшей стихии, все проникающей и однородной с оболочкою души нашей. Когда душа состоит вне благодати, оболочка ее *или мрачна*, как ночь темнейшая, если кто поблажает страстям и им служит, *или сера*, как неопределенный туман, когда кто не слишком предан страстям, живет, однако ж, в суете. Под действием же благодати вместе с тем, как проникается ею душа, просветляется постепенно и оболочка ее, подобно тому, как обыкновенно разгуливается пасмурная погода. Когда душа вся проникается благодатию, тогда и оболочка ее вся становится ярко-светлою. Как внутреннее все в сем случае стянуто к единому, от коего исходят и все тамошние движения и действия, то и ярко-светлость оболочки представляется исходящею из того же центра вслед за духовными действиями. Это и есть лучезарность. Внутреннее облагодатство-

ванного блестит, как звезда, не духовным только, но и вещественным светом.

Эта светозарность внутренняя у таковых нередко прорывается и наружу и бывает видима для других. Бывши в Санкт-Петербурге в сороковых годах, я слыхал об этом от некиих и очень желал повидеть то своими очами. Случилось мне принять к себе одного инока, в котором начали уже проявляться ощутительные действия благодати. Началась речь о духовных вещах. По мере того как входил он в себя и мысль его углублялась, лицо его все более и более светлело, а потом стало все бело, как снег, и глаза его искрились. И об отце Серафиме Саровском говорят, что он часто просветлялся, особенно во время молитвы в церкви, видимо для всех. О подобных проявлениях есть много сказаний в отечниках. Об одном пишется, например, что лишь только он, став на молитву, поднял руки к небу, как из всех пальцев обеих его рук потекли пуки света на довольное пространство. О другом говорится, что ученик его пришел к нему за чем-то и постучался; ответа не было. Он пригнулся посмотреть в скважину и увидел, что старец стоял весь в огне, как столп света. И много-много есть таких сказаний. И про святителя Тихона я еще маленький слышал нечто подобное. Преображение Господне, когда Он явился весь облистан светом, одного с этим происхождения.

Лучезарность такая при переходе в другую жизнь обнаруживается уже сама собою естественно, ибо тогда спадает это грубое тело и не мешает ей быть видною для других. Я уже поминал Вам, как святой Антоний Великий, сидя однажды и беседуя с учениками, устремил очи свои на небо и, посмотревши довольно, сказал: «Я видел столп света, восходящий от земли на небо. Это душа Аммония воспарила к Господу». Таких видений много записано. И то несомненно, что в Царство Небесное войдут только те, в которых благодать Божия, быв воспринята, начала свое действие в какой-либо мере, хотя и не успевши проникнуть всего естества. Припомните притчу о десяти девах. Пять юродивых не вошли в чертог оттого, что не имели огня в светильниках. Это значит, что, приняв благодать, как и все, они не озаботились возгреть ее в себе и не потрудились над собою, чтобы дать ей простор полно воздействовать в себе. Погасили благодать, света и не оказалось: ибо неоткуда ему произойти в нас, как от благодати.

Вообразите, как они были поражены, когда у самых дверей стояли и были отвергнуты — и глас жениха слышали, только не призывающий, а отгоняющий. Господи, помилуй! Прегорькая участь! Почаще вращайте в мысли этот момент и всею заботою озабочивайтесь во что бы то ни стало достигнуть того, чтобы не повторилось и над Вами нечто подобное.

Благослови Вас, Господи!

Объяснение свободной решимости жить по благодати притчами и примерами

Спешу подослать Вам к прежде сказанному и еще несколько строк все о том же.

У тех, которые, получив благодать, не дали ей действовать в себе, а заморили, на Суде Божием сначала отнимут дар благодати, а потом ввергнут их во тьму кромешную. Это Спаситель открыл в притче о мнасах (см.: Лк. 19, 11 и далее). Всем рабам дано по мнасу: благодать всем равно дается. Но один на этот мнас приобрел других десять, другой — пять, третий — ничего: завернул, говорит, в платок и положил. Это значит, что первый больше всех потрудился над тем, чтобы проникнуться благодатию, второй — в половину против него, а третий пренебрег даром, нисколько не заботился возгреть в себе благодать. Награда потом воздана соответственно трудам по облагодатствованию или внутреннему просветлению себя под действием благодати. Последний ничего не сделал по сей части — у него взяли и то, что так щедродательно вручено было вначале.

Видите, как дело-то идет и чем кончается?! Мы, крещеные, все получили мнас — благодать Святого Духа. Сия благодать, как я уже поминал, сначала одна действует в нас, пока мы еще не пришли в возраст. Когда же приходим в возраст, то она, хотя также во всякое время готова действовать в нас, но не действует, а ожидает, пока мы свободно и самоохотно склонимся к ней, сами восхощем ее вседействия в нас и взыщем его. Как только взыщем, она тотчас начинает опять свое в нас дело, возбуждая, направляя и укрепляя нас. Проникновение нас благодатию спеется по мере взыскания нашего и труда по сему взысканию. А если не взыщем и не станем трудиться именно для сей цели и в сем смысле, то она не станет действовать в нас против воли нашей, как бы насильственно. Бог дал человеку свободу и не хочет нарушать ее, не хочет против воли входить в него и действовать в нем. Захочет человек сам себя предать действию Божию, самоохотно, — тогда и Бог благодатию Своею начинает действовать в нем. Если бы все зависело от Бога, то в одно мгновение все стали бы святы. Одно мгновение Божие — и все бы изменились. Но таков уж закон, что человеку надо самому восхотеть и взыскать — и тогда благодать уж не бросит его, лишь бы только он пребыл верен ей.

Припомните притчу Спасителя о сокровище, сокрытом на поле, и о человеке, ищущем драгоценных

бисеров (см.: Мф. 13, 44–46). Один увидел в поле десятину, на коей зарыто сокровище, пошел, все свое продал и купил десятину ту. Конечно, он вырыл потом сокровище и разбогател, хоть об этом не помянуто. Это поле, или десятина, есть душа наша; сокровище, сокрытое в ней, есть благодать, чрез Святое Крещение в нее вложенная. Что увидел сокровище человек притчи, этим означается момент, когда сознает христианин, что в нем сокрыта такая драгоценность, ни с чем не сравнимая, — благодать Святого Духа. Продал все — это значит всем пожертвовал, что имел, что дорого было для него, чтобы только достать то сокровище — возбудить и привести въявь сокрытую в нем благодать.

Другой купец был, торговавший драгоценными камнями. Узнал он, что где-то есть алмаз, которому равного ничего нет, но которому цены в том месте, где он находился, не знали (это я от себя дополняю). Желая его приобресть, и этот тоже все свое продал и купил его. И конечно, разбогател. И этот драгоценный бисер есть образ благодати Божией, в нас сокрытой и неведомой нам, пока не сознаем того. Кто сознает, тот вместе убеждается, что ничего нет драгоценнее ее. Потому с полным самоотвержением все бросает и устремляется на возгрение и воспламенение в себе благодати.

Из этих притчей Вы видите, что именно ожидается от нас. Ожидается, чтобы мы 1) *сознали присутствие* в себе дара благодати; 2) *уразумели драгоценность* ее для нас, столь великую, что она дороже жизни, так что без нее и жизнь не жизнь; 3) возжелали всем желанием *усвоить себе* сию благодать, а себя — ей, или, что то же, — проникнуться ею во всем своем естестве, просветиться и освятиться; 4) *решились* самым делом достигнуть сего и затем 5) *привели сию решимость в исполнение*, оставя все или отрешив сердце свое от всего и все его предав вседействию Божией благодати. Когда совершатся в нас сии пять актов, тогда полагается начало внутреннему перерождению нашему, после которого, если неослабно будем продолжать действовать в том же духе, внутреннее перерождение и озарение будут возрастать — быстро или медленно, судя по нашему труду, а главное — по самозабвению и самоотвержению.

Помните, что я говорил Вам о той гувернантке, что круто поворотила*. Вот у нее все это совершилось. Начавши, она уже не озиралась вспять, а все дальше и дальше, выше и выше забирала. И дошла до огненного возгорения благодати. Благодать Божия не смотрит на то, каков кто был до желания ее, а ждет только этого возжелания. И тотчас начинает

* Почила уже материю Магдалиною в Елецком женском монастыре. О ней — в «Страннике» за 1876 г.

свое дело — как у Екатерины великомученицы чистой, так и у Марии Египетской, бывшей до того неисправною. Сколько есть текущих сим путем у нас в России, знатных и незнатных, и мужчин и женщин, и вдовиц и девиц! Блаженные и преблаженные души! Блаженный Августин долго был удерживаем в узах жизни недуховной, хотя знал и о духовной и желал ее. Что же помогло ему разорвать сии узы? Слышанный им рассказ о просиянии благодатию святого Антония Великого, человека неученого и из простого звания. Услышав это, он воззвал: се простецы упреждают нас, оставляя нас позади со всею нашею ученостию и всем значением среди людей. И с этой минуты переломил себя и с жаром пошел тем же путем, каким тек святой Антоний.

Мы же с Вами как? Отнекиваться будем или отлагать день за днем?! Благослови Вас, Господи, Своим просветительным благословением!

Решимость жить по благодати не должна ограничиваться лишь желанием, а должна сопровождаться готовностью к трудам и борьбе, стремлением непременно достигнуть желаемого. Решившись, должно тотчас начинать дело и продолжать с терпением и постоянством

И еще не все сказано. В дополнение к тому берусь написать еще кое-что. Понуждает важность предмета, о коем была речь.

Лучезарность души, которую проникает Божия благодать — всю, как огонь железо, есть состояние привлекательное. Слыша о нем, всякий готов рвануться желанием достигнуть его. Предполагаю у Вас подобный порыв. Но порыв хоть и означает, что душа умеет избирать лучшее, но не выражает всего, что по сему случаю требуется. Можно рвануться и стать — из порыва ничего и не выйдет. Нет, не порыв один здесь нужен, а здравое рассмотрение дел и образование решимости, твердой и неуклонной, при сознании всех трудов, препятствий, неприятностей,

кои ожидают впереди, с мужественным воодушевлением стоять против них, до положения живота.

Взыскание того, чтобы проникла все наше существо Божия благодать, есть то же, что взыскание Царствия Божия, или возревнование о спасении души, или возлюбление и избрание единого на потребу. Разны именования и выражения, дело же одно. Я взял такую сторону, которая нагляднее. Как ни назови, предмет сам по себе есть превожделеннейший, потому нельзя не желать его. Кого ни спроси: «Хочешь в рай, в Царство Небесное?» — духом ответит: «Хочу, хочу». Но скажи ему потом: «Ну, так то и то делай»,— и руки опустились. В рай хочется, а потрудиться ради того не всегда достает охоты. Я веду речь к тому, что не возжелать только надобно, но и твердую возыметь решимость непременно достигнуть возжеланного и начать самым делом труды по сему достижению. Чтобы Вам яснее это было, расскажу Вам все, как обыкновенно желания восходят до решимости.

Много бывает предметов, о которых мы думаем, и дел, которые задумываем. Но подумаем-подумаем — и забываем. Это значит, что к ним душа не прилегла: душа не прилегла — и память о них пропала. То памятно, к чему душа приляжет. Душа приляжет — я разумею, предмет нам понравился. Пусть понравился предмет, нам приятно о нем думать или держать

его в мысли, представлять себе, но он может не возбуждать еще желания иметь его, а если это дело — сделать его. Говорим: хороша вещь или хорошо дело, но нам-то что до них. Полюбоваться ими — любуемся, но чтобы потянуться за ними или к ним, не видим позыва. Чтобы пожелать чего, надобно, чтобы желаемое имело ближайшее к нам лично отношение, было бы для нас или полезно, или необходимо, или уж так понравилось, что без него скучно и горько жить. Когда в каком деле или в какой вещи видятся такие стороны, то желания их мы удержать не можем: оно образуется неизбежно. Положим, возжелали. Будто все уже этим и сделано? Нет еще. Мало ли желаний остается неисполненными от недостатка энергии или напряжения сил к исполнению их. Чтобы желание исполнилось, надо возвесть его в непременное намерение или решимость, надо, чтобы душа так в себе сказала: во что бы то ни стало достану такую-то вещь или сделаю такое-то дело. Когда это слово произнесется в душе, то вслед за ним начинаются соображения, как привесть в дело то, что решено: обдумание средств, придумание благоприятных обстоятельств времени и места, предугадывание препятствий и обозначение мер к устранению их и возможное обозрение всего хода дела, с начала до конца. Когда все это обозначится в душе, она является вполне готовою на дело.

Все готово к делу, но дела-то еще нет: его надо начать, продолжать с постоянством, терпением и соответственным усердием, пока дойдет до конца. Все доселе прописанное похоже на то, как у Вас, например, лесопильная машина приготовлена к пилению: пары разведены, дерево подведено и все налажено как следует. Остается только пустить в ход — и работа началась. Это — *пустить в ход* — венец всех прежних приготовлений и будто ничего не прибавляет к деланию, а сделание дела все от него зависит. Точно так и в переходе желаний в решимость и дело: когда решимость созрела и все придумано к деланию, остается еще самонужнейший акт, в коем вся сила, — *начать делать*. Подумаешь, что же тут трудного, когда все уже готово? А между тем это самый трудный шаг. Все до решимости происходило внутри; теперь наше внутреннее дело — умное — должно вступить в среду событий и течь наряду с другими. Сделай только первый шаг, а там уже сама обстановка, в какую вступит начавший дело, начнет его подталкивать — делать и делать в начатом духе и порядке. Так вот Вам вся процедура дела!

Говорю же все сие для того, чтобы указать, что еще остается Вам доделать в себе, чтобы желание, которым Вы рванулись на дело Божие, перешло в дело. Чтобы Ваше желание не было пустоцветом, надо довесть его сначала до решимости, не быстролетной,

а тяжеловесной, обдуманной, крепкой, разумной и, главное, — безвозвратной, а затем приступить и к делу. Первое все должно совершиться внутри собственным размышлением с молитвенным к Богу обращением о вразумлении и просветлении ума относительно этого столь необходимого предмета. А второе для Вас будет не трудно, судя по тем порядкам, какие ведутся у Вас дома.

Господь да благословит Вас и да благословит совершиться внутри Вас прописанному сформированию!

Очерк просветленного благодатию внутреннего состояния словами Макария Великого. Способы возбуждать и усиливать решимость к доброй жизни

Не терпится мне. Беру перо и еще начинаю толковать Вам о том же — о привлекательности облагодатствованного состояния, чтобы наладить Вас на путь к достижению его, усвоению и установлению в нем. Только ныне не свое буду Вам предлагать, а словеса богомудрого Макария Великого, и именно из его осьмнадцатой беседы.

«Если кто в мире богат и есть у него сокрытое сокровище, то на сие сокровище и богатство приобретает он все, что захочет. Так и те, которые обрели и имеют уже небесное сокровище (благодать), сим сокровищем приобретают себе всякую добродетель и тем же сокровищем присовокупляют себе еще большее небесное богатство. Апостол говорит: *Имамы сокровище сие в скудельных сосудех* (2 Кор. 4, 7), то есть, будучи еще во плоти, сподобились обрести в себе оное сокровище — освящающую силу Духа.

Кто обрел и имеет в себе сие небесное сокровище Духа, тот неукоризненно и чисто совершает им всякую правду по заповедям и всякое делание добродетелей уж без понуждения и затруднения. Станем же умолять Бога, взыщем и будем просить, чтобы и нам даровал сокровище Духа Своего и таким образом возмогли мы неукоризненно и чисто пребывать во всех заповедях Его, чисто и совершенно исполнять всякую правду.

Надлежит понуждать себя к тому, чтобы просить Господа, да сподобит обрести и приять небесное сокровище Духа и прийти в состояние без труда и легко совершать — неукоризненно и чисто — все заповеди Господни, которых прежде не могли исполнить и при всем усилии. Приобретается сие сокровище чрез усердное искание, веру и терпение в трудах по сему исканию. С сердечною болезнию и верою надлежит просить у Бога, чтобы дал нам обрести в сердцах своих богатство Его, в силе и действенности Духа».

Что бывает с теми, у которых благодать Божия начала ощутительно проявлять свои действия, святой Макарий изображает так:

«Иногда бывают они обвеселены, как бы на царской трапезе, и радуются радостию и веселием неизглаголанным. В иной час бывают, как невеста, божественным покоем упокоеваемая в сообществе с своим женихом. Иногда же, как бесплотные Анге-

лы, находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность. Иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упокоеваемые Духом, в упоении божественными духовными тайнами. Иногда такою любовию разжигает их Дух, что, если бы можно было, вместили бы в сердце своем всякого человека, не отличая злого от доброго. Иногда, в смиренномудрии Духа, они столько уничижают себя пред всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех. Иногда душа их упокоевается в некоем великом безмолвии, в тишине и мире; иногда умудряется благодатию в уразумении чего-либо, в неизреченной мудрости, в ведении того, чего невозможно изглаголать языком. Иногда же человек делается как один из обыкновенных».

Какое вожделенное состояние! А вот и еще маленький очерк просветленного благодатию внутреннего состояния.

«Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей и в неизреченном общении пришедши в единение и растворение с Духом Утешителем, и, сорастворяемая Духом, сама сподобится стать духом, тогда делается она вся светом, вся — оком, вся — радостию, вся — упокоением, вся — любовию, вся — милосердием, вся — благодатию и добротою».

Вот чего добивались и чего достигнуть старались святые подвижники! Согласитесь, что было и есть из-за чего трудиться. Но ведь доступ в эту область всем открыт. Это не заповедный луг или сад. Всем обетованы такие блага, и задаток дан на стяжание их — благодать Святого Духа в Крещении и Миропомазании. За нами стоит только порыться в себе и достать сие сокровище. Клад в нашем саду, только лопату взять и начать рыть. С первых же ударов заступа начнет позвякивать сребро и злато. А там глядь — вот и все сокровище. Радости тогда меры не будет.

Ну! За чем же теперь у нас с Вами дело стоит?!

В прошлом письме я указал Вам дорогу, какою доходят до решимости, но не помянул, вследствие каких особенно представлений возникает эта решимость и приходит в окончательное напряжение. Коротенько укажу теперь это главнейшее.

И прелесть предмета возбуждает энергию, но тут возможно оставить дело до завтра. Когда же при сем ясно сознаны, с одной стороны, крайняя нужда и неизбежность, а с другой — подручные способы, тогда решение совершается неудержимо. Вот Вам пример. Иной сидяка сидит в комнате, и не вызовешь его, но пусть он увидит, что пожар, откуда прыть возьмется: духом махнет вон. Точь-в-точь то же надо делать нам с собою, и в случае нашей нерешимости надо зажечь беду вокруг себя, то есть убедить себя, что или так и

так делай, или ты вечно погиб. Как только вообразится сие в сознании, тотчас восстанет во всей силе вся наша нравственная энергия и повлечет неудержимо к делу. Как это сделать в отношении к предмету, о коем у нас речь, потрудитесь сами додуматься. Помяну с своей стороны, что нынче-завтра смерть, а по смерти что? А ну-ка то, что было с рабом лукавым: возьмите у него мнас —дар благодати, а самого бросьте во тьму кромешную! Или то, что случилось с юродивыми девами: дверь запрется, и услышите: не знаю, кто ты! Ведь то или другое, всеконечно, будет, если не возгреем в себе благодати и не просветимся ею. Поставьте себя в такое положение пояснее, и не думаю, чтобы устояла против сего Ваша нерешительность, если она есть. Это представление есть наисильнейшее. Еще древний мудрец изрек: помни *последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. 7, 39). Потрудитесь представить сие пояснее и, однажды сознавши то ясно, не ослабляйте и не помрачайте сего сознания. В пособие себе возьмите книжку «Востани, спяй» — и читайте. Она дана Вам прежде.

Подручность средств есть второй момент, который при чувстве крайности придает мужества и благонадежия избыть от беды и тем окрыляет на дело. Тогда как не будь сего, чувство крайности неизбежной повергает в отчаяние. В приведенном примере: не будь двери свободной или открытого окна, захва-

ченному пожаром остается одно — рвать на себе волосы. Так и в нашем предмете, при решительной крайности, в коей воистину находимся (без благодати не избежать лишения Царства Небесного), не будь средств, подручных нам, — по сознании такой крайности оставалось бы только падать в отчаяние. Но благодарение Господу, все уже готово для нас, чем можем избегать загробной неизбежной крайности, — все готово и у нас под руками есть, и даже в нас самих есть. Только и остается взяться за дело и действовать. Неужели и при ведении всего сего еще будем мешкать и отлагать день от дне?

В отношении к Вам приложу еще, что Вам и не предлежит начинать что-либо особое. Живите в том духе, в каком воспитаны, и держитесь тех благочестных порядков, какие видите в семье своей и у родных. И всю речь свою я к тому лишь веду, чтобы Вы вседушно избрали именно этот род жизни и самоохотно решились до конца так жить. Доселешняя Ваша жизнь будто не Ваша была. Так Вас направили. Это очень благодетельно, но непрочно, если Вы своим избранием не изберете сей именно жизни и не поставите ее для себя неотложным законом. Если не сделаете того теперь, увлечет Вас злой дух светской жизни или из Вас выйдет ни то ни се, как я уже поминал.

Подумайте, Господа ради, обо всем этом и поспешите установиться в Ваших решениях. Благослови Вас, Господи!

Как поддерживать начавшееся стремление к доброй жизни. Духовное чтение и размышление. Записывание добрых мыслей. Как избегать блуждания мыслей при чтении и молитве. Непрестанное памятование о Боге и смерти. Самоукорение

Вот и слава Богу! Пишете, что имеете сильное желание к Богу приближаться. Благослови, Господи! К чему же другому и речь всю я вел, как не к тому, чтобы оживить в Вас сие желание? И страх Божий возгрейте в себе. Ведайте, что когда есть страх Божий, то, значит, дух Ваш жив и благодать Божия действует в Вас. Первое дело духа нашего — ведение Бога и страх Божий, и основной дар благодати Божией есть дух страха Божия. Он и начало, и продолжение, и завершение пути спасенного. Кто имеет страх Божий, живый и действенный, тот имеет в себе неистощимую силу, движущую на все богоугодное, и вместе бодренного стража, охраняющего от вражеских нападений и от своих уклонений на распутия. Помоги Вам, Господи, возгреть и потом всегда хранить в силе сей дух страха Божия!

Что Вы утречком несколько времени посвящаете на чтение духовных книг, это очень добре. Но кто же это там у Вас так неблаговолительно относится к этому?! Если бы так зарядить, чтобы только и было, что чтение да молитва, конечно, это было бы нечто выдающееся из ряду; а так — немножко почитать и подумать, что тут особенного?! Сколько я знаю, все благочестивые и богобоязненные так делают. Думаю, что Ваши родители держатся того же правила. Это чтение вместе с предшествующею молитвою душу скрепляет и дает ей силу на целый день. Лекаря говорят: натощак не выходи наружу. В отношении к душе это исполняется утреннею молитвою и чтением. Напитается ими душа и уже не тощею выходит на дела дня.

Мне даже вот что приходит на мысль предложить Вам. Заведите тетрадь и записывайте в нее мысли, какие породятся при чтении Евангелия и других книг, в таком порядке: Господь говорит в Евангелии то и то; из этого видно, что нам надобно поступать так и так; для меня это исполнимо в таких-то и таких-то случаях; буду так делать; помоги, Господи! Труд этот небольшой, а сколько от него пользы! Делайте же так. Мысль будет изостряться и окрыляться. Дух, движущийся в Писании, будет переходить в Ваше сердце и оживлять его. А это елей на раны!

Что мысли разбегаются во время чтения и молитв — что делать? От этого никто не свободен. Но

тут греха нет, а есть неуместность. Грехом это бывает, когда кто самоохотно развивает в себе сторонние мысли; а когда невольно отбегают, какая вина? Вина бывает и тогда, когда кто, заметив блуждание мыслей, будет продолжать блуждать ими. А надо так: как только замечено отбегание мысли, тотчас ворочать ее на свое место.

Чтобы во время молитвы меньше было блуждания мыслей, надо напрягаться, молиться с теплым чувством, а для этого наперед — пред молитвою — подогревать надо душу размышлением и поклонами. Навыкайте молиться своею молитвою. Так, например, существо вечерней молитвы есть — благодарить Бога за день и за все, что встречено в продолжение его, и приятного и неприятного; что худого сделано, в том каяться и просить прощения, обещая быть исправною на следующий день, и молить Бога об охранении во время сна. Все сие и изреките к Богу от своей мысли и от своего сердца. Существо утренней молитвы — благодарить Бога за сон и укрепление и молить Его, чтобы помог весь день делать дела во славу Его. И это изреките к Нему своею мыслию и от своего сердца. При этом и поутру, и вечером изъявляйте Господу свои кровные нужды, паче душевные, а то и внешние, говоря Ему детски: видишь, Господи, болезнь и немощь! Помоги и уврачуй! Все это и подобное можно изрекать пред Богом своими

словами, не прибегая к молитвеннику. И может быть, это лучше будет. Попробуйте, если пойдет, можно оставить молитвенник совсем, а если не пойдет, надо с молитвенником молиться, ибо иначе можно остаться и совсем без молитвы.

Чтобы молитвословие по молитвеннику собирало мысли и разогревало сердце, для этого в свободное время — кроме того, когда стоите на молитве, — сядьте и обдумайте хорошенько все содержание положенных молитв и прочувствуйте их. Когда станете после сего прочитывать их во время молитвословия, утреннего или вечернего, все те мысли и чувства, какие добудете Вы размышлением, будут возобновляться, будут собирать внимание Ваше и разогревать сердце. Никогда не читайте молитв спешно. И еще: потрудитесь заучить молитвы на память. Это очень помогает неразвлеченному молитвословию. И молитве надо учиться, как и всякому другому делу.

Навыкайте не тогда только о Боге думать, когда стоите на молитве, но и всякий час и минуту, ибо Он везде есть. От этого приливать будет покой в душу, сила на дела и упорядочение дел. Ваше желание теперешнее — к Богу более приближаться — осуществится вполне этим способом. Как стоящему на солнце, так о Боге всегда памятующему тепло бывает.

Приложите к памятованию о Боге память о смерти и вечности блаженной или прегорькой. Эти два

памятования будут отклонять Вас от всего дурного даже в мыслях и направлять ко всему доброму, не напоказ, а искренне. Напрасно думают, будто память смертная отравляет жизнь. Не отравляет, а научает быть осторожным и воздерживаться от всего отравляющего жизнь. Если бы побольше помнили о смерти, меньше было бы беспорядков в жизни, и частной, и общей.

Вы укоряете себя в самолюбии. Добре, добре. Подкарауливайте проявления его и тотчас посекайте. Самолюбие для себя все хочет делать, а Вы делайте все во славу Божию и благо других, не имея себя в виду, не жалея себя. Ведь и самолюбивые внешне те же большею частью делают дела, что и не самолюбивые, только другое им дают направление и другие при них имеют намерения. Наше дело выправить сии намерения из самолюбивых на самоотверженные, а потом и дело направлять по тому же. И этому надо учиться. Учитесь, учитесь. Благослови, Господи!

Вы желаете, чтобы я Вас журил без жалости. За этим дело не станет. Но пока Вы предо мною стоите чистою и светлою. И мне остается только желать, да сохранит Вас Господь навсегда такою, какою мне представляетесь; если же Вы не таковы на деле, да благоволит соделать Вас такою.

Решившийся стать на путь доброй жизни должен поговеть. Наставление о достодолжном говении. Поведение говеющего в церкви

Слава Тебе, Господи! Вот и пост подошел. И Вы доставили мне удовольствие, извещая, что решаетесь говеть поскорее. И не изменяйте своего намерения. Говеют и на Страстной, но Вы не отлагайте дотоле. На Страстной говеют или те, которые уже говели на предыдущих неделях, во второй раз жаждая причаститься, или кого нужда какая-либо заставит, или кому желательно поскорее покончить с трудом говения, ибо там только три денечка потрудиться. К Вам приложим только первый случай.

Благослови же, Господи, поговеть Вам как следует. Все, что Вы загадываете, так и должно делать всякому говеющему. И попоститься, и в церковь походить, и поуединиться, и почитать, и подумать, и собою заняться — все нужно. Но все эти дела надо направить к одной цели — достойному причащению Святых Христовых Таин. Чтобы достойно прича-

ститься, надо душу очистить покаянием. Чтобы покаяние совершить как должно — с сокрушением искренним и твердою решимостью не оскорблять более Господа, — для этого назначаются все другие подвиги говения: и хождение в церковь, и домашняя молитва, и пощение, и прочее все.

Первое в производстве покаяния есть — войти в себя. Не дают нам войти в себя и заняться собою житейские дела и заботы и мыслей блуждание по миру неудержимое. Потому говеющий на время говения, сколько кому возможно, прекращает свои хлопоты и, вместо хождения по делам, домоседствует. Это пресечение хлопот есть дело крайней важности в говении. Кто его не сделает, тот наверное проговеет кое-как. Вот и Вам надо сделать то же. Как ни малы у Вас хлопоты, но они есть и развлекают. Приступите же к говению, все отложше.

Положим, бросили все и сели в своей комнатке. Что же тут-то делать? И наедине можно просидеть попусту. Надо взять занятия, идущие к говению. Какие же? Молитву, чтение, размышление.

Молитва эта кроме церковной. Та уже сама собою разумеется. Как молиться в церкви, знаете, конечно. Вот что, однако ж, примите во внимание! Ходить в церковь охотно, как в дом Божий родной, не морщась и не скучая. Идти в церковь не затем, чтобы только простоять службу, а затем, чтобы от души

помолиться, — помолиться с теплотою сердечною, с излиянием пред Господом чувств сокрушения, смирения и благоговейного страха и с возношением усердных прошений о своих кровных духовных нуждах. Как в этом успеть, наперед надо сообразить и, в церковь пришедши, на то себя напрягать. Не пустым считать только то простояние на службе, в продолжение которого сердце согрелось и тепло к Богу взывало. Это главное. Слушать службу тоже надо и вслед за нею вести свои мысли и чувства. Разнообразие, к одному направленное, не развлекая, будет приятно держать внимание в напряжении питательном и созидательном. Вникать в то, что поется и читается, — паче в ектении, ибо они суть сокращенное изложение всех наших нужд, с прошением о коих непостыдно обращаться к Богу.

Но обычно мысли блуждают. Это от недостатка молитвенных чувств. Делайте, однако ж, с ними вот что: как только заметите, что мысли ушли из церкви, ворочайте их назад и сознательно мечтать или блуждать мыслями никогда себе не позволяйте — теперь, во время говения, и во всякое другое время. Когда мысли незаметно для Вас уходят, тут еще небольшой грех, но когда нарочно станете шататься мыслями там и сям, стоя в церкви, тут уже грех. Господь — посреде сущих в церкви. Кто не о Господе здесь думает, а мечтает, тот походит на того, кто, пришедши

к царю, чтобы просить его о чем-либо, стал бы кривляться и вертеться в присутствии его, не обращая на него внимания. Совсем не блуждать мыслями и при всем напряжении Вашем, может быть, не удастся Вам, но не позволять себе намеренно мечтать и можно, и должно. Относительно блуждания мыслей эти два правила и есть: 1) как только заметите сие блуждание, ворочайте мысли назад и 2) сознательно не позволяйте мыслям шататься.

Средство против блуждания мыслей — внимание ума, внимание к тому, что Господь пред нами и мы пред Ним. В эту мысль надо вставить весь ум и не позволить ему отступать от сего. Внимание прикрепляется к Господу страхом Божиим и благоговеинством. От них приходит теплота сердечная, которая и стягивает внимание к Единому Господу. Потрудитесь расшевелить сердце, и сами увидите, как оно скует помышления. Надо нудить себя. Без труда и напряжения умного не достигнете ничего духовного. Много помогают согреянию сердца поклоны. Их и кладите почаще — и поясные, и земные.

Дай, Господи, Вам ощутить сладость пребывания в церкви, чтобы Вы стремились туда, как стремятся в теплую комнату с холоду. В говении главнейший производитель дела, для которого говеют, есть пребывание в церкви достодолжное. Прочие дела суть подмоги и подспорья ему. Но о них до другого раза.

Продолжение о говении. Поведение говеющего дома

Продолжаю о говении. Говеющий только и знает, что церковь и дом. Пришли домой: что тут? И тут надобно, сколько есть сил, благоговейное к Господу хранить обращение ума и сердца. В свою комнату прямо из церкви спешите и привет ей делайте несколькими поклонами, прося Господа благоговейно, с пользою душевною провести предлежащее время уединенного дома пребывания. Затем отдохнуть немного надо, посидевши. Мыслям же все-таки блуждать не давайте, а говорите в себе, ни о чем не думавши, одно: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Отдохнувши, какое-либо дело надо делать: или молиться, или рукодельничать. А какое когда — уж это сами себе определяйте. Нельзя все духовным заниматься: надо какое-либо нехлопотливое рукоделие иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена и ни читать, ни думать, ни Богу молиться не способна. А если те духовные занятия идут хорошо, то рукоделия можно не ка-

саться. Оно назначается для наполнения времени, которое без него придется проводить в праздности, пагубнейшей и всегда, а тем паче во время говения. Как дома молиться? Вы хорошо сказали, что надо немного надбавить против обыкновенного правила молитвенного. Надо, надо. Но лучше, если Вы прибавите не лишние чтения молитв, а подольше будете молиться без молитвенника, сами своим словом изъявляя пред Господом свои кровные нужды духовные. Читайте и утром, и вечером не более того, как и в обыкновенные дни; но пред началом молитвословия Вашего и после него сами своею молитвою молитесь и в промежутки читаемых молитв вставляйте свою молитву, кладя поклоны, поясные и земные, и на колена становясь. Докучайте Господу, Матери Божией и Ангелу-Хранителю, в своем к Ним слове испрашивая все, что чувствуете для себя крайне нужным; молитесь, чтобы дали познать себя, а по познании вложили желание и снабдили силою исправить все неисправное, а паче, чтобы исполнили сердце духом сокрушения и смирения, в коих жертва Богу, самая Ему угодная. Но слишком длинным и долгим правилом себя не вяжите. Лучше почаще вставать на молитву и класть поклоны в продолжение дня понемногу, но часто, чтобы весь день перетростить поклонами. Умом же совсем не отступайте от Господа, на молитве ли стоите или другое что делаете.

После молитвы — чтение с размышлением. Читать надо не затем, чтобы память набивать разными сведениями и понятиями, а затем, чтобы получить назидание и уразуметь, как исполнить получше то, что нужно для нас в эти дни говения. Для того читать надо немного, но всякое вычитанное положение доводить до чувства посредством долгого к нему внимания.

Что читать? Уж, конечно, только духовные книги. Из них ничего Вам больше не посоветую, как писания святителя Тихона. Есть книжка: «Востани, спяй» — выборка статей из святителя Тихона, располагающих к покаянию. Есть еще книжка о покаянии и причащении, проповеди на Великий пост и приготовительные к нему недели. Я слышал, что она очень бывает пригожа в это время: в ней все говорится только о покаянии и причащении. Лучшего для Вас чтения не нахожу. Книжки эти Вам даны. Возьмите и читайте.

Неспешное чтение с размышлением подходящих книг более всего сильно расшевелит душу. На него и налегайте. Утро после молитвы (утреня слушается с вечера) все на него отрядите, до самых часов. Оно и к церковной молитве подготовит. И после часов можно продолжать то же, когда охоты и внимания достает. Придет во время чтения молитвенное движение, вставайте и молитесь. Читать вместе с кем или в одиночку? В одиночку лучше. Потому что при этом удобнее собою заняться и приложить читаемое

к себе. Размышление вставлять надо в чтение, а то одно оно уйдет в мечтание, и не залучишь его.

Так — почитали, подумали, поклонов положили — вот и все занятия, приличные говеющему дома. Но постоянно выдержать внимание в таком напряжении не всегда удается. Когда утомитесь, можно сесть поработать, как я уже поминал.

И то хорошо Вы сказали, что попоститься надо. Надо, надо, но не слишком. Вы и так мало кушаете. Надо же, чтобы была сила в церкви простоять и дома поклоны класть. Но как найдете более удобным и себе подручным, так и сделайте. Надо только дать знать телу, что и оно виновато в том, что надо каяться и потому нести труды говения. И у сна надо отнять немножко и длительности, и покойности. Эта статья, кажется, потребует у Вас жертвы. И не поленитесь ее принесть, как сумеете. Всякого рода лишения уместны в эти дни.

А поговорить? И поговорить можно, только не о пустяках, а все о том же. Вместо разговора назначьте лучше час совместного чтения — и читайте вместе. Вечером это очень было бы пригоже. Ничего не могло бы быть лучше, если бы кто из вас рассказывал назидательные истории, в коих проявлялась сила покаяния и причащения. И для чтения-то совместного выбирать бы такие сказания из Четьи Минеи.

Довольно на нынешний раз. Что еще нужно, после прибавлю.

Продолжение о говении. Приготовление к исповеди. Поверка жизни

Продолжим нашу беседу о говении.

Все, что было сказано, есть рамка, в которую вставляется говение, или внешний чин и порядок, которого держатся обычно добрые говельщики. Потрудитесь и Вы его придержаться, если хотите быть доброю говельщицею. Только не принимайте пасмурного вида, не помрачайте лица своего. Все делайте с охотою, с добрым и радостным расположением духа. Так проводите время, как проводят его те, которым предстоит быть на пиру у царя. У этих только о том и мысли и речи, как будет этот пир, как встретиться с царем, что сказать, как он приветит, как бы получше нарядиться и не ударить лицом в грязь и прочее. Но Вам предлежит несравненно лучшее и высшее — предлежит пир не у земного, но у Небесного Царя. Если Вы потрудитесь принарядиться и приготовиться так, что Царю понравитесь, то будете Им приласканы, получите то, чему цены нет, и обрадованы несказанно.

Вы сказали, что возьметесь говеть так говеть! Благослови, Господи! Извольте же придумывать, как принарядиться. Старые платья все прочь, новенькие надо. Если что из старого окажется гожим, то вымыть, выгладить и представить все в таком виде, как бы это было совсем новое. Хочу этим сказать, что Вам надобно пересмотреть себя: худое охудить и отбросить, а хорошее удержать, выправить и усовершить.

Войдемте же в себя самих и начнем перебирать, что есть в нас.

Вмешательство в это дело какого-либо стороннего лица неуместно и совсем невозможно. Войти в Вас и разобрать дела Вашей совести никто не может, кроме Вас самих. И извольте это сделать сами. Я сделаю Вам на этот случай только несколько указаний. И в тех книжках, которые Вам означал для чтения, есть много об этом руководительных указаний. Но скажу и еще кое-что.

Чтобы себя хорошо рассмотреть, надо обратить внимание на три стороны нашей деятельной жизни: на *дела* — единичные действия, совершенные в такое-то время, в таком-то месте и при таких-то обстоятельствах; на *сердечные расположения* и характеристические наклонности, под делами скрытые; и на *общий дух жизни*.

Вся наша жизнь состоит из непрерывного ряда деяний: мыслей, слов, дел, одни другими сменяющихся

и одни другие погоняющих. Пересмотреть все такие деяния — особо каждое — и определить их нравственную цену нет никакой возможности. Даже если бы Вы вздумали перебрать и пересудить деяния свои, в один день совершенные, и этого не сможете сделать. Человек — приснодвижное существо. Сколько передумает и переделает он от утра до вечера! Сколько же наделает он от исповеди до исповеди! Как же тут быть? Никакой нет нужды все перебирать и пересуждать особо. У нас есть неусыпный страж — *совесть*. Что худо сделано, она никак не пропустит; и как Вы ей ни толкуйте, что то ничего, а это сойдет, она не перестанет твердить все свое: что худо, то худо. И вот Вам *первое дело*: прислушайтесь к совести и все те дела, которые обличает она, без всяких извинений признайте грешными и готовьтесь исповедать их.

Это можно бы назвать первым и последним делом, то есть сознаться, что безответно виноваты в том, в чем обличает совесть, положив вперед избегать того, — и довольно бы, если бы можно было быть удостоверенными, что сама совесть во всем исправна. А то бывает, что иного она не заметит по какому-либо смятению, иное забудет по давности, а иного, может быть, и грехом не считает по неведению или неполному знанию обязательных для нас дел. Вот здесь-то на подмогу совести и надобно обратиться к заповедям Божиим, в слове Божием изо-

браженным, и, пересматривая их, допытываться, не сделано ли нами чего-либо против той или другой заповеди. При этом многое припомнится, что забылось, и многое помнимое в ином виде представится, нежели как мы о нем думали.

Слово Божие уподобляется зеркалу. Как, смотрясь в зеркало, всякий видит, где какое пятно или порошинка, на лице или на платье, так и душа, читая слово Божие и там исчисленные заповеди рассматривая, не может не видеть, исправна ли она в тех заповедях или неисправна; совесть, просвещена будучи при сем словом Живого Бога, тотчас скажет это ей нелицемерно. И вот Вам *второе дело*. Перебирайте заповеди и смотрите, исполнены ли они Вами или нет. Например: заповедь повелевает подавать милостыню всякий раз, как кто просит ее. И смотрите, всегда ли Вы это делали или не всегда: отказывали иногда не по какой-либо уважительной причине, а просто — презрели нищего. Если окажется это, вот и замечайте: *грех*. Заповедь говорит: прощать всякому все, даже неприятное и обидное. И смотрите, были ли Вы всегда уступчивы, не было ли споров, крупных разговоров и даже ссор. Если припомните, что бывало, замечайте и еще: *грех*, хоть совесть обычно ни во что ставит такие дела. Еще: должно на Бога все свое упование возлагать. Так ли у Вас всегда было?! В обычном течении дел этого не

заметишь, но, когда встречается нужда, это тотчас выходит наружу, тотчас видно бывает, на чем опирается душа, на Боге ли или на чем другом, забывая о Боге. То несомненно, что и свои все способы надо употреблять, чтобы выпутаться из стеснительных обстоятельств, ибо и они от Бога, но окончательного успеха чаять лишь от Бога, почему к Нему обращаться с молитвою о помощи и, когда уладится дело, Его благодарить, яко Единого Избавителя, не поминая о своих способах. Вот и смотрите, так ли Вы действовали? Если не так, замечайте и еще: *грех*. Так поступайте со всякою заповедью и замечайте, какими делами против какой заповеди Вы преступились. Этим способом подробнее переберете Вы свои дела.

Но как это удобнее сделать? Учили Вы Катехизис? Там каждая заповедь истолкована и показано, какие добрые дела какою заповедью на нас налагаются и какие грехи запрещаются. Возьмите его и с помощью его пересматривайте дела свои. Помнится мне, что в доме у Вас есть книжка, как исповедать и исповедоваться, преосвященного Платона Костромского*. Там перечислены очень подробно вопросы, какие следует предлагать исповедующимся.

* Архиепископ Платон (в миру Павел Симонович Фивейский; 1809–1877). Здесь речь идет о его книге «Напоминание священнику об обязанностях его при совершении Таинства Покаяния». В 2-х ч. – Кострома, 1859 и М., 1861.

С нею, может быть, еще удобнее будет Вам пересмотреть себя.

Полагаю, что Вы в первый раз хотите заняться собою как следует и определить, что такое Вы и что есть в Вас. Потрудитесь же просмотреть себя хорошенько по этому указанию. После, в другие разы, уже не будет для Вас так сложно это дело. А теперь потрудитесь. Что еще останется сделать Вам после сего, пропишу в следующий раз.

Продолжение. Поверка расположений сердца. Определение главного характера, или духа, своей жизни

Продолжаю. *Вторая сторона жизни — расположения, или настроения и склонности, сердца.* Дела не дают еще о себе полного познания. Надо поглубже в себя войти и рассмотреть, каково сердце, — и на это больше обратить внимания, чем на дела. Может случиться, например, что иной окажется неподатливым (не поможет другому) случайно, хоть сердце имеет милостивое. Но тут же не подаст и другой, не по случайности какой, а потому, что страдает скупостью. На вид оба дела одинаковы, а по внутреннему настроению действующих между ними большая разность. Дела — это единичные, в этот час и в этом месте, действия; а расположения означают постоянные настроения сердца, коими определяется характер и нрав человека и откуда исходят его наибольшие желания и направления его дел. Добрые из них называются добродетелями, а худые — пороками, порочными наклонностями и страстями.

Какие расположения в сердце должно иметь христианину, указывают изречения Христа Спасителя о блаженствах, именно: смирение, сокрушение, кротость, правдолюбие и истинолюбие, милостивость, чистосердечие, миролюбие и терпение. Святой апостол Павел следующие указывает христианские благорасположения сердца, яко плоды Духа Святого: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). В другом месте: *облецытеся якоже избраннии Божии, святи и возлюбленни, во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость и долготерпение, приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы. Над всеми же сими стяжите любовь, яже есть союз совершенства: и мир Божий да водворяется в сердцах ваших, в оньже и звани бысте во едином теле: и благодарни бывайте* (Кол. 3, 12–15). Противоположные сим расположения суть пороки или страсти — источники всех худых дел, губящих нас. Главнейшие из них суть: гордость, тщеславие, своекорыстие, невоздержание, гнев, ненависть, зависть, леность, страсть к утехам чувственным, уныние, отчаяние. О них апостол законоположил, что христианам не только иметь их не должно, но даже чтобы и помину о них не было среди них: *ниже да именуется в вас* (Еф. 5, 3).

Видите, как строго! Так и извольте хорошенько посмотреть, нет ли каких-либо худых склонностей и страстей. Понемногу каждая из них бывает у всякого, но они не глубоки и не постоянны. А то у всякого есть одна главная страсть, около которой увиваются уже и все прочие. Вот эту-то паче всего и позаботьтесь отыскать. Хоть она не совсем еще явна, по молодости Вашей, но всяко следы ее должны быть осязательны, если вникнете. Отыскав ее, и другие потом распределите, какая ближе к ней, какая дальше. И уразумеете строй сердца своего. Приобретение драгоценное! Потому что когда вслед за сим положите очищать себя от страстей и худых склонностей, то Вам видно будет, куда направлять усилие и удары, именно — на главную свою страсть. Когда одолеете ее, то все другие разбегутся сами собою: как на войне, разбив главные силы врага, прочие приходится только гнать и добивать без труда. Дела исправить легко. Не делай — и все тут. А сердце переломить и исправить не вдруг-то можно. Предлежит борьба. В борьбе же, не зная, куда направлять удары, можно из сил выбиться, барахтаясь без толку, — и никакого не получить успеха. Потрудитесь же!

Третья сторона жизни есть дух жизни. Это самое главное и вместе самое мудреное дело. Недобрый дух бывает так лукав и так умеет маскировать себя личиною доброты и уместности, что надо иметь

самое острое духовное зрение, чтобы подметить его. Зато добрый дух явен, ибо он един и единичен, именно — жить для Бога, все отложше. Противоположный ему дух есть — жить для себя (эгоизм). Этот дух очень часто, если не всегда, принимает побочное направление — жить для мира.

Так вот, если мы положим, что жить для кого-либо означает дух жизни, то Вам немудрено будет определить дух своей жизни, определив, для кого Вы живете или, как Вы еще только начинаете жить, для кого больше желаете Вы жить, к чему порываетесь сердцем своим, кому больше располагаетесь посвятить жизнь свою. К чему больше клонитесь, по свойству того определяйте и дух своей жизни, хотя он теперь у Вас только в зародыше или есть как птенец малосильный. Кто для Бога живет, того дух богобоязненный, Единому Богу угодить старающийся. Кто для себя только живет, у того дух жизни самоугодливый, эгоистический, своекорыстный, или плотский. Кто для мира живет, у того дух миролюбивый, или суетный. По сим чертам смотрите, какой дух в Вас дышит.

Судя по тому, как рванулись Вы желанием к Богу приближаться, надо полагать, что главный Ваш дух — добрый, настоящий дух, как ему следует быть. Судя опять по тому, что Вы так недружелюбно встретили светские порядки жизни, в коих дух мира, надо полагать, что этот дух не имеет у Вас места и

силы, хоть и может обуять Вас, если не поостережетесь. Остается под сомнением, нет ли эгоистического духа. Мне думается, что есть, хоть не знаю, в какой силе. Пусть есть; но как Вы рванулись желанием к Богу приближаться, к миру же у Вас душа не лежит, то эгоистический Ваш дух скоро испарится, если дадите простор разгораться более и более Вашему сердцу желанием к Богу. Извольте принять сие во внимание.

Так видите, что Вам предлежит сделать, — и сделайте. С первого взгляда это кажется громадным делом, а в существе оно просто и легко. Помолясь Богу, возьмитесь, и все можете определить в один вечер. Не за море ходить, а разбирать то, что внутри у Вас же. Однако ж не отлагайте сего до того вечера, после которого и исповедь следует. Нет, теперь же и приступите к сему, с самого начала говения. Исподволь все разузнаете основательнее и отчетливее. Трудно, может быть, будет только в этот раз. Но если потом начнете жить по влечению доброго духа Вашего, то сама жизнь приведет Вас еще к полнейшему самопознанию. Ибо отчего большею частию не знаем себя? Оттого, что живем спустя рукава.

Положим, что Вы пересмотрели себя хорошо и по всем сторонам нашли в себе много неисправностей. Что же далее? Какое употребление надо сделать из этого познания? Об этом я напишу Вам в следующий раз.

Совершенное приготовление к Таинству Покаяния и Причащения. Чувства, необходимые кающемуся. Полезное напоминание о блаженной Феодоре и хождении ее по мытарствам

Так какое же употребление сделать Вам из добытого познания себя самой? Прежде всего надо осудить себя во всех своих неисправностях, без всяких отговорок и оправданий. Когда на Преждеосвященной литургии после: *Да исправится молитва моя* поют: *Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех*, то тут внушается верующим молиться, чтобы Бог не попустил им с лукавою изворотливостию придумывать извинения во грехах. Кто придумывает такие извинения, от того не жди раскаяния; а у кого нет раскаяния, тот не возьмется и за самоисправление. Все дело, стало быть, за тем, чтобы осудить себя без жалости, довесть себя до того, чтобы в сердце искренне изреклось: виновата кругом.

Когда скажется в сердце: виновата, то надо приложить к сему страх осуждения Божия. Если совесть

Ваша Вас осуждает, то и Бог не обезвинит. И Бог видит Вас виноватою. Если такою видит, то и осуждает. Если осуждает, то присуждает и решение или определение достойного наказания. Ныне или завтра падает на Вас сие наказание, и оно уже висит над Вами, когда Вы осуждены Богом.

Как же быть? И не знать бы было, как быть, если бы не милость Божия. Милостивый Бог дает нам надежду прощения вины, если сокрушенно раскаемся и положим твердое намерение избегать прежних грехов и не прогневлять ими Бога. В этом существо покаяния.

Итак, не будьте холодною знательницею своих неисправностей, но сокрушайтесь о них и искренне жалейте, что они допущены. Сокрушение родит смиренную ревность избегать неисправностей, а знание одно хоть и будет сопровождаться намерением остерегаться, но поведет к гордости, от коей избави Вас, Господи!

Положивши избегать неисправностей, надо теперь же сообразить и постановить, как в этом успеть, чтобы с сей же минуты начать и действительное себя исправление. Рассерживались, например, от чего-либо — положите не серчать более и определите, как удобнее наладить себя, чтобы не рассерживаться. Так и относительно всего другого, теперь же наперед надо определить, как в каком случае поступить,

чтобы не оказаться опять неисправною. Чтобы удобнее это сделать, записывайте свои неисправности, как только будете узнавать их, и тут же приписывайте, как исправиться полагаете. Это будет Ваша первая генеральная и вполне исправная исповедь. Потрудитесь Господа ради так сделать. Увидите, какую власть потом Вы возымеете над собою и как мощно начнете держать себя в руках с сознанием пригодности такого, а не другого образа действования.

Сокрушаясь о грехах и полагая намерение не грешить, надо присоединить к сему и молитву к Господу усердную, чтобы подал помощь Свою на противостояние греху, и веровать, что Господь не оставит такою помощию. У христиан глубоко на сердце должно лежать то убеждение, что как грехи их, о коих они сокрушаются и кои исповедуют с обещанием избегать их, прощаются им милосердым Господом ради крестной смерти Его, так в то же время и благодать Божия подается, в силу той же крестной смерти, во избежание грехов. Благодать сия нисходит на крепкую решимость не грешить и непоколебимую, светлую веру во Христа Спасителя.

Когда Вы сие исполните — вот Вы и готовы к исповеди, а когда по исповеди получите разрешение во грехах своих — будете готовы и к Святому Причащению. На Ваше искреннее раскаяние и твердую решимость быть исправною придет Господь в Свя-

тых Тайнах Своих и вселится в Вас и будет в Вас, и Вы будете в Нем. О, велия и неизреченная милость Бога Всещедрого!

Пришло мне на мысль вот что Вам подсказать! Достаньте Четьи Минеи за март месяц и прочитайте там рассказ блаженной Феодоры о том, как она проходила мытарства. Он помещен в житии Василия Нового под 26 марта. Само житие старца велико. Прямо начинайте с рассказа Феодоры, а где он начинается, можете узнать по заметкам на полях.

Житие старца коротко таково. Василий Новый сначала жил в пустыне недалеко от Константинополя; потом взят как соглядатай и, много перенесши пыток, наконец брошен в море. Бог чудесно избавил его от потопления, и он пришел тайком в город, где добрый некто приютил его. Старец начал опять подвизаться, как было и в пустыне, причем ему усердно служила Феодора. Старица эта умерла прежде старца. Был у Василия еще ученик Григорий, из мирян, очень богобоязненный. Ему хотелось знать, что получила Феодора за свою усердную службу святому Василию. Попросил он об этом старца. Тот помолился, и Григорий во сне увидел Феодору в раю, — в месте, уготованном для Василия, светлом-пресветлом. При этом Григорий спросил ее, как она разлучилась с телом и как достигла до сего блаженного места. На это блаженная Феодора отвечает рассказом о том, как она умерла и

как прошла мытарства. Вот этот-то рассказ я и советую Вам прочитать со вниманием. Он очень поучителен. И к самопознанию он поруководит, и паче внедрит убеждение в силе слезного покаяния и исповеди.

Пока-то Вы достанете книгу, я Вам перескажу кое-что.

Мытарств святая Феодора прошла двадцать. *Первое* — на котором истязуются грехи словес и глаголов человеческих праздных, буих, скверных, бесчинных: кощуны, смехотворства, мирские бесстудные песни, бесчинные восклицания, смеяния и хохотания. *Второе* — мытарство лжи, на котором истязуется всякое слово ложное, а наипаче клятвопреступления, призывания имени Божия всуе, лжесвидетельства, неисполнение обетов, данных Богу, исповедание грехов, не поистине бывающее, и иные подобные лживости. *Третье* — мытарство осуждения и клеветы — обесславления ближних, насмешек над их недостатками и грехами. *Четвертое* — мытарство чревоугодия, сластолюбия, пресыщения, пирований и гуляний, пьянства, нарушения постов. *Пятое* — лености, где истязуются все дни и часы, в праздности проведенные, тунеядцы, наемники, не работающие соответственно взятой цене, нерадивые к службам церковным в воскресные и праздничные дни, скучающие на утрени и Литургии, нерадящие о делах, до спасения души касающихся.

Шестое — разнородного воровства. *Седьмое* — сребролюбия и скупости. *Восьмое* — лихвы и всякого скверноприбыточества. *Девятое* — неправды, где истязуются неправедные судьи, на мзде судящие, виновных оправдывающие, а невинных осуждающие, удерживающие мзду наемничу, держащие неправые меры и весы при продаже и покупке. *Десятое* — зависти, ненависти, братоненавидения и недруголюбия. *Одиннадцатое* — гордости, тщеславия, самомнения, презорства, величания, непочитания родителей, непослушания властям. *Двенадцатое* — гнева и ярости. *Тринадцатое* — злопамятства, держания злобы в сердце на ближнего, мстительности и воздавания злом за зло. *Четырнадцатое* — убийства, где истязуется не только разбойничество, но и всякая рана, ударение с сердцем по голове или плечам, заушение в ланиту, пхание с гневом. *Пятнадцатое* — чародеяния, обаяния, отравления, шепотов и призывания бесов. *Шестнадцатое*, *семнадцатое*, *восемнадцатое* — плотских грехов. *Девятнадцатое* — ересей, неправого мудрования о вере, отступничества от Православия, хулы на Бога и все святое. *Двадцатое* — немилосердия и жестокосердия и утробы затворения к нуждам бедствующих.

Что встретила блаженная Феодора, то и всякая душа встречает. Апостол назвал бесов властями воздушными. Эти злые и назойливые — пропустят ли

какую душу, когда ей предлежит взойти к Престолу Божию, не покусившись если не схватить, то смутить ее своими страхованиями? Как же быть? К великому нашему утешению, слезы покаяния с покаянными подвигами, особенно же с милостынеподаянием, изглаждают все грехи.

Сколько раз блаженная Феодора видела, как бесы, принесши свертки, где записаны были ее грехи, и развернув их, чтобы обличать ее, не находили там ничего. Ангелы, сопровождавшие ее, когда она спросила их о причине сего, объяснили ей, что кто искренне раскается в своих грехах, постится, молится и милостыню творит, того грехи изглаждаются.

Не извольте суемудренничать, а примите к сердцу сие сказание и по его указанию поступите со всеми своими неисправностями.

Пробудившаяся решимость быть исправным должна определиться ясно как стремление во всем поступать сообразно с волею Божиею. Мир и радость рабов Божиих. Предупреждение от неполной решимости жить по Богу. Ни теплый, ни холодный будет отвержен Богом

Не слышу, начали ль Вы говеть и говеете ли? Ну, когда начнете говеть, пригодится все написанное Вам о говении. Я же между тем и еще приложу слово-другое, в пояснение некоторых пунктов. Предмет этот таков, что его не изобразишь в нескольких строках.

Так вот, положим, что Вы, вставив себя в говетельную рамку, или внешний говетельный порядок, станете между тем разбирать себя строго по сделанным указаниям, чтобы, осмотревши все неисправности, положить потом быть во всем исправною.

Это слово *быть исправною* надо хорошенько определить. В этом существо дела, не зная которого можно сделать большую ошибку, веря между тем, что дело делается право.

Положить *быть исправною*. Да теперь-то чем мы худы? Чем плохо поведение наше? Я думаю, и Вы испытывали, что, приступая к исповеди, не знаешь, что сказать, не видно, в чем грешны. Отчего бы, Вы думали, это? От неуяснения того, чем должна быть жизнь наша, и того, направляются ли к тому все дела наши и помышления. Как это не уяснено, то, смотря на свою жизнь вообще и видя, что она, как и у всех, дурного, бросающегося в глаза, ничего не представляет, остаемся покойными в себе, говоря или только по секрету чувствуя: да чего же еще хотеть?

Чтобы это и в Вас не сказалось, в отвращение того писано все, доселе писаное. И если Вы поступите по указанному, то уже не повернется язык Ваш сказать: чего же еще хотеть? Подержу Ваше внимание и еще подольше на этом.

Дело, как уже не раз поминалось, вот в чем! Вся наша жизнь, во всех своих частностях и дробностях, должна быть посвящена Богу. Закон общий таков: все, что ни делаешь, делай сообразно с волею Божией и в угодность Богу, в славу пресвятого имени Его*. Так уж и осматривать надо всякое представляющееся дело, сообразно ли оно с волею Божиею, и делать его не иначе, как удостоверившись, что оно точно сообразно с нею, и делать так, как угодно

* Это подробно раскрыто в брошюре еп. Феофана «Семь слов в недели приготовительные к посту». М., 1902.

Богу, чтобы оно было делаемо. Кто с такою осмотрительностию и с таким ясным сознанием угодности Богу делаемых им дел поступает всегда, тот вместе с тем не может не сознавать, что жизнь его идет верно, что хоть дела его не блестящи и не совершенны, но в них сознательно не допущено ничего, что бы оскорбляло Бога и не было Ему угодно. Это сознание исполняет сердце его тихим миром от спокойствия совести и тем духовным радованием, которое рождается от чувства, что он не чужой Богу и что хоть не велик, не знатен и не виден, но раб Его есть, старающийся всячески угождать Ему и все усилия свои к тому направляющий и верующий, что и Бог Сам видит его таковым.

Нравственной нашей жизни у всех и следовало бы быть такою. Между тем на деле как большею частию бывает? Живем как живется. Этого сознательного и самодеятельного направления всех своих дел — и больших, и малых — в угодность Богу не имеется в мысли и намерении. Дела у нас текут как попало, и что делается, делается большею частию по заведенным порядкам, потому что и все так делают, без уверенности в их пригодности к главной цели жизни.

Недавно я поминал Вам о духе жизни, что он бывает или богобоязненный, или самолюбивый, или миролюбивый. И забыл приписать сюда еще и четвертый: *ни то ни се*, хоть мимоходом где-то указы-

вал и на это*. Этим духом дышит не наибольшая ли часть людей? Они и против Бога ничего, кажется, не имеют, но и Богу угождать преднамеренною целию не имеют. Пришлось, например, сходить в церковь — сходил, а нет — и горя нет. И дома, когда молятся, поклон-другой — и конец. И довольны. Так и во всем Божеском. Они не то чтобы и эгоисты были заметные, но для защиты своих интересов, для того, чтобы уволить себя от каких-либо самопожертвований, всегда найдут резон уклониться. Они и не миролюбцы слишком выдающиеся, но не прочь и потешиться вместе с миром делами мира. Такого рода люди сплошь да рядом. Это — равнодушные к делу богоугождения и спасения, *ни теплые, ни холодные*. Бог отвращается от них и отвергает их.

Вы доселе не к этому ли разряду принадлежали? Думаю, что не совсем. Однако ж большая часть из того, что Вы делали, делалась потому, что в Вашем кругу так все делают. Но оставим то, чем Вы были. Удостоверяю Вас, что если Вы добросовестно исполните все, Вам прописанное, то уже перестанете быть и в малом чем похожими на таковых, а начнете делать дела все на отбор хорошие и прехорошие. Не то что особенность какая будет, но те же дела примут особый колорит, иную стать, иное благообразие и благочиние. Благослови, Господи! От всей души

*Письмо 26 (в конце).

желаю Вам этого. Положивши все вести по воле Божией и начавши так вести, Вы непременно осенены будете миром внутренним, возымеете спокойствие сердечное — ясное, теплое, отрадное, в коем рай душевный.

Но чтобы это было, надо возыметь решимость на такую жизнь; чтоб решимость пришла, надо восчувствовать недоброту жизни, невнимательной к главному (ни то ни се), и восхитительное достоинство жизни внимательной. И этого мало. Надо сокрушаться, что хоть немного еще прожито времени, но все же есть в нем часть, прожитая попусту. Сокрушение сердца о своей неисправности пред Богом составляет опору решимости быть вперед исправною пред Ним. Обо всем этом позаботьтесь теперь. Помоги Вам, Господи!

Господь, устрояющий спасение всех спасаемых *имиже весть судьбами*, да научит Вас, как себя наладить на то, чтобы жизнь Ваша не прошла даром — ни то ни се, но была Богу угодна, спасение Вам принесла и послужила путем к получению Царствия Небесного!

Необходимая решимость говеющего посвятить себя Богу рассматривается как сознательное обновление обетов, данных за нас при Крещении

И еще приложу. Прочитав все, что предлежит Вам сделать, не подумайте: у, какая страсть! Да где же это все сделать! Хоть бы и так было, нечего упираться ногами, потому что дело это первой важности. Но тут и трудного-то и громадного ничего нет. Все просто. Начните понемногу, и успеете все сделать как следует. Но если и не успеете все сделать, как бы хотелось, сделайте как сможете. Господь не взыскателен на мелочи. Он ценит усердие и намерение. Ваше усилие — всю себя пересмотреть и перестроить — Он примет как дело уже совершившееся, только не бросайте его, а имейте в виду продолжать и продолжать, пока доведете до конца. Главное же, то есть решительное намерение всю себя посвятить Господу, Вы непременно должны в себе возбудить, укрепить и установить однажды навсегда. В этом неотложное условие к получению благодати, подаваемой в Таинствах Покаяния и Святого Причащения.

Приведу Вам на память дело устроения нашего спасения, и Вы увидите, в чем то главное, которое теперь состоит за Вами. Согрешили мы в прародителях наших. Сжалилась над нами благость Божия и устроила нам спасение в Господе Иисусе Христе, Сыне Божием, воплотившемся нас ради человеков и нашего ради спасения. Совершил Он сие спасение Своею крестною смертию и Воскресением и ниспосланием Святого Духа. Те, которые веруют в Него, приступая к Нему с покаянием, ради смерти Его получают отпущение грехов и ради решимости последовать Ему и Его учению в жизни принимают в Таинствах благодать Святого Духа. Все это совершается в Крещении и Миропомазании. Получивший благодать начинает новую жизнь, родившись от Духа Святого. Мы получили это новое рождение в младенчестве. Веру свидетельствовали за нас родители и восприемники. Они же поручились и за то, что мы будем жить по заповедям Господа. Ради этого нам в первоначальных Таинствах дано все так, как бы мы сами сознательно и веру изъявляли, и обеты давали, но, очевидно, с тем условием, чтобы, когда возрастем и придем в самопознание, мы и сами произвольно приняли на себя обязательства, которые при крещении изречены за нас другими. Когда это делает кто, тогда благодать Божия, действовавшая дотоле одна и сокровенно, начинает действовать уже совместно с свободою и нередко

дает осязательно себя чувствовать и явно помогать в устроении своего спасения тому лицу, которое принимает такое решение. Большею частию это совершается во время говения.

И вот что предлежит Вам восхотеть сделать. Вы прежде говели и делали все, что обычно делается в это время. Но теперь собираетесь это сделать поосновательнее, с сознанием дела. На этом опираясь, я толкую Вам, что теперь стоит за Вами, — стоит, *чтобы Вы сами изрекли те обеты, которые даны за Вас другими*. Тогда другие за Вас отреклись сатаны, и всех дел его, и всего служения его (светской жизни), а теперь Вы сами отрекитесь всего этого. Тогда те за Вас уверяли, что сочетаетесь Христу и будете служить и поклоняться Ему, — теперь Вы сами от всей души и от всего сердца изреките это.

Войдите в сие убеждением и восприимите соответственные тому решимости. Господь буди Вам помощник, и Матерь Божия, и Ангел-Хранитель Ваш!

Да осенит Вас благодать Всесвятого Духа в Таинствах Исповеди и Святого Причащения, к которым приступите с таким благим расположением и решением.

Исправление жизни состоит в переустройстве не внешних порядков, а в духе, с готовностью бороться с препятствиями. Разные способы, какими враг старается отклонить становящихся на путь истинной жизни

Вашим последним письмом Вы сделали мне настоящий праздник. Как светлеет Ваша голова и решения сердца Вашего принимают верное и спасительное направление!

Итак, Вы решились все сделать как должно. Благослови, Господи! Хороши все Ваши замыслы о будущих новых порядках жизни. Но чтобы с жару Вы не покривили сего дела, хоть это было бы и надесно*, спешу кое-что сказать Вам в руководство.

Смотрите, перестраивая все, обращайте более внимания на внутреннее, чем на внешнее. Внешнее пока можно оставить, как оно есть, исключая того, что по самому существу своему вредно действует на

*Уклонение может быть на десную страну и на шуюю (направо и налево). Первое есть ревность не по разуму, второе — леность.

сердце: осуечает, разбивает мысли, набивает лишние желания и подобное. Перестройка, конечно, должна коснуться и внешних порядков, но не столько в их форме, сколько в духе, с которым это делать надо. Если сделать так, то внешнее останется будто то же, за малыми исключениями, но дух будет во всем совсем другой. Выгода от не слишком резкого ломания внешних порядков та, что перемена Ваша никому не будет бросаться в глаза.

Второе, что нужно иметь в мысли, Вы уже имеете, именно — не думать, что загаданное легко придет в исполнение. Сколько помех и совне, и совнутрь! И Вы хорошо делаете, что готовитесь вступить не на цветистый путь, а на борьбу. Так, так! Бороться готовьтесь и все просите Господа, чтобы даровал Вам силы все выносить, что встретите неприязненного и мешающего. На себя не надейтесь. Все упование возложите на Господа — и помощь Его всегда будет с Вами.

Но готовясь бороться, не думайте, что всегда будете торжествовать. Часто придется только оттерпливаться, неся одну тягу. Часто придется видеть, что при всем желании быть исправною прокрадываются и прорываются промахи. Ведайте наперед, что все это в порядке вещей. Встретится — не ужасайтесь. Теперь заранее то предвидя, и не ожидайте впереди иного течения жизни, как среди всяких противлений, волнений и неудач.

Одним только запасайтесь — крепким мужеством, ни на что несмотря, стоять в начатом деле. Это одно теперь на всю жизнь должно быть положено и запечатлено обетом и твердою решимостью. А как пойдет жизнь, какие будут успехи и промахи, как встретят то другие — это все отдайте на волю Божию.

Из опытов, замеченных в житиях святых, видно, что Господь разно ведет к совершенству тех, которые прилепляются к Нему теплою любовию и Ему посвящают жизнь свою. Попускает Он и врагу действовать неприязненно, не отдаляя, однако ж, при этом и Своей помогающей десницы. Все — Бог. Но пути Его дивны и, главное, сокровенны. Даже сам руководимый узревает их уже после, озираясь вспять. Как уместна потому всегдашняя молитва: *имиже веси судьбами, спаси мя!* А с молитвою — и предание себя в руки Божии, всецелое, безвозвратное.

И враг не будет дремать. Святые Божии заметили, что он на начинающих действует двояко: одним совсем не мешает и никакого противодействия не оказывает. Те, не встречая препон ни внутри, ни вовне и видя, что все идет так гладко, начинают мечтать, что вот-де мы как: вдруг всех врагов разогнали, и показаться не смеют. Как только эти мысли западут, тотчас и враг подоспеет и начнет развивать мечты тщеславные, от коих родится самоуверенность и Божией помощи забвение, неискание, и за то — лишение. Как

только дело дойдет до сего, враг начнет уже тирански действовать — возбуждать недоброе внутри и сильные противления совне, и бедный самоуверенник падает. Эти случаи нередки. И извольте принять сие на вид теперь же, когда соображаете, как устроиться в жизни, чтобы, когда начнете новую жизнь и пойдет все гладко, не возмечтать о себе, но увидеть в этом вражескую засаду — самую опасную и усугублять опасливость и внимание к делу. Совершенство, мало-мальски видное, приходит после трудов и трудов, после годов и годов, а не с первых начатков и не с первых дней.

На других, напротив, враг с первых же дней нападает со всею силою и стремительностью, так что начавший теряется. Куда ни обратится, все против: и в мыслях, и в чувствах, и вовне видится только одно такое, что идет поперек добрым намерениям, и ничего благоприятного. Делает это враг затем, чтобы устрашить новичка с первого раза и заставить его бросить свои благие намерения и возвратиться вспять — к жизни беспечной и невнимательной. Коль же скоро заметит, что новичок не поддается, а стоит на своем, тотчас сам отступает. Ибо мужественное стояние против врага заслуживает венцы труженикам, а он не хочет доставлять их. Так это имейте в виду, чтобы в случае сильного напора противностей сразу не сробеть, зная, что это уловка

врага, которую он тотчас и бросит, как только заметит стойкость.

Вы очень хорошо делаете, что впереди не видите цветов. Это настоящее воззрение на дело. И готовьтесь к стойкости. Однако же спасайтесь. Еще предлежит сказать Вам кое-что, но это до другого раза.

Опасение охлаждения в будущем. Разные причины охлаждения к духовной жизни. Как вести себя при появляющихся охлаждениях

Вы боитесь, ну как до конца не доведете, хоть и усердно начнете. Да, этого надобно бояться, ибо мы часто сами пред собою и против себя бываем изменчивы. Уж на себя нечего полагаться. Вся надежда — на Господа. Страха же того не оставляйте, а поддерживайте его то опасением оскорбить Господа возлюбленного, то боязнию, что, ослабевши, опять уже не взойдешь к такому воодушевлению, а тут нынезавтра смерть. После страх сей пройдет и заменится верным упованием спасения, но теперь не оставляйте его: он будет поджигать ревность и прогонять позывы к послаблениям, которые очень пагубны. Вследствие того у Вас в сердце будет постоянное взывание: *О Господи, спаси же! О Господи, благопоспеши же!* И: *имиже веси судьбами спаси мя, недостойную!* Это я всегда называю — болезненным в сердце к Господу припадением. Враги сильны и совне, и

свнутри, не знаешь, как подымутся бури и собьют с толку. Падешь — и пропал. Вот и вопий: *о Господи, спаси!* Это и есть сердце сокрушенное и смиренное, о коем кающийся пророк Давид говорит, что его Господь не уничижает, не презирает, а внимает ему. Примите сие в мысль. Как Вы уже увидели эту опасность, то Вам немного стоит положить: всегда чувствовать ее и взывать о помощи. Это чувство болезненного к Господу припадания из сознания окружающих опасностей, могущих прекратить течение духовной жизни и заглушить ее, должно быть постоянным чувством. Заметьте сие. Кто имеет его, тот, значит, идет, и идет прямым путем. Это самый решительный тому признак!

Вы пишете: «Бог дал бы, чтобы теперешняя готовность на начинаемое дело подольше не ослабевала». Не подольше, а никогда не должно ей ослабевать. Заметьте, что эта готовность, иначе — усердие работать Господу, или ревность о богоугождении, или решимость посвятить себя на служение Господу точным исполнением Его заповедей (что все одно и то же: слова разны, а дело одно), составляет жизнь духовную. Когда есть эта готовность, жизнь духовная есть, а когда нет ее, нет и жизни духовной. Когда ее не станет, это то же, что дыхание духовное прекратится и сердце духовное перестанет биться: дух или умирает, или замирает. Потому-то первая

забота вступающего на Божий путь и должна быть о том, чтобы всячески поддерживать и подогревать эту готовность, ревность и усердие. Можно этим одним и все последующие правила ограничить, то есть береги только эту ревность и готовность, она сама научит и постоянно будет научать, что как сделать и как когда поступить. Заметьте это!

Это вместе с предыдущим болезненным припаданием к Господу есть корень духовной жизни, охрана и ограждение ее. Врага этому коренному расположению и, следовательно, врага главнейшего, Вы хорошо определили: *охлаждение*. О, горькая и прегорькая вещь! Но ведайте, что не всякое умаление жара ревности есть пагубное охлаждение. Бывает оно и вследствие излишнего напряжения душевных сил, бывает и вследствие упадка сил телесных или нездоровья. То и другое — ничего, пройдет. Бедственно охлаждение вследствие произвольного уклонения от воли Божией с сознанием и наперекор совести, вразумлявшей и останавливавшей, с пристрастием к чему-либо не Божескому. Это убивает дух и пресекает жизнь духовную. И вот сего-то паче всего бойтесь, бойтесь как огня, как смерти. Оно бывает вследствие потери внимания к себе и страха Божия. Их и блюдите, чтобы избежать того страшного зла. Что касается до невольных случайных охлаждений вследствие истощения сил и нездоровья, то для них

один закон: перетерпеть, ни в чем не нарушая заведенных благочестивых порядков, хотя они будут исполняемы без всякого вкуса. Кто терпеливо переносит это, от того скоро и отходит охлаждение и возвращается обычная ревность, теплая, сердечная. Извольте и это принять во внимание и отселе положить, во-первых, никак не допускать произвольно охладиться ревности, во-вторых, в случае случайных охлаждений — тянуть и тянуть заведенные порядки в той уверенности, что это сухое исполнение дел скоро возвратит живость и теплоту усердия.

Все прописанное Вам в последних двух письмах пригодится Вам после, когда самым делом поведете новую жизнь. Но как Вам и теперь еще, при перестройке порядков жизни, хотя умственной пока, должно брать во внимание все возможные впереди случайности, то я не лишним счел все это пошире рассказать теперь, тем более что Ваши слова подали к тому повод.

Вот этому я и обрадовался, что вы, может быть, сами не замечая того, коснулись самых существенных сторон жизни духовной. Это значит, что ум Ваш работает правильно. Господь, видящий готовность Вашу послужить Ему вседушно, помогает Вам — и Вы сами не знаете, как вспадают на ум те или другие предположения и опасения. Это Ангел-Хранитель по повелению Господа толкует Вам. Благослови, Гос-

поди, начинание Ваше! От всей души желаю Вам успеха.

Когда станете работать над собою, увидите, что все внешние руководства и указания суть только пособия. Что же именно бывает нужно душе или как лучше поступить в том или другом случае, это всякая душа должна решить сама, при помощи Божией благодати, невидимо руководящей ее. Искренне желающий угождать Господу и себя Ему всецело предавший всегда попадет в настоящее дело, но берет он смирением.

Заключаю благожеланием, да поможет Вам Господь совершить настоящее говение Ваше самым успешным образом.

Последние советы перед исповедию и причащением

Вот подошло уже время исповедаться, а за ним сладчайший момент причащения Святых Христовых Таин! Благослови, Господи, то и другое совершить Вам достодолжно. К сему и труды говения, и все, Вами задуманное, здесь запечатлеется печатию Божиею.

Но зачем у Вас, как пишете, страх идти на исповедь? Он точно бывает у многих, но у Вас зачем бы ему быть? Извольте уяснить себе дело. Исповедающий есть только свидетель, приемлет же грехи Господь. Он же повелевает духовнику и разрешение во грехах давать исповедующемуся. Господь же — весь милость. Он только ждет, чтобы кто исповедал грех свой, и, как только скажет кто грехи, тотчас и прощение. Такого ли Господа бояться?

Отчасти эта страшливость происходит и оттого, что не уяснено, что именно должно сказать на духу. Но когда Вы сделаете все по прописанному, то для Вас ясно будет все. И страшиться нечего.

И оттого также эта страшливость, что редко исповедуемся. Если бы почаще исповедовались, не страшились бы так. Авось Бог даст, с этих пор чаще будете приступать к Трапезе Господней и, следовательно, исповедаться.

Вот что сделайте, однако ж! Запишите все, что найдете нужным открыть на духу, и, пришедши к духовнику, расскажите все при помощи записки. Ведь настоящая исповедь должна быть своя, то есть сам исповедающийся должен рассказать, в чем грешен, а не дожидаться, что спросит духовник. Это у нас так завелось, и исповедь редко идет как следует. Исповедающий по необходимости много спрашивает лишнего, что не идет к исповедающемуся, а того, что нужно, случается, и не спросит. Так оно и проходит неисповеданное. Сказать самой, что лежит на совести, и без записки можно, если надеетесь припомнить все, только непременно сами все расскажите. Благослови Вам, Господи, исповедаться с духом сокрушения и с твердою решимостью быть после во всем исправною, но без всякой страшливости. Она совсем лишняя и делу мешает.

Отрывали меня от письма на несколько и пресекли нить мыслей, какие имел я намерение передать Вам.

Так придет страх пред исповедью — гоните его. Благоговейный страх пред Богом есть дело многоценное, но эта ребяческая страшливость, что у Вас,

есть дело вражье. Никакого к нему на деле повода нет, а так — враг навевает. Идите к Господу спокойно, хоть и с сокрушением сердца; идите, как в притче сын нехороший шел к отцу. Отец возвращающегося сына не бранил и не поносил, а объятия к нему простер и облобызал его. То же самое и для Вас готово. Объятия Господни уже простерты к Вам. Остается Вам ринуться в них. И сотворите сие с благоговейною любовию.

Главное в покаянии есть болезнь сердца о своей неисправности пред Господом и твердое намерение стараться вперед быть во всем исправною. Свое решение благоугождать Господу Вы уже изъявили, и Господь, все видящий, конечно, уже принял. Но болезнь сердца о неисправностях есть ли? Потрудитесь возбудить. Как ни мало у Вас грехов и как ни представляются они легкими, все же они грехи суть и под Божиим неблаговолением состоят. Пред людьми как стыдимся иногда по причине пустого неосторожного слова или движения! А тут Господь — и не пустое что, а грехи. Умудритесь из-за всего сокрушиться и поболеть пред Господом. После из этого сокрушения будет источаться крепость — не вдаваться в неисправности.

Вы загадывали подробно пересмотреть все снова и переладить. Может быть, не успели все сделать или не так полно сделали, как загадывали; не смущайтесь

тем. Господу дорого главное Ваше намерение и решение — быть во всем исправною пред Ним. Ради него — и прощение грехов, и возочищение благодати. И идите к Господу с этим твердым намерением — быть исправною взамен всех неисправностей, познанных уже и имеющих быть познанными. Твердое намерение несите Господу неуклонно исполнять все, что теперь совесть обязательным для Вас считает и что найдет таковым после; прочим всем не смущайтесь.

Исповедаться лучше с вечера пред Причащением, чтобы ночь и утро посвятить уже вполне одним помышлениям о принятии Господа. Читайте в это время проповеди пред Святым Причастием в той книжке, что я Вам дал. А то так сидите и думайте о Господе, молясь Ему в сердце: Господи, как хочешь, так и устрой со мною и во мне, только не лиши меня общения Твоего. И все молитесь такою краткою молитвою, прилагая к ней и поклоны. Если отложите исповедь до утра, то вечером мысль будет двоиться и выйдет нечто смятенное.

Приступая к Святым Тайнам, приступайте в простоте сердца, с полною верою, что Господа приемлете в себя, и с соответственным тому благоговеинством. Чему быть на душе после сего, предоставьте сделать то Самому Господу. Многие наперед вожделевают получить от Святого Причастия то и то, а потом, не видя того, смущаются и даже в вере в силу Таинства

колеблются. А вина — не в Таинстве, а в этих излишних догадках. Ничего себе не обещайте, а все предоставьте Господу, прося у Него одной милости — укрепить Вас на всякое добро в угодность Ему. Плод Причащения чаще всего отзывается в сердце сладким миром; иногда приносит оно просвещение в мыслях и воодушевление в преданности Господу; иногда ничего почти не видно, но после в делах обнаруживается большая крепость и стойкость в обещанной исправности. Замечу и здесь, что плодов от Святого Причастия ощутительных не видим мы оттого, что редко причащаемся. Положите себе как можно чаще причащаться — и увидите плоды от сего Таинства утешительные.

Все время молюсь и буду молиться, да поможет Вам Господь приступить к сим двум Таинствам в полное обновление духа Вашего. И во всем, чего желает душа Ваша доброго, Господь буди Вам помощник!

Поздравление и благожелание покаявшемуся и причастившемуся Святых Христовых Таин. Вступившему на путь истинной жизни требуется непрестанное памятование о Боге

Теперь, наверное, Вы уж исповедались и причастились. Поздравляю! Даруй, Господи, чтобы сие было Вам в окрыление духа, в прилепление сердца к Господу, в льготу и отраду на пути жизни, в нравственную крепость на дела богоугодные.

Но паче всего желаю Вам ощутить радость спасения в Господе. Ибо Господь в Вас, а где Господь, там и спасение. Один языческий царь, когда буря застала его на море и корабельники в страхе не знали, что делать, по свойственной ему заносчивости сказал: «Чего боитесь? Вы везете такого царя». То была пустая речь. Но Господь, когда однажды буря ветреная подвергала опасности корабль, на котором Он плыл с учениками чрез озеро Геннисаретское, и последние, не зная, что делать, воззвали к Нему: «Господи, спаси ны, погибаем!» — прежде запретил

ветру и волнению водному и, когда уже улеглись волны и *бысть тишина*, сказал: *Где есть вера ваша?* (Лк. 8, 23–25). Таким образом, только в отношении ко Господу можно поистине говорить: чего боитесь? Господь с вами. Сие и говорю Вам: ни внутренних, ни внешних волн не бойтесь, ибо Господь с Вами. Не теряйте живой веры в сие, и сердце Ваше будет исповедать: *Аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (ср.: Пс. 22, 4). И всем причастникам прилично петь: *Господь Сил с нами, Заступник наш Бог Иаковль* (Пс. 45, 8).

Теперь, обновленная и благодатию Божиею укрепленная и присутствием Господа воодушевляемая, исходите на дело Божие, Вами с таким усердием воспринятое, чтобы делать его до вечера жизни Вашей. В пособие Вам помяну об одном секрете достодолжной жизни о Господе, именно — *о непрестанном памятовании о Боге*. В сем памятовании надо всячески укрепиться до того, чтобы оно было неотходно от внимания. Бог везде есть и всегда с нами, при нас и в нас есть. Но мы не всегда с Ним бываем, ибо не помним о Нем и, потому что не помним, позволяем себе много такого, чего не позволили бы, если бы помнили. Возьмите на себя труд навыкать этой памяти. Тут ничего особенного не требуется, только намерение принять и напрягаться помнить, что Господь в Вас есть, и близ есть, и смотрит

на Вас и в Вас так же зорко, как кто смотрел бы Вам в глаза. Что бы Вы ни делали, все помните, что Господь близ и смотрит. Станете трудиться навыкать сему — и привыкнете и, как только привыкнете или еще только мало-мало навыкать станете, увидите, какое спасительное действие происходит от этого в душе. Не забывайте только, что память о Боге надо иметь не как о всякой другой вещи, но соединять ее со страхом Божиим и благоговеинством. Благоговейными люди все от этого бывают.

Чтобы удобнее навыкнуть памятованию о Боге, для этого у христиан ревностных есть особый прием, именно — непрестанно повторять коротенькую, слова в два-три, молитовку. Большею частию это есть: *Господи, помилуй! Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, грешную!* Если Вы этого еще не слышали, так вот слышьте, и если так не делали, так начните делать с этих пор. Ходите ли, сидите ли, работаете ли, кушаете, ложитесь спать — все твердите: *Господи, помилуй! Господи, Иисусе Христе, помилуй мя, грешную!* От долгого упражнения в этом слова эти так навязнут на языке, что сами собою будут повторяться. А это очень остепеняет парение и блуждание мыслей. Но опять не забудьте соединять с словом сим благоговеинство.

Что еще пригоже было бы Вам сказать теперь, я уже написал Вам, как только Вы изъявили решение

взяться за дело как следует. Извольте снова то просмотреть. А что кроме того надо напомнить Вам, о сем речь впереди.

Будьте благодушны и радуйтесь, что вступаете на путь искреннего служения Господу, путь верный, имеющий привесть Вас в наследие Царства Небесного. Да поможет Вам Господь и Пречистая Владычица!

Вступивший после покаяния и причащения на путь истинной жизни должен установить внутри себя мир. Правила для отогнания внутреннего нестроения: непрестанная память о Боге, решимость во всем, большом и малом, поступать по совести и терпеливое ожидание успехов

Хочу и еще предложить Вам несколько указаний на то, что нужно Вам теперь при вступлении на новый путь.

Что дух наш есть дух ниспадший, это до осязательности сознает всякий, кто положил себе правилом построже наблюсти за деющимся внутри нас хоть в продолжение одного дня. Я уже Вам говорил об этом — давно-давно. Припомните: именно что внутри нас смятение, что смятение это незаконно пришло и потому должно быть пресечено. Да Вы и сами когда-то писали, что не управитесь с неудержимою подвижностью внутри. Возобновляю в немногих словах изображение сего состояния.

Мысли ума нашего все обращены на земное, и никак не подымешь их к Небу. Предмет их — суетное,

чувственное, грешное. Видали вы, как туман стелется по долине? Вот это точный образ мыслей наших. Все они ползают и стелются по земле. Но кроме этой низкоходности, они еще бурлят непрестанно, не стоят на одном, толкутся, как туча комарей летом. Между тем они не остаются без действия.

Нет, под ними лежит *сердце*, и от них в сие сердце непрестанно падают удары и производят соответственное себе действие. Какая мысль, такое и движение сердца. Отсюда то радость, то досада, то зависть, то страх, то надежда, то самоуверенность, то отчаяние одни за другими возникают в сердце. Остановки нет и порядка никакого, так же как и в мыслях. Сердце непрестанно дрожит *от чувств*, как осинов лист.

И на этом дело не останавливается. Мысль с чувством всегда рождает *желание*, более или менее сильное. Под мятущимися мыслями и чувствами беспорядочно мятутся и желания: то приобрести, другое бросить; одному подоброхотствовать, другому отомстить; то бежать от всех, то выступить на средину и действовать; в одном послушаться, а в другом поставить на своем, и прочее, и прочее, и прочее. Не то чтобы все это исполнялось, но загадки — то на то, то на другое — непрестанно роятся в душе. (Присмотрите за собою, когда, например, сидите Вы за работою, — все это увидите происходящим в себе, как на сцене.)

Так вот какое у нас нестроение и смятение внутри. От него нестроение и в жизни и мрак какой-то вокруг. И не ждите порядочной жизни, пока не уничтожите этого внутреннего нестроения. Оно и само по себе много зла причиняет, но особенно оно недоброкачественно потому, что к нему подседают бесы и крутят, и мутят там внутри еще более, направляя все на зло нам и на нашу пагубу.

Когда во время говения Вы осматривали себя и полагали одно устранить, а другое прибавить, то, конечно, не могли не обратить внимания и на внутреннее свое смятение и не вооружиться против него достодолжным ревнованием. И извольте паче и прежде всего напирать на этого внутреннего врага.

Вы положили твердое намерение работать Господу и Ему Единому принадлежать отселе. Таинство Покаяния прощение Вам подало во всем и чистою Вас явило пред лицом Бога. Святое Причащение ввело Вас в ближайшее общение или возобновило Ваше общение с Господом Иисусом Христом и всякою благодатною силою Вас преисполнило. И вот Вы снаряжены на дело.

Если бы для исправления нашей внутренней жизни достаточно было захотеть, и все бы там явилось в наилучшем виде, или дать слово, и за словом тотчас явилось бы и дело, то Вам более не о чем было бы и хлопотать. Все бы пошло у Вас как лучше и

желать нельзя. Но таков уж закон нравственно-свободной жизни, наипаче в существе поврежденном, что и твердая решимость есть, и благодатная помощь готова, а все же надо напрягаться и бороться, и прежде всего — с самим собою.

Вдруг внутреннее наше никогда не вставляется в должный порядок, а всегда, по восприятии благого намерения и сподоблении пособствующей благодати чрез Таинства, требуется и предлежит опять усиленный труд над собою, над своим внутренним — труд и усилие, обращенные на то, чтобы царствующее внутри нестроение уничтожить и вместо него водворить порядок и строй, за чем последует внутренний мир и постоянное обрадовательное состояние сердца.

И вот что Вам теперь предлежит! Не думайте, однако ж, что Вам должно для этого переделать кучу дел или навязать на себя не знать сколько правил. Совсем нет. Два-три правильца, два-три предостережения — и всё тут.

Внутри нестроение — это Вы опытно знаете. Его надо уничтожить — этого Вы хотите, на это решились. Беритесь же прямо за устранение причины сего нестроения. Причина нестроения та, что дух наш потерял сродную ему точку опоры. Опора его в Боге. Опять вступает на нее дух *памятованием о Боге*. Итак, первое: *надо навыкать непрестанному памятованию о Боге со страхом и благоговеин-*

ством. Прошлый раз я писал об этом, и Вы согласились на это. Знаете, какой надо для этого употреблять прием, — и начали уже. Благослови, Господи! И извольте продолжать труд сей неопустительно. Всё с Господом будьте, что бы Вы ни делали, и всё к Нему обращайтесь умом, стараясь держать себя так, как кто держит себя пред царем. Скоро навыкнете, только не бросайте и не прерывайте. Если будете добросовестно исполнять это небольшое, правило, то этим внутреннее смятение будет стеснено извнутри и хоть будет прорываться то в виде помыслов пустых и недолжных, то в виде чувств и желаний неуместных, но Вы тотчас будете замечать сию неправость и прогонять этих непрошенных гостей, спеша всякий раз восстановлять единомыслие о Едином Господе.

Воодушевляю Вас! Возьмитесь поретивее и продолжайте, не прерывая, — и скоро достигнете искомого. Установится благоговейное внимание в Едином Боге, а с Ним придет и мир внутренний. Говорю: скоро, однако ж не чрез день или два. Потребуются, может быть, месяцы. О, когда бы и не годы! Просите Господа, и Он Сам Вам поможет.

В пособие к сему приложите и следующее: *ничего не делать, что запрещает совесть, и ничего не опускать, что велит она делать, — большое ли то или малое*. Совесть всегда есть наш нравственный

рычаг. Что внутри нас детки наши — мысли, чувства и желания — предаются непозволительной резвости, причина сему между прочим и та, что совесть потеряла силу. Возвратите ей сию силу, изъявляя полную ей покорность. Вы теперь просветили ее, выяснив все, что Вам должно делать и чего не делать. Извольте же следовать сему неуклонно и так решительно, что хоть умереть, а ничего против совести не позволять себе сделать. Чем решительнее будете так поступать, тем могущественнее будет становиться совесть, тем полнее и сильнее будет она внушать Вам должное и отклонять от недолжного и в делах, и в словах, и в помышлениях — и внутреннее Ваше будет спешнее упорядочиваться. Совесть с благоговейною памятию Божиею — биющий ключ истинной духовной жизни. Припомните, что говорилось о духе в начале нашей беседы*.

Больше этих двух правил ничего и не требуется. Дополните только их *терпением*. Вдруг не придет успех, надо ждать, трудясь, однако ж, неутомимо. Надо трудиться и, главное, ни в чем не уступать себяугодию или мироугодию. Непрестанные будут противления начатому порядку. Надо одолевать их, следовательно, напрягать силы и, следовательно, терпеть. Облекитесь же в это оружие всемощное и никогда не падайте духом, видя неудачи. Все придет

* Письма 9, 11–13.

со временем. Воодушевляйтесь в терпении *сею надеждою*. Что это так бывает, оправдано опытами всех людей, искавших и содевавших спасение.

Так вот и всё! Памятовать благоговейно о Боге, следовать совести и вооружаться терпением с надеждою. Это немногое — семя всего. Благослови Вас, Господи, так настроиться и стоять в сем настроении!

Предосторожности вступившему на истинный путь. Взыграние жизни весною. Отчего многие постившиеся не исправляются совершенно

Прошлый раз я Вам указал два-три правильца небольших. Теперь укажу и две-три маленьких предосторожности.

Первая. Никогда не думать, что уже успели в чем-либо. Такова немощь наша, что мало-мальски что добренькое покажется внутри — тотчас кричим: вот оно, добились! Гоните такие мысли. Ибо доброе никогда не дается вдруг, а это враг внушает. Поддайся только этому внушению, тотчас энергия ослабеет а тут близко и опять нестроение. Чтобы не подпасть этой дурной мысли, всякий день, вставая, так себя настраивайте, как бы Вы в первый еще раз начинали трудиться на этом пути.

Вторая. Ни под каким видом не позволять себе льгот. Пройдет день-другой в трудах самонаблюдения и самопринуждения — враг подойдет и начнет жужжать в уши: ну, будет, потрудилась, дай теперь

себе немного льготки. Это такое льстивое внушение, что и не подумаешь вдруг, что надо противостать ему, а между тем оно такое злодейское, что только мало поддайся ему, как все внутри взбудоражится. Послабление себе есть то же, что маленькая дырочка в плотине. Только покажись эта дырочка, уж не удержишь плотины, ее непременно разнесет вода. То же внутри нас делает послабление: все размечет, так что восстановление себя надо будет опять начинать сызнова. Побойтесь же сего как самого злого, хоть и сладкоглаголивого врага.

Два особенно случая предлежат, когда Вам надлежит поопасаться этого. Это время Пасхи и весна. Ведь постом у нас все более или менее остепеняются. Отчего же потом не все выдерживают? Оттого, что льготы себе дают, кто в Пасху, кто после нее — весною. В Пасху думается: праздничное время, можно и вольку себе дать. Послушает кто — и разоряется в добрых настроениях. Ибо, давши себе волю, после уже не возвращается к стеснению себя и начинает по-старому творить волю плоти и помышлений.

Весна — время приятное, но сколько делает зла в нравственном отношении! Видали вы, как барашки, когда выгоняют их на траву, прыгают, блеют, резвятся? Отчего это? Жизнь играет. Подобное взыграние жизни и люди все ощущают, не молодые только, но и старые. Тут ничего нет грешного. Это

невинное чувство, но как пользуются этим люди, это не совсем бывает безгрешно. Радость жизни! Ощутив ее, надо Господа благодарить, что на земле, полной горя по грехам нашим, еще и радостям оставил Он место, чтобы мы не падали в отчаяние. А бывает что? Бога поблагодарить не поблагодарят, а пустятся на то, чтобы продлить эту радость, рассеиваются и возвращаются на старое. Радость эта или это взыграние жизни приятно, но оно совсем чувственно, телесно, и позывы от него появляются такие же — чувственные, телесные. Захочется смотреть на приятное для глаз, слышать приятное для слуха, обонять приятное для обоняния, подышать воздухом, провеяться приятным ветерком — вообще размножить приятные чувственные впечатления. Кто пойдет по этим позывам, тот не усидит внутри себя, а выйдет непременно вон; затем внимание к себе прекращается: мысли, чувства и желания опять начнут бурлить и вступать в прежнее нестроение. Мысль о Боге отойдет, и покой внутренний пропадет. Томимая совестию душа скажет: завтра не стану так поступать; но завтра опять то же, то же и послезавтра; а там и руки опустились. Опять пойдет жизнь «как живется». Весь плод великопостных трудов в упорядочении души и пропадет. И это по той одной причине, что не поостереглись немного и не сумели отказать своим чувствам в некоторых приятностях, а при до-

пущении иных не позаботились держать свое внутреннее в должном страхе и, увлекаясь внешним, оставляли его (внутреннее) без внимания.

Господь да сохранит Вас от сего! Вам уже приходила опасливая мысль: ну как не устоишь! Если точно не устоите, то возвратитесь ли к таким решительным намерениям, Бог весть. Но то ведайте, что, обратясь вспять, Вы будете уже гораздо хуже, нежели каковы были, когда не начинали такой новой жизни. Спаситель подобные возвратные ниспадения в нестроение сравнивает с возвращением в покинутый было дом опять старого беса, но уже не одного, а с семью другими. И будут, заключил Он притчу Свою, *последняя человеку тому горша первых* (см.: Лк. 11, 24–26).

Господь да избавит Вас от сего!

Прочитавши это, не скажите: ах, зачем я начинала! Нет, нет! Не мутите себя. Вы решились на достодолжное — на такой род жизни, при котором одном Вы будете, как сначала возжелали, держать себя на уровне человеческого достоинства. Так не унижайте своего решения и Господа не оскорбляйте, будто Он оставит Вас одну. Он в Вас есть с благодатию Своею. Но если Господь в Вас, кто против Вас? (см.: Рим. 8, 31). Ибо *болий есть Иже в вас, нежели иже в мире* (1 Ин. 4, 4). К тому же внимательная к себе жизнь не такова, чтобы, лишая одних утешений, не

давала взамен их ничего. Напротив, эта жизнь, с памятию о Боге и следованием своей совести, сама в себе есть неистощимый источник радостей духовных, сравнительно с которыми земные радости что полынь пред медом. Вам и лишать-то себя из внешнего придется немногого. Все *внутри* должно происходить. Можно во всем участвовать и всему быть чужду. Внешне одно делается, а внутри происходит другое.

Так вот и всё (разумею прописанные в этих двух письмах правильца и предостережения). Много ли? Ничего нет многого. И все так удобоисполнимо и легко. А плод-то, плод-то какой! Итак, воодушевляйтесь и наперед загадывайте держать себя по прописанному. Аминь.

Главное занятие вступившего на истинный путь — молитва. Наставление о нерассеянной молитве

Как верно Ваше заключение: «Так, выходит, все дело в молитве!» Да, в молитве. Молитва для самонаблюдения — барометр духовный. Барометр определяет, как тяжел или легок воздух, и молитва показывает, насколько высокоходен или низкоходен дух наш в его обращении к Богу. И молитесь, как начали. Почаще становитесь пред своими иконами в продолжение дня и кладите всякий раз по несколько поклонов, поясных и земных.

Пасть на колени и класть поклоны еще лучше. Никто ведь не видит, кроме Господа. Молитвы утром и вечером — своим чередом. В те часы побольше надобно — так, как у Вас положено; а в эти — частые припадания к Господу понемногу; не так, однако ж, как обычно знакомым при встрече: кивнуть головой и довольно. Усердие, впрочем, всему научит, которое и подогревайте всячески.

Но никогда не забывайте, что *существо молитвы есть ума и сердца возношение к Богу*, ибо Бог везде есть. И святой пророк учил свою душу: *на всяком месте владычества Его, благослови, душе моя, Господа!* (Пс. 102, 22). Больше всего к этому располагать может, как я уже писал, память о Боге, а Вы еще лучше прибавили: любовь к Богу. Благослови, Господи, Вас на это — на исключительную любовь к Господу. Но и к возлюблению Господа путь есть память о Нем с углублением мыслию в Его Божеские свойства и действия. К памяти Божией надо себя приучать, и средство к тому, как писал, краткая молитовка, непрестанно в мысли повторяющаяся: *Господи, помилуй! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!* Вот Вы уже начали ее — и продолжайте; сидя, ходя, делая что или говоря, при всяком случае и во всякий момент всё держите в мысли, что Господь близ, и взывайте к Нему из сердца: *Господи, помилуй!*

Говорите, что рассеиваетесь мыслями. Вдруг нельзя; надо потрудиться, пока установится навык пребывать неисходно внутрь сердца пред Господом. Я, кажется, уже говорил Вам, чтобы, как только заметите, что мысли разбежались, ворочать их назад и чтобы произвольно и сознательно никогда не позволять им блуждать. Это не во время только молитвы надо исполнять, но и всегда. И поставьте себе зако-

ном: *с Господом всегда быть умом в сердце и блуждать мыслям не позволять, а как только уйдут, опять ворочать их назад и заставлять сидеть дома, в клети сердца, и беседовать с сладчайшим Господом*. Постановив такой закон, нудьте себя верно исполнять его, браните себя за нарушение, штрафы на себя налагайте и Господа молите, чтобы помог Вам в сем наинужнейшем деле. Если будете трудиться усердно, скоро успеете. Условия успеха следующие: 1) *непрерывность такого делания*, постоянство в нем. Не так, что начали и бросили, начали и бросили, а так: начали, да уж и тяните до того, пока успех придет. И во всяком деле успех зависит от постоянства труда; 2) чтобы оно было, надо вооружиться *терпением и самопринуждением*. Придет разленение, желание послабить, даже сомнение: уж нужно ли так делать, — гоните все это и, как положили, нудьте себя на дело сие; 3) чтобы и это было, воодушевитесь надеждою и упованием, что Господь, видя труд Ваш над молитвою и усердие, с каким Вы ищете навыка в ней, даст Вам наконец молитву *и она, утвердившись в сердце, будет сама бить оттуда ключом*. Сей блаженнейший плод есть плод труда молитвенного! Чаяние его воодушевляло всех молитвенников, и получение его было для них источником непрестанного блаженства духовного, радования и покоя сердца в Боге. О, да дарует Вам

Господь плод сей! Но без труда не даст, — труда постоянного, самопринудительного, терпеливого, уповательного. Мужайтесь!

Посылаю Вам на сей предмет книжку «Письма о духовной жизни»*, которая вся направлена к тому, чтобы способствовать утверждению ума в сердце вниманием к Господу и молитвенным расположением. Ибо к труду молитвенному надо подобрать и чтение таких книг или статей, в коих говорится все о молитве и молитвенных настроениях.

Чем более будете утверждаться в памяти Божией, или в умном предстоянии Богу в сердце, тем все более и более будут улегаться и мысли и менее блуждать. Внутреннее упорядочение и успех в молитве идут вместе.

Припомните, что с самого начала писем говорено о духе нашем**. Вот это и есть восстановление его в его правах. Когда восстановится сие, тогда начнется деятельная, жизненная переработка души и тела и внешних отношений — на отчистку. И станете Вы настоящий человек.

---

* Можно еще прибавить маленький сборничек «О трезвении и молитве из святых отцов».

** Письма 20–21.

Общие правила для стоящего на пути истинной жизни

Вы так решительно вступили на путь служения Господу. Благослови, Господи! Работайте же Господеви! Паче всего:

1. Поопаситесь *самомнения*, оно — первый враг. Исправность наша пред Богом, еще только преднамеренная, уже порождает мысль о некоей особенности нашей пред другими и даже пред собою — прошедшим, тем паче когда успеем сделать что-либо на сем пути. Как только немного постоим мы в сей исправности, она кажется чем-то дивным и мы начинаем мечтать о себе как о лицах совершенных, совершающих дивные дела. А это враг подущает, чтобы возбудить самомнение. Кто поддастся и впадет в сие самомнение, от того тотчас отходит благодать и оставляет его одного. Тогда враг схватывает его, как беспомощную добычу.

2. *Страх и опасения* да не оставляют Вас. Посреде сетей ходим. Враг никогда не искушает сразу очевидно худым, а обманывает более видимостями добра.

Неопытный пойдет вслед приманки и попадает в руки врага, как попадает в яму прикрытую беспечно идущий по лесу зверь. Но опасаясь, не теряйте мужества, ибо Господь близ.

3. Страх смерти и по смерти суда и воздаяния да не отходит от Вас. С утра, вместе с тем как восстановлять будете память о Господе в сердце, позаботьтесь привязать к нему память и *о сих последних*. Затем и будьте с сим помышлением неотлучно весь день, как и с Господом, и, ко сну отходя, говорите: *се ми гроб предлежит! Се ми смерть предстоит!* Увидите, каких охранителей найдете Вы в них.

4. Нельзя Вам совсем устраниться от общества. Но от Вас зависит бывать более в таком, в котором менее развлечений. И в этом, когда бывать будете, внимания своего к Господу, близ и внутрь сущему, и памяти смерти, готовой взять Вас, не теряйте, сколько можете. Сердца своего не отдавайте под впечатления предлежащих приятностей от очей, слуха и других чувств. Жизнь в мире тем и нехороша, что слишком много набивает в душу вещей, лиц и дел, о которых воспоминание потом мутит душу. И молиться это не дает как следует. Средство против сего одно: как можно, беречь сердце от приятия впечатлений. Пусть все мимо Вас идет и проходит, не входя в сердце.

5. Не бегайте, однако ж, людей и не угрюмничайте. В Вашем положении это неудобно, да и поль-

зы от этого Вам не будет. Однако ж бывайте более с своими. У Вас, верно, все порядки хороши. От них не отступайте, чтобы не выдать себя из ряду вон и не подвергнуться людскому пусторечию.

6. Духовные занятия: молитва, чтение и размышление — должны идти неопустительно каждый день. Что в какое время делать, сами приладьте. Пораньше вставайте и, прежде чем выходить к своим, пройдите все эти занятия, в какой мере успеете. Молитесь, однако ж, подольше. Свою кровную нужду выражайте Господу детским словом и с детским доверием, молитвы молитвенника перетрощая поклонами с краткими к Богу воззваниями. По молитве читайте с размышлением и все читаемое прилагайте к себе или додумывайтесь, как осуществить то в своей жизни. Я писал уже и еще повторяю: было бы много плодотворно, если бы Вы каждое утро кратко записывали порождающиеся или размышлением добываемые мысли при чтении Евангелия и Апостола. Возьмитесь за этот труд и совершайте его в простоте, без всяких словоизвитий.

7. Трудясь всеусильно, всю печаль Вашу об успехе возверзите на Господа. Уверенность в Боге — корень духовной жизни. Вдруг ничто не дастся, все придет в свое время. Все, что взыщете с верою, придет. А когда? Когда Господу угодно будет подать. Терпите, твердо стоя в начатых порядках. Воодушевляйтесь

надеждою, что придет день, когда воссияет в сердце свет обрадования и возвратит ему свободу от всех уз, и доставит легкость движения и возношения туда, куда повлекут добрые начертания духа. Будете парить тогда в области духовной, как птичка, выпущенная на свободу из клетки.

Благословение Господне на Вас! Матерь Божия да осеняет Вас покровом Своим! Ангел-Хранитель да защищает Вас от всех приражений вражеских!

Молитвенное правило для стоящего на пути богоугодной жизни. Заучивание псалмов. Замена длинных молитвословий краткими. Четки

Спрашиваете о молитвенном правиле. Да, надобно иметь молитвенное правило, немощи ради нашей, чтобы, с одной стороны, лености не давать хода, а с другой — ревность держать в своей мере. Самые великие молитвенники имели правило молитвенное и держали его. Всякий раз они начинали молитву с установленных молитв и потом уже, если в продолжение их находила молитва самодвижная, оставляли их и молились сею молитвою. Если они так, тем паче нам так надо поступать. Без установленных молитв и совсем не знаем, как помолиться. Не будь их, совсем оставались бы мы без молитвы.

Однако ж не надо набирать много молитв. Небольшое число молитв, как следует исполняемых, лучше, чем много молитв, спешно исполняемых, от чего трудно удержаться, когда их набрано не в меру, в жару усердия молитвенного.

Для Вас я полагаю совершенно достаточным исполнение утром и вечером положенных в молитвенниках молитв утренних и на сон грядущим. Только старайтесь всякий раз исполнять их со всем вниманием и соответственными чувствами. Чтобы это успешнее совершать, потрудитесь в свободное время особо почитать их все, обдумать и обчувствовать, чтобы, когда станете читать их на молитвенном правиле, Вам известны были святые помышления и чувства, содержащиеся в них. Не то значит молитва, чтобы прочитать только молитвы, но то, чтобы воспроизвесть в себе содержание их и так их произносить, как бы они шли от нашего ума и из нашего сердца.

Затем, обсудив и обчувствовав молитвы, потрудитесь заучить их на память, чтобы не хлопотать уже о молитвеннике и свете, когда придет время молитвы, и чтоб во время совершения ее не развлекаться тем, что видит глаз, а удобнее держаться в мысленном к Богу обращении. Сами увидите, как это многопомощно. Да и то, что в таком случае во всякое время и во всяком месте молитвенник с Вами, много значит.

Так подготовясь, когда стоите на молитве, заботьтесь удерживать ум от парения и чувство от холодности и равнодушия, всячески напрягаясь и внимание хранить, и теплоту чувства возгнетать. После

каждой прочитанной молитвы кладите поклонов, сколько рассудите, со своим молитвенным словом о чувствуемой нужде или с обычною краткою молитовкою. Чрез это молитва немного продлится, но сила ее возрастать будет. Особенно по окончании молитв подольше сами помолитесь, прося прощения за невольные отбегания ума и предавая себя в руки Божии на целый день.

И днем надо поддерживать молитвенное внимание к Богу. Для этого, как не раз уже говорено, память о Боге, а для нее — краткословная молитва. Хорошо, и очень хорошо — заучить на память несколько псалмов и читать их за делом или между делами, иногда вместо коротенькой молитовки, с размышлением. Это древнейший обычай христиан, замеченный и введенный в устав еще святым Пахомием и святым Антонием.

Проведши так день, вечером усерднее и собраннее помолитесь, усугубьте и поклоны, и свои к Богу обращения и, паки предав себя в руки Божии, отходите ко сну с краткою молитвою на устах и засыпайте с нею или с прочитыванием какого-либо псалма.

Какие псалмы заучить? Заучите, какие вспадут на сердце при прочитывании их. На одного одни, на другого другие псалмы более действуют. Начните с: *Помилуй мя, Боже* (Пс. 50), далее: *Благослови, душе моя, Господа* (Пс. 102) и: *Хвали, душе моя,*

Господа (Пс. 145) — антифонные псалмы Литургии; еще начальные псалмы в правиле ко Святому Причастию: *Господь пасет мя* (Пс. 22), *Господня земля, и исполнение ея* (Пс. 23), *Веровах, темже возглаголах* (Пс. 115); псалом первый повечерия: *Боже, в помощь мою вонми* (Пс. 69). Псалмы часов... и подобные. Читайте Псалтирь и выбирайте.

Заучив все сие, Вы будете всегда во всеоружии молитвенном. Когда придет какая смутительная мысль, спешите или с краткою молитвою к Господу припадать, или читать какой-либо псалом, особенно: *Боже, в помощь мою вонми*... и все облако смущения тотчас развеется.

Вот Вам и всё о молитвенном правиле. Но и еще повторю: помните, что всё сие суть пособия, главное же — *умное в сердце Богу предстояние с благоговеинством и болезненное к Нему припадание*.

Пришло мне на мысль сказать Вам еще и вот что! Можно все правило молитвенное ограничить одними поклонами с коротенькою молитовкою и с своим молитвенным словом. Становитесь и кладите поклоны, говоря: *Господи, помилуй!* — или другую, изъявляя свою нужду или хвалу и благодарение Богу воздавая. Чтобы не вкралась сюда леность, надо или число молитовок определить, или время, сколько должна длиться молитва, или то и другое вместе.

Необходимо это, потому что есть какая-то у нас непонятная странность. Когда, например, занимаем-

ся чем-либо внешним, то часы проходят, будто одна минута. Но когда становимся на молитву, то и минуты не пройдет, а уж кажется, что молились долго-предолго. Это помышление не причиняет вреда, когда совершают молитву по установленному правилу, а когда кто молится, только поклоны кладя с коротенькою молитвою, то оно представляет большое искушение и может прекратить молитву, едва начавшуюся, оставляя обманчивое уверение, что молитва прошла как следует. Вот добрые молитвенники и придумали, чтобы не подвергаться этому самообману, четки, которые и предлагаются для употребления тем, кто полагает молиться не молитвами молитвенника, а сам от себя. Употребляют их так: скажут *Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного*, или *грешную* — и переложат одну четочку между пальцами; скажут так в другой раз и еще переложат и так далее; при каждой молитовке поклон кладут, поясной или земной, как охота, или при маленьких четочках — поясной, а при больших — земной. Правило все при сем состоит в определенном числе молитовок с поклонами, куда вставляются и другие молитвы, своим словом сказываемые. Для того чтобы и тут не обмануть себя поспешностью произношения молитовок и кладения поклонов, при определении числа поклонов и молитв определяют и время длительности молитвы, чтобы отсекать поспешность, и, если

вкрадется она, наверстать время приложением новых поклонов.

Сколько за какое молитвословие следует класть поклонов, у нас положено в Следованной Псалтири, в конце, и в двух пропорциях: для усердных и для ленивых или занятых. Старцы, которые и теперь у нас живут в скитах или особых келиях, например на Валааме и в Соловках, все службы таким образом справляют. Если хотите или иногда захотите, и Вы свое правило можете сим образом справлять. Но прежде потрудитесь навыкнуть справлять его как прописано. Может быть, и не потребуется сие новое установление правила. Про всякий, однако ж, случай посылаю Вам четочки. Поступите вот как! Заметьте, сколько у Вас проходит времени за утреннею и вечернею молитвою, потом сядьте и приговаривайте свою коротенькую молитовку по четкам и смотрите, сколько раз Вы пройдете четки в продолжение времени, употребляемого Вами обычно на молитву. Это число и пусть будет мерою Вашего правила. Это Вы сделаете не во время молитвы, а помимо ее, хоть с таким же вниманием. Правило же молитвенное сим способом совершайте потом, стоя и поклоны кладя.

Прочитав это, не подумайте, что гоню Вас в монастырь. О молитве по четкам я сам в первый раз услышал от мирянина, а не от монаха. И многие миряне и мирянки молятся сим образом. И Вам приго-

дится сие. Когда молитвословие по чужим заученным молитвам причитается и не станет возбуждать, можете этим образом помолиться день-другой, потом опять — по заученным молитвам. И так — вперетруску.

И еще повторю: существо молитвы в возношении ума и сердца к Богу; эти правильца идут в пособие. Не можем мы обойтись без них, немощны суще. Благослови Вас, Господи!

Как достигнуть надлежащей нерассеянной молитвы. Приготовление к должному отправлению молитвы

Пишете, что никак не управитесь с мыслями, всё отбегают и молитва идет совсем не так, как бы хотелось; а днем, среди занятий и встреч с другими, почти и не вспомнишь о Боге.

Вдруг нельзя. Надо порядочно потрудиться, чтобы хоть сколько-нибудь установились мысли; а так, как Вы ожидали: только начни, тут и есть, — никогда не бывает. Уж и то успех, что Вы стали замечать это и считать недолжным. И прежде ведь тоже бывало, но и горя мало, а теперь не только замечаете неустройство мыслей, но и беспокоитесь из-за этого и желание изъявляете, как бы сладить с ними. И извольте продолжать и разжигать сие беспокойство и напрягать усилие к исправлению своей неисправности.

Я уже писал, что постоянство и непрерывность труда над собою есть неотложное условие успеха в духовной жизни. Прочное умиротворение мыслей

есть дар Божий, но дар сей не дается без усиленных собственных трудов. И одними своими трудами Вы ничего не достигнете, — и Бог ничего Вам не даст, если не потрудитесь всеусильно. Таков закон неотложный. У Вас есть книга бесед святого Макария Египетского. Извольте прочитать девятнадцатую беседу — о том, что христианам должно нудить себя на всякое добро. Там пишется, что надлежит нудить себя и на молитву, если не имеет кто духовной молитвы, и что в таком случае Бог, видя, что человек усильно подвизается и против воли сердца обуздывает себя (то есть свои мысли), дает ему истинную молитву, то есть неразвлеченную, собранную, углубленную, когда ум неотходно Богу предстоит. А как только во время молитвы начнет ум неотходно пребывать с Богом, то после он уж не захочет отступать от Него, ибо с сим сопряжена сладость, вкусив которой, не хотят вкушать ничего другого.

А какой именно здесь труд надо употреблять, я уже не раз поминал: произвольно мыслям блуждать не позволять, а когда невольно отбегут, тотчас ворочать их назад, укоряя себя, жалея и болезнуя о сем нестроении. Святой Лествичник на это говорит, что «надо с усилием заключать ум свой в слова молитвы».

Вот когда заучите на память молитвы, как я писал прошлый раз, может быть, дело пойдет лучше. Лучше бы всего в церковь ходить, там скоро раскрылся бы

дух молитвенный, потому что там все к тому направлено; но для Вас это дело неудобное. Уж трудитесь дома навыкнуть молиться нерассеянно и прочее время с Богом пребывать, сколько можете. Заучивая молитвы, не забудьте во всякое слово вникнуть и всякое прочувствовать, тогда и на молитве слова те будут приковывать Ваше внимание и возгревать молитвенное чувство.

Делайте еще вот что. Не вдруг становитесь на молитву после домашних хлопот, разговоров и беганий, а немного подготовляйтесь к ней, стараясь наперед собрать мысли свои и направить их к достодолжному предстоянию пред Богом. Возбудите в себе чувство нужды в молитве, и именно в сей час, ибо другого, может быть, и не будет. Не забывайте также восстановлять сознание своих духовных нужд и ближе всего настоящей Вашей нужды — устроения мыслей в молитве с желанием найти им удовлетворение, и именно в Боге. Когда будет на сердце сознание и чувство таких нужд, тогда само сердце не даст Вам отбегать мыслями на другое, а будет заставлять Вас умолять Господа о них. Паче же всего посильнее восчувствуйте свою всестороннюю беспомощность: что если не Бог, то пропадать Вам совсем. Если кому угрожает беда, а он пред собою лицо имеет, могущее одним мановением избавить его от сей беды, станет он туда и сюда озираться при сем? Нет, падет пред

ним и будет умолять. Так будет и с Вами в молитве, когда приступите к ней с чувством всесторонней беды и сознанием, что избавить Вас некому, кроме Единого Бога.

За всеми нами водится немалый грешок, что, тогда как ко всякому другому делу приступаем с некоторым приготовлением, как бы оно мало ни было, за молитву беремся с ветру и спешим ее отделать как можно поскорее, как будто это дело какое мимоходное, придаток к делам, а не главнейшее из них. Откуда же при этом быть собранности мыслей и чувствам в молитве? Вот она и идет кое-как, нестройно. Нет, уж Вы извольте отказать себе в этом грешке и ни под каким видом не позволяйте себе ветреничать в отношении к молитве. Доведите себя до убеждения, что такое отношение к молитве есть преступление, и преступление тяжелейшее — уголовное. Считайте молитву первым в жизни своей делом и такою в сердце своем имейте ее. Затем и приступайте к ней как к первому делу, а не как к междуделию.

Трудитесь. Бог Вам буди помощник. Но смотрите, исполняйте, что Вам прописывается. Если станете исполнять, то скоро-скоро увидите плод. Добивайтесь ощутить сладость истинной молитвы. Когда ощутите, тогда это будет манить Вас на молитву и воодушевлять к претрудной и внимательной молитве. Благослови Вас, Господи!

Житейские дела. Как относиться к делам житейским, чтобы они не отвлекали, а совмещались со служением Богу

Продолжаю речь на Вашу жалобу о неустроении мыслей по причине житейских занятий.

Без дела как быть? Будет грешная праздность. И работать что-нибудь надо, и кое-какие по дому хлопоты исполнять. Это долг Ваш. И внешних отношений пресечь нельзя. Надо держать их, и держать достодолжно. Это долг общежития человеческого. Но все такого рода дела и занятия можно и должно справлять так, чтобы они не отбивали мысли о Боге. Как же это?

Есть у нас поверье, и чуть ли не всеобщее, что коль скоро займешься чем-либо по дому или вне его, то уже выступаешь из области дел Божеских и Богу угодных. Оттого когда породится желание жить богоугодно или зайдет речь о том, то обыкновенно с этим сопрягают мысль, что уж коли так, то беги из общества, беги из дома в пустыню, в лес. Между тем

и то и другое не так. Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и обществ, суть Богом определенные дела, и исполнение их не есть отбегание в область небогоугодную, а есть хождение в делах Божеских.

Имея такое неправое поверье, все так уж и делают, что при житейском и общественном и заботы никакой не имеют о том, чтобы думать о Боге. Вижу, что это поверье и Вами владеет. Извольте же отбросить его и убеждение возыметь, что все, что Вы делаете по дому и вне по делам общежития как дочь, как сестра, как московка теперь, есть Божеское и Богу угодное. Ибо на все, сюда относящееся, есть особые заповеди. Заповедей же исполнение как будет неугодно Богу? Своим поверьем Вы точно делаете их неугодными Богу, потому что исполняете их не с тем расположением, с каким хочет Бог, чтобы они были исполняемы. Божеские дела не по-Божиему у Вас творятся. Они и пропадают даром, и еще от Бога ум отбивают.

Исправьте же это и отселе начинайте все такие дела делать с сознанием, что так делать — заповедь есть, и делайте их, яко заповедь Божию исполняюще. Когда Вы так настроитесь, то ни одно дело житейское не отдалит Вашей мысли от Бога, а, напротив, приблизит к Нему. Все мы рабы Божии. Каждому Он назначил свое место и дело и смотрит,

как кто исполняет его. Он везде есть. И за Вами Он смотрит. Содержите сие в мысли и всякое дело делайте, как бы оно было поручено Вам прямо от Бога, каково бы это дело ни было.

Так делайте дела по дому. А когда кто совне приходит или сами выходите вовне, держите в мысли в первом случае, что Бог Вам послал то лицо и смотрит, по-Божиему ли Вы его примете и к нему отнесетесь, а во втором — что Бог поручил Вам дело вне дома и смотрит, так ли Вы сделаете его, как Он хочет, чтоб Вы его сделали.

Если настроитесь так, то ни домашнее, ни внедомовое — ничто не будет отвлекать ума Вашего от Бога, а, напротив, будет держать при Нем, с соображением, как бы сделать дело приятно Богу. Все будете делать со страхом Божиим, а сей страх будет поддерживать неотступное внимание к Богу.

А то, какие дела по семье и вне оной угодны Богу, это извольте уяснить хорошенько, взявши в руководство книжки, в которых излагаются должные здесь дела. Хорошенько уясните, для того чтобы в нынешних житейских и общественных порядках отделить от достодолжного все то, что внесено сюда суетностью, страстями, человекоугодием и мироугодием. Но от всего этого после изъявленной Вами решимости жить богоугодно Вы, конечно, и без особых напоминаний устранитесь.

Кроме сказанного поверья, прививается к делам нашим еще некая, назову так, *немочь*. Это — забота. Что всякое дело, сознанное достодолжным, надо делать со всем усердием — это есть долг, огражденный страшным прещением: *проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением* (ср.: Иер. 48, 10). Но забота, или многозаботливость, точащая сердце и покоя ему не дающая, есть болезнь падшего, который взялся сам устроить свою судьбу и мечется во все стороны. Она разбивает мысли и даже на том деле, о котором хлопочет, не дает им сосредоточиться. Так вот извольте вникнуть и, если найдете, что и Вас одолевает иногда эта *забота*, потрудитесь прогнать ее и не давать ей хода. Усердие к делам имейте и, делая их со всем тщанием, успеха ожидайте от Бога, Ему посвящая и самое дело, как бы оно мало ни было, — а заботу подавляйте.

Сделайте так — и Ваши занятия и дела житейские не будут Вас отвлекать от Бога. Помоги Вам, Господи!

Продолжение. Какими способами можно возбуждать в себе непрестанное памятование о Боге с любовью

И еще слово-другое в дополнение к сказанному.

Памятовать надо о Боге. Надо довесть сие до того, чтобы мысль о Боге сроднилась и срастворилась с умом, и сердцем, и с сознанием нашим. Чтобы утвердилась такая память и такая мысль, надо потрудиться над собою неленостно. Потрудитесь — Бог даст, достигнете сего; не потрудитесь — не достигнете. А не достигнете этого, ничего из Вас и не выйдет; никакого успеха в духовной жизни не получите; да ее и совсем не будет, ибо это и есть духовная жизнь. Вот как это существенно важно!

Напрягаясь держать мысль о Боге, держите ее не голою, а соединяйте с нею и все известные Вам понятия о Боге, Божеских свойствах и действиях, углубляя ум то в то, то в другое. Размышляйте больше о творении Божием и промышлении, о воплощении Бога Слова и совершенном Им деле спасения нашего, о Его

смерти, воскресении и вознесении на Небо, ниспослании Духа Святого, устроении Святой Церкви, хранительницы истины и благодати, и об уготовании обителей Небесных для всех верующих в Царстве Небесном и для Вас самих. Приложите размышление и о свойствах Божиих — неизреченной благости, премудрости, всемогуществе, правде, вездесущии, вседержительстве, всеведении, всеблаженстве и величии. Все сие извольте обсуждать и во время молитвы, а лучше особо, при чтении. Когда обсудите все и ясно будете созерцать, то при мысли о Боге будете иметь не голую мысль, а мысль, сопровождаемую и привлекающую множество спасительных помышлений, действующих на сердце и возбуждающих энергию духа. Можете составить свою коротенькую молитовку богохвальную, в которой бы все сие совмещалось. Например, хоть в таком виде: Слава Тебе, Боже, в Троице покланяемый, Отче, Сыне и Душе Святый! Слава Тебе, создавшему всяческая! Слава Тебе, почтившему нас образом Своим! Слава Тебе, не оставившему нас в падении нашем! Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, пришедшему, воплотившемуся, пострадавшему, умершему за нас, воскресшему, вознесшемуся на Небеса и Пресвятаго Духа нам ниспославшему, Церковь Твою устроившему для спасения нас и Царство Небесное нам обетовавшему и устроившему! Слава Тебе, Господи, дивным образом устрояющему спасение и

каждого лица, и целых народов! Слава Тебе, Господи, и меня влекущему ко спасению!

Этот последний пункт постарайтесь особенно уяснить, доведите себя до сознания великих Божиих милостей именно к Вам и потом всегда благодарите за них Бога. Благодарите за то, что Он дал Вам родиться на свет, родиться в среде христианского народа, от родителей благочестивых, и потом за то, что Он влагает в Вас такие святые решения, какие Вы постановили недавно и устроили еще поддержку силе решения. Просмотрите еще всю жизнь свою с начала, как стали помнить себя, и заметьте все случаи нечаянного избавления от беды и нечаянного получения радостей. Много бед мы и не замечаем, потому что они минуют нас незаметно для нас. Но, обернувшись назад, не можем не увидеть, что там и там была беда и миновала нас, а как миновала, сказать не можем. Усмотрите же в своей жизни такие случаи и исповедайте, что то была милость к Вам Бога, возлюбившего Вас. Ведайте, что сокровенных к нам — к каждому из нас — милостей Божиих неисчетное множество, ибо все от Бога. Исповедайте же сии милости и благодарите Бога от всего сердца. Но если вникнете хорошо в ход жизни Вашей, то найдете немало случаев и явной милости к Вам Божией. Быть бы беде, но она миновала, не знаете как. Бог избавил. Исповедуйте сие и благодарите Бога, Вас любящего.

И познание общих всем милостей согревает сердце, тем паче согреется оно от узрения милостей именно к Вам. Любовь возжигает любовь. Восчувствовав, как любит Вас Господь, не можете оставаться холодною к Нему: сердце само к Нему повлечется благодарением и любовию. Держите сердце под влиянием такого убеждения любви к Вам Господа — и теплота сердечная скоро возрастет в пламень любви к Господу. Когда сие совершится, тогда Вам не нужны будут никакие напоминания, чтобы памятовали о Боге, и никакие наставления, как в этом успеть. Любовь не дает и на минуту забыть любимого Господа. Се — предел. Извольте сие принять в уме, и принять с убеждением. И затем к сему именно направлять весь труд, предприемлемый на утверждение в уме и сердце мысли о Боге.

Самим Вам размыслить о Божиих свойствах и действиях, может быть, трудновато будет. Но у Вас, кажется, есть писания святителя Тихона. В его келейных письмах Вы найдете себе пособие самое пособительное. Святитель ясно созерцает всякое Божие свойство и действие и изображает его словом с теплотою и убеждением, которые, если будете читать внимательно, перельются и в Ваше сердце.

И еще бы пунктик надо Вам разъяснить, но то в другой раз.

Как обращать житейские дела и вещи на духовную пользу

Святитель Тихон навел меня на следующее для Вас полезное указание, именно — как всякую вещь превращать в проповедницу истин Божиих и в напоминательницу о Боге.

Вы писали, что занятия по дому отвлекают мысль от Бога. Я указал Вам, как сделать, чтобы они не отвлекали. Но Вы не помянули еще об одном, могущем отвлекать и действительно отвлекающем ум от Бога. Это то, что всякая вещь внешняя, действующая на чувства, обращает на себя внимание наше и покушается оторвать его от Бога. Но есть и здесь некоторый прием, при коем вещи видимые не отвлекать, а привлекать будут к Богу. Как же это?

Надобно Вам все вещи, какие бывают у Вас на глазах, перетолковать в духовном смысле и это перетолкование так набить в ум, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глаз видел вещь чувственную, а ум созерцал истину духовную. Например, видите

Вы пятна на белом платье и чувствуете, как неприятно и жалко это встретить. Перетолкуйте это на то, как жалко и неприятно должно быть Господу, Ангелам и святым видеть пятна греховные на душе нашей, убеленной созданием по образу Божию, возрождением в купели Крещения или омытием в слезах покаяния. Слышите Вы, что малые дети, оставшись одни, поднимают беготню, шум и гам. Перетолкуйте это на то, какой поднимается шум и гам в душе нашей, когда отходят от нее внимание к Богу со страхом Божиим. Обоняете Вы запах розы или другой какой, и Вам приятно, но, попав на течение дурного запаха, Вы отвращаетесь и зажимаете нос. Перетолкуйте это так: всякая душа издает свой запах*: добрая — хороший, страстная — дурной. Ангелы Божии и святые, а нередко и земные праведники обоняют сей запах и о хорошем радуются, о дурном же скорбят.

Это я говорю Вам только для примера, а всякая вещь разные может порождать духовные мысли, у одного одни, у другого другие. Как найдете более для себя пригожим, так и перетолкуйте все, Вас окружающее и могущее встретиться кроме того. Начинайте с дома и перетолкуйте все в нем: самый дом, стены, кровлю, фундамент, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочие вещи. Перейдите к жильцам и

* Апостол говорит: *мы благоухание Христово* (ср.: 2 Кор. 2, 15).

перетолкуйте: родителей, детей, братьев и сестер родных, слуг, приезжих и прочее. Перетолкуйте и обычное течение жизни: вставание, здорованье, обед, работы, отлучки, возвращения, чаепитие, угощения, пение, день, ночь, сон и прочее, и прочее, и прочее.

В пособие себе возьмите опять же святителя Тихона. У него целых четыре книги таких перетолкований написано, под именем «Сокровище духовное, от мира собираемое». Возьмите и почитайте. Почитавши и видя, как он это делает, навыкнете и сами собою делать то же. А то и прямо усвояйте себе его перетолкования. Если, может быть, прочитание тех книг покажется Вам слишком долгим делом, то у него есть и сокращенное всего перетолкование под заглавием «Случай и духовное от того рассуждение» (т. 2). Тут он перетолковал 176 случаев, всякий коротко. И Вам небольшого будет стоить труда пересмотреть их со вниманием, между тем они обнимают все, что Вам занадобится перетолковать. Впрочем, как знаете, только непременно сделайте так, как Вам предлагается.

Когда это сделаете, то всякая вещь будет для Вас что книга святая или что статья в книге. Тогда и всякая вещь будет приводить Вас к мысли о Боге, как и всякое занятие и дело. И будете Вы ходить среди чувственного мира, как в области духовной. Все Вам будет говорить о Боге и поддерживать Ваше внима-

ние к Нему. Если всякий раз Вы будете прилагать к сему напоминанию страх Божий и благоговеинство пред Его величием, то каких Вам еще нужно учителей и вразумителей?!

Но, конечно, нужны труд и напряжение, как умовое, так и сердечное. И не жалейте себя. Пожалеете себя — сгубите себя. Не пожалеете — спасете. Отбросьте Вы то неправое действование, какое часто нападает, и едва ли не на всех, — что на всякое дело мы не жалеем труда, а на дело спасения жалеем его. Думается нам, что тут стоит только подумать и захотеть — и все готово. А на деле не так бывает. Дело спасения — первое дело. Стало быть, и труднейшее. По важности дела и труд. Трудитесь же Господа ради! Вот-вот и плод увидите. А не станете трудиться, останетесь ни при чем и будете никуда негожая. Избави Вас, Господи, от сего!

Памятование о Боге должно доводить до чувства теплоты или горячей любви к Богу

Вы удивляетесь, что столько времени я толкую все об одном и том же. Конечно, говорите, для меня и другое многое нужно.

Да уж теперь покончил. За Вами остается только исполнять. А что так много толковал все о памяти Божией, так потому, что в этом вся сила. Когда утвердитесь в сем памятовании, не голом, а с благоговеинством и другими чувствами к Господу, тогда это памятование заставит Вас быть исправною и во всем прочем, и так исправною, что в исправности сей будет у Вас некое предивное благообразие, ибо бывает исправность суковатая, неуклюжая. Память сия будет у Вас господином, распорядителем и строителем всех дел, паче же внутреннего Вашего быта. В Вас тогда исполнится то, чего молитвенно благожелал апостол Ефесеям, а в лице их и всем христианам, говоря: *Да даст вам* (Бог) *по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша* (Еф. 3, 16—

17). Это и есть то, о чем я все толкую. Апостол считал сие так важным, что, молясь о сем, молился с особенным жаром: *преклоняю, говорит, колена... ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа* (ср.: Еф. 3, 14). Как же нам с Вами не толковать об этом? Когда утвердитесь во внутреннем человеке памятию Божиею, тогда и Христос Господь вселится в Вас. То и другое идет вместе.

И се Вам знамение, по коему можете удостовериться, что предивное дело сие начало совершаться в Вас, именно — теплое некое чувство к Господу.

Если будете исполнять все прописанное, то чувство такое скоро начнет появляться, и все чаще и чаще, а потом сделается и непрерывным. Чувство сие сладостно и блаженно и с первого появления своего возбуждает желание и искание его, чтобы оно не отходило от сердца, ибо в нем рай.

Хотите ли поскорее вступить в рай сей? Вот что делайте: когда молитесь, не отходите от молитвы, не возбудив в сердце какого-либо чувства к Богу: или благоговения, или преданности, или благодарения, или возвеличения, или смирения и сокрушения, или благонадежия и упования; также, когда, по молитве, читать станете, не отходите от чтения, не доведши вычитанной истины до чувства. Сии два чувства (приема), подогревая себя взаимно, могут, если будете внимать себе, и весь день продержать Вас под

своим влиянием. Потрудитесь в точности исполнять сии два приема — и сами увидите, что будет.

Когда вещь долго лежит под лучами солнца, она сильно нагревается; так будет и с Вами. Держа себя под лучами памяти Божией и под чувствами в отношении к Нему, Вы будете все более и более нагреваться неземною теплотою, а потом и совсем станете горячая, и не горячая только, но и горящая. И исполнится на Вас: *Огня приидох вовргщи на землю* сердец человеческих, и ничего столько не желаю, как того, чтобы он у всех поскорее возгорелся (ср.: Лк. 12, 49).

Приложите к сему и следующее сравнение: когда искра падет на горючее вещество, то вещество это начинает тлеть понемногу, потом вспыхнет, а наконец и все обымется пламенем и, будучи по естеству темно, станет светлым и светящим по причине объявшего его огня; так и с Вами будет. Согреваясь понемногу, затеплитесь, вспыхнет огонек духовный и, проникая Вас по частям, всю обымет и сделает светлою, хоть сами по себе Вы — тьма. Припомните при сем, что вначале было говорено о некоей оболочке души, а потом о лучезарности души облагодатствованной*. Вот что будет с Вами и в Вас! Истинно так. Но наперед надо труд и пот, а сколько времени — Единому Богу ведомо, ибо всё от Него. Ведайте только, что не обидлив Бог, чтобы забыл труд любви Вашей.

* Письма 13–14, 27.

Страсти как помеха духу возгореться любовию к Богу. Они должны быть изгнаны

Когда сердце Ваше затеплится теплотою Божиею, с того времени начнется собственно внутренняя Ваша переделка. Огонек тот все в Вас пережжет и переплавит, иначе сказать — все одухотворять начнет, пока совсем одухотворит. Пока не придет тот огонек, одухотворения не будет, как ни напрягайтесь на духовное. Стало быть, теперь все дело достать огонька. И извольте на сие направить весь труд.

Но сие ведайте, что огонек не покажется, пока страсти в силе, хоть им и не поблажают. Страсти то же, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принесть сухих дровишек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость и, по мере просушивания, зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, обымет пламенем и все дрова положенные.

Дрова наши суть все силы души нашей и все отправления тела. Все они, пока не внимает человек

себе, пропитаны сыростию — страстями — и, пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному. Помните, изображая Вам, что есть в нас, я писал, что есть в нас какая-то беспорядочная, бурливая область, в коей беспорядочно мятутся мысли, желания и чувства, как прах возметается страстями. Я помещаю сию область между душою и телом, означая тем, что страсти к естеству не принадлежат, а пришлые суть. Но они не остаются тут в промежутках, а проходят и в душу, и в тело, забирают и самый дух — сознание и свободу — в свою власть и таким образом господствуют над всем человеком. Как они в стачке с бесами, то чрез них и бесы господствуют над человеком, мечтающим, однако ж, что он сам себе господин.

Вырывается из сих уз прежде всего дух. Благодать Божия исторгает. Дух, преисполняясь под действием благодати страхом Божиим, разрывает всякую связь со страстями и, раскаявшись в прошедшем, полагает твердое намерение угождать прочее Единому Богу и для Него Единого жить, ходя в заповедях Его. Стоя в этой решимости, дух с помощию благодати Божией изгоняет потом страсти из души и тела и все в себе одухотворяет. Вот и в Вас дух исторгся из державших его уз. Сознанием и произволением Вы стоите на стороне Божией. Богу хотите принадлежать и Ему Единому угождать. Это — точка опо-

ры для Вашей деятельности в духе. Но тогда как дух Ваш восстановлен в своих правах, душа и тело остаются еще под действием страстей и терпят от них насилие. Вам остается теперь вооружиться против страстей и побить их — изгнать из души и тела. Борьба со страстями неизбежна. Они не уступят сами собою своих владений, хотя незаконных.

Перед этим я все толковал Вам о памяти Божией, о пребывании с Богом и хождении пред Ним. И Вы подивились: что все об одном толкую? Память Божия — жизнь духа. Она и ревность к богоугождению поджигает, и Вашу решимость быть Божиею делает непоколебимою. Се, повторю опять, — точка опоры для жизни в духе и, прибавлю, базис стратегических операций Ваших против страстей.

Спросите: да как же это так? Когда я вниманием и желанием своим обратилась к Богу, какое место тут страстям? Но что спрашивать-то? Посмотрите, ведь они есть еще в Вас? Недавно Вы писали, что крепко рассерчали. Не страсть это? Но она одна не бывает, тут есть и гордость, и своя воля, и презорство. А перед тем поминали, что отказали в чем-то просящему. Это что? Не скупость? Еще Вы поминали, что какого-то лица терпеть не можете. Это не страсть? А что спать любите — это не страсть телолюбия? И это все еще мимоходом открылось, а поройтесь в себе получше — чего-чего там не найдете.

Так нечего спрашивать. Знаете наверно, что страсти в Вас и что их надо изгнать, потому что их пребывание незаконно и вредно, так как они мешают дальнейшему преуспеянию в духовной жизни. И вооружитесь против них. Не робейте. Дело это очень просто: два-три приема — и всё тут. Но об этом до другого раза.

О борьбе со страстями

Продолжаю. *Страсти* в нас, но самостоятельности в нас не имеют. Разум, например, есть существенная часть души, и его никак отнять нельзя, не уничтожив души. А страсти не таковы. Они привзошли в естество наше и выгнаны из него быть могут, не мешая человеку быть человеком, а, напротив, быв изгнаны, оставляют человека настоящим человеком, тогда как присутствием своим портят его и делают из него лицо, во многих случаях худшее животных. Когда они владеют человеком и человек любит их, то они так сродняются с естеством человеческим, что, когда действует по ним человек, кажется, будто он действует от своего естества. Кажется так потому, что человек, подчинившись им, действует по ним самоохотно и даже убежден бывает, что иначе нельзя: природа.

Все они (страсти) исходят из самоугодия, самости, самолюбия и на них держатся. Коль же скоро, отвергшись себя, человек воодушевляется

решимостию Единому Богу угождать, то в этом самом акте духовном страсти все теряют свою опору, становятся вне сознания и произволения, которыми прежде владели. Потеряв же опору, они уже лишаются прежней определяющей силы, по коей человек влекся вслед их, как ослик на обрывочке за хозяином. Прежде, как только покажется страстное побуждение, тотчас человек всеми силами своими устремлялся на удовлетворение его, а теперь уже не то. Показываться они и теперь показываются, но, вместо того чтобы бросаться поскорее угодить им, человек дает им отпор и прогоняет с глаз своих.

Вот что теперь и в Вас есть после того, как Вы с таким жаром положили работать Господу, не жалея себя. Страсти, правда, не успели еще дотоле разрастись в Вас и окрепнуть, но все они были, и Вы действовали по ним, не сознавая, что идете против себя, и даже величаясь подчас своим, например, благородным негодованием или своею благородною гордостию, тогда как и в благородном виде они так же неблагородны, как и во всяком другом. Были они прежде и без Вашего почти сознания овладевали иногда Вами; будут они и теперь показываться, но овладевать Вами не должны. Я бы сказал: не будут, потому что теперь тою решимостию Вашею всякая власть их пресечена — пресечена вместе с тем, как Вы положили *не жалеть себя* для Бога. Но не

знаю, как пойдет у Вас дело сие, ибо не положить только надо, но и исполнять — исполнять постоянно, без уступки. Самосожаление так льстиво, страсти принимают иногда такую благовидность, что очень не дивно, если Вы опять по-старому будете работать страстям, хоть и не так ясно сознавая сие и замечая.

Видите из сего, что, несмотря на то что Вы уже решились Богу Единому угождать и уяснили себе достаточно, чего требует от Вас воля Божия святая и совершенная, Вам предлежит строго держаться следующих правил: *Блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри: искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 15–16). Эти дни лукавые суть лукавое время, лукавое состояние и положение, в коем находимся по причине лукавнующих в нас страстей. *Трезвитеся, бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8). *Блюдите, бдите и молитеся* (Мк. 13, 33).

Над чем же это бдеть и чего блюстись? Зорко смотрите, чтобы не подкралась какая-нибудь страсть, и блюдитеся, как бы она не обманула Вас и не заставила сделать что-либо в угоду ей, большое или маленькое. Хоть Вы и незаметно пойдете на страстное и ненарочно сделаете что по нему, но все это будет дело дурное, в угоду врагу сделанное, а не Богу. Надо так устроиться, чтобы враг ничем не поживился около Вас, даже самомалейшим. А для сего бдеть, бодрствовать, трезвиться и блюсти.

Все эти действия означают одно: смотреть, как бы не подкрался враг. Бдеть и бодрствовать — значит не спать, не предаваться нерадению, но держать и душу, и тело в напряжении. Трезвиться — значит не прилагать сердца своего ни к чему, кроме Бога. Это прилепление делает душу пьяною, и она начинает делать не знать что. Блюсти — значит строго смотреть, чтобы в сердце не показалось что-либо недоброе. Когда будете вы, держа силы свои в напряжении и не прилагая ни к чему сердца, зорко смотреть за всем происходящим внутри, то Вы будете настоящим образом исполнять приведенные выше Господни и апостольские предписания — будете стоять на страже.

Это первое в борьбе со страстями. Коль скоро просмотрен и пропущен враг, то уж тут жди или раны, или совсем поражения. Враг же замеченный не страшен. Только пригрози — и побежит. Такова уж уловка наших духовных врагов, что, как только увидят, что они открыты, сейчас утекают, хоть это, конечно, не всегда бывает. Есть и тут озорники такие, что, ни на что несмотря, все лезут и лезут.

До всего этого мы договоримся еще. А теперь — спасайтесь!

Продолжение о борьбе со страстями

Положим, что Вы сторожите за своим сердцем. Усторожите ли?

Во-первых, скажу, что Вы имеете возможность усторожить. Когда темно, и большой вещи не заметишь, а когда светло, то и маленькая сама собою бросается в глаза. В душе темно, пока она не обращается к Богу, а живет в самоугодии; когда же обратится к Богу, то в нее входит свет и мысль о Боге, как солнышко, все в ней освещает. Кто живет в самоугодии, тому нечего и говорить: смотри, как бы не прокралась какая-либо страсть, потому что самоугодие есть притон всех страстей; оно и принимает их, и прикрывает, и оправдывает, и угодное им творит без попеpечения. А кто к Богу обратился и, отвергшись себя, Богу угождать положил, тот уже по сему самому видит, что неугодно Богу, и тотчас замечает это. Неугодно же Богу все страстное, потому что страсти все противны заповедям Божиим, которые одни угодны Богу, яко волю Его выражающие. Вот и Вы

положили, не жалея себя, угождать Богу и тем разогнали тьму душевную и восприяли освещение в духе. Если исполняете то, что Вам писано о памяти Божией, то в Вас и солнце духовное светит. Стало Вам очень возможно усмотреть, если что подойдет к Вам страстное.

Во-вторых, скажу, что Вы и приготовились к тому. Когда пред исповедию Вы пересматривали себя и уясняли достодолжный для Вас образ действования на будущее, то в этом действии Вы наметили и чего избегать должно. Чего избегать должно — это и есть область страстей, всегда противящихся тому, что делать должно. Надо смиренным быть, а страсть научает гордости и тщеславию; надо кротким быть, а страсть заставляет серчать и гневаться; надо радоваться благополучию других, а страсть возбуждает зависть; надо прощать обиду, а страсть возжигает месть. Так и всему достодолжному противится свое страстное чувство и движение. Все это Вами уяснено для себя и скреплено решимостию и обетом должное одно делать, а недолжное, то есть страстное, все отвергать. Я и говорю, что по сему самому Вы готовы не сторожить только за собою, но и усторожить: заметить всякую подкрадывающуюся страсть.

Разве только вот почему неудачно будет Ваше сторожение за собою, что страсть не всегда подходит в грубом своем виде, а нередко представляется

в такой благовидности, что и не догадаешься, что это страсть, а подумаешь, что это нечто доброе. Гнев, например, когда воспламенится, всякому видно, что это страсть. Но он не всегда является в своем грубом виде, а нередко приходит и в виде благородного негодования. Так и всякая страсть имеет обычай облекаться в благовидность и рисоваться яко благородною. Вы — благородная и очень удобно можете быть уловляемы на эту удочку. Смотрите же! Надо отвергать все страстное, в самомалейших его проявлениях и в тончайших его чертах. Отвергать?! Следовательно, замечать и не пропускать внутрь.

Но как же быть-то? Ведь прокрадется под прикрытием такой благовидности! Во-первых, если Вы вседушно обратились к Богу и всецело Ему себя предали, то Он никогда не оставит Вас без вразумления. Ангел Его, хранитель Ваш, всегда вложит Вам мысль предостерегательную. Внимайте себе и прислушивайтесь к гласу, обличающему недолжное. Во-вторых, когда начнете борьбу со страстями, — да Вы уже и начали ее, — то начнет у Вас или уже и начала образовываться опытность духовная: умение сразу отличать правое от неправого. Положите только отнюдь не пропускать ничего, сознанного страстным, в каком бы малом и располагающем к снисхождению виде оно ни являлось. Если будете так поступать без жалости, то опытность Ваша скоро

возрастет. Святой Павел поминает в одном месте о чувствах, обученных в *разсуждение добра же и зла* (Евр. 5, 14). Вот это и у Вас образуется. Как вкус различает яства, так сердце, обученное чувством своим, будет сказывать, что хорошо и что нехорошо.

Скажете: пока-то обучишься, а тут страстное все будет проскользать да проскользать. Правда, что так бывает, — и с Вами будет. Но ведь Вы уж, конечно, никакой страсти не допустите в ее грубом виде. На этом и стойте крепко. А если что страстное прокрадется воровски, за то Бог не взыщет. Он взыскивает только за то, что из страстного сознательно пропускается, а что проскользает незаметно, за то не взыскивает. Что страстное незаметно пропущено, а потом сознано, что сему не следовало быть, очищайте то покаянием пред Господом и вместе рассматривайте, как оно прокралось, и принимайте меры на будущее. И чрез это будете научаться, как управляться с страстями и со всем страстным.

Но есть один прием, которого если держаться со всем вниманием, то редко что страстное проскользнет незамеченным, именно: обсуждать свои мысли и чувства, к чему они клонят, к угождению ли Богу или к самоугодию. Это определять совсем не трудно. Только внимайте себе. Ведайте, что коль скоро Вы делаете что наперекор самоугодию, то тут ошибки нет. Один старец говорил своему ученику: «Смотри,

не держи у себя изменника». «Кто такой изменник?» — спросил ученик. «Самоугодие», — отвечал старец. И точно. Оно всем бедам вина. Если разберете, то увидите, что все допущенное худое от него произошло. Следовательно, если пойдете наперекор ему с решительностию неуступчивою, то наверно ничего недолжного не допустите. И я всеусердно желаю Вам: не держите у себя этого злого изменника.

По всему сказанному я заключаю, что Вы легко усторожите за собою, если не разленитесь, не распустите внимания и не ослабите воспринятой ревности (помните Вашу фразу?) — держать себя на уровне человеческого достоинства. Благослови, Господи!

Должно изгонять и малейшие движения страстей... Позволительный гнев

Хочу Вас похвалить — или нет, хочу представить выгоды Вашего положения в отношении к страстям.

Вы мало жили и не успели еще глубоко остраститься. Страсти хоть все есть в Вас, но они еще как малолетние дети, слабы и разве только докучливы. В этом — большая для Вас выгода, потому что для Вас во многих-многих случаях достаточно только заметить страстное, чтобы отвернуться от него или прогнать его. Не так, как у тех, которые долго жили и много удовлетворяли страстям. Там они рыкают, как львы, и бросаются на восстающего против них с ожесточением. Но есть в этом и немалая невыгода — именно та, что ради легкости страстных помыслов, чувств и движений Вы можете равнодушно к ним относиться, думая: невеликое дело, пройдет само собою, за всякою мелочью не нагоняешься! Это помышление, столь у Вас естественное, опасно. Так действовать — значит оставлять страстные чувства и

движения на их волю расти и крепнуть. Они будут крепнуть и из маленьких сделаются большими. Тогда они уж не станут обращаться вспять от одного неблаговолительного взора Вашего.

Отсюда извольте вывесть такое заключение, что в каком бы малом и слабом виде ни показывалось страстное, к нему должно относиться как к самому большому и сильному. Когда пьете воду, то вынимаете и малейшую попавшую туда мушку; когда занозите палец, то, будь заноза едва видна по малости, Вы спешите избавиться от беспокойства, ею причиняемого; когда попадет в глаз порошинка самомалейшая и мутит глаз, Вы поднимаете большие хлопоты, чтобы поскорее очистить от нее глаз. Так положите себе законом действовать и в отношении к страстям: в каком бы маленьком виде они ни появлялись, спешите выгонять их, и так безжалостно, чтобы и следа их не оставалось.

Как выгонять? Неприязненным к ним движением гнева или рассерчанием на них. Как только заметите страстное, поскорее постарайтесь возбудить в себе серчание на него. Сие серчание есть решительное отвержение страстного. Страстное не может иначе держаться, как сочувствием к нему; а серчанием истребляется всякое сочувствие — страстное и отходит или отпадает при первом его появлении. И вот только где позволителен и благопотребен гнев.

У всех святых отцов нахожу, что гнев на то и дан, чтобы им вооружаться на страстные и грешные движения сердца и прогонять их им. Сюда же относят они слова пророка Давида: *Гневайтеся, и не согрешайте* (Пс. 4, 5), повторенные потом и святым апостолом Павлом (см.: Еф. 4, 26). Гневайтесь на страсть, и не будете согрешать, потому что, когда гневом прогнана страсть, всякий повод ко греху сим пресекается.

Вооружитесь же так на страсти. Гнев на страсти у Вас должен быть вкоренен с той минуты, как Вы положили всеусердно работать Господу, творя благоугодное пред Ним. Тут у Вас заключен союз с Богом на вечные веки. Сущность же союза такова: твои друзья — мои друзья, твои враги — мои враги. А страсти что суть Богу? Враги. Во всем слове Божием объявляется полное к ним неблаговоление Божие. Гордым Бог противится; сребролюбие — идолослужение; человекоугодников разсыпа кости Бог и прочее, и прочее. Потому апостол и предписал христианам о страстях: *ниже да именуется в вас* (Еф. 5, 3). Так вот, по порядку, гневу на страсти следует воспламеняться в Вас, как только они покажутся. Но по причине нашего повреждения не всегда бывает так. Почему гнев на страсти требует особого, свободного, намеренно на них направленного неприязненного действия, усилия, напряжения.

Чтобы успеть в этом, надлежит вслед за тем, как замечено в себе страстное, поспешить сознать и признать в нем врага себе и Богу. Почему поспешить нужно? Потому что с первого раза появление страстного всегда вызывает к нему сочувствие. Ибо самоугодие долго еще скрытно живет в нас и после того, как мы явно отверглись себя и Богу себя предали и не хотим ни на йоту нарушать сего решения. Этим скрытным самоугодием, или самостию, всегда благосклонно встречаемо бывает страстное, каковая благосклонность и выражается большим или меньшим сочувствием к нему. Так вот и надобно сочувствие это отбить и гнев возбудить. То и другое посредствуется и пособствуется сознанием и признанием врага в показавшемся страстном помысле или движении, как бы они льстивы ни были. Коль скоро вражество страсти сознано, рассерчать на нее уж нисколько не мудрено. Рассерчание это возникает само собою.

Для сознания в страстном врага не требуется большая головоломная работа. Довольно восстановить убеждение, что ко всему страстному не благоволит Бог; не благоволит потому и ко всем, которые принимают и лелеют в себе страстное. Стало быть, страстное Бога против нас восставляет и нас от Него отбивает. А в этом конечная пагуба наша. Помышления сии и убеждения в одно мгновение у внимательного воссиявают в сознании и тотчас отзываются в

сердце неприязнию к страстному, серчанием и гневом на него. А барахтаться со страстным, придумывая разные против него обвинительные пункты, не барахтайтесь. Успех от этого очень сомнителен. Между тем пока Вы переберете все обвинительные пункты, подсудимый — страсть — сидит тут же, хоть на скамье подсудимых, и все еще держится за своего адвоката — сочувствие. А это значит держать в себе произвольно нечистоту, что опасно. Нет уж, положите без всяких рассуждений, как только заметите в себе что страстное, тотчас сознать в нем врага — и рассерчать на него.

Разные степени развития страсти: страстные мысли, чувства, желания и действия. Борьба с ними

Что страстное показывается в нас, в этом еще не неизбежная беда. Это означает, что мы нечисты, но не делает нас виновными. Виновность наша начинается с того, как мы благосклонно отнесемся к замеченному страстному, то есть не поспешим сознать в нем врага и не вооружимся против него гневом, а, напротив, примем его и станем любоваться им, услаждаясь тем движением, в котором оно явилось. Это будет показывать уже, что мы не прочь быть приятелями страстному и, следовательно, неприятелями Богу. Ибо всякое *мудрование плотское* — страстное — *вражда на Бога* есть (ср.: Рим. 8, 7).

Где начинается произвол, там начинается и виновность, которая и растет по мере углубления в страстное. Опишу Вам, как все это бывает. Обычное наше состояние таково: мысли блуждают туда и сюда, чувства и желания хоть и колышутся, но без

определенного направления. Так бывает сплошь и рядом. Иногда целые дни проходят так. Мысли эти бывают большею частью суетные, прикрепляющиеся к текущим житейским делам и подручным занятиям. Между ними часто проторгается пустомыслие или мечтание не знать о чем. И пустые, и суетные мысли толпятся большею частью на поверхности души. Как укрощать и упорядочивать эту смятенность мыслей, мешающую памятовать о Боге и вещах Божеских, не раз уже Вам толковано.

Но вот смотрите, один предмет особенным некиим образом стал между другими и требует внимания. Заметьте этот моментик: стал и требует внимания. И никогда не пропускайте его без внимания. Сейчас делайте допрос: кто он, откуда и чего хочет? Ответы на это Вы сами тотчас же найдете, взглянув только на то, что представилось. Положим, это лицо человека, Вас когда-то оскорбившего. Очевидно, что кто-то желает, заняв Ваше внимание этим лицом и делом его, довесть Вас до негодования, рассерчания и даже желания отмстить. Так это и будет, если не примете должных мер. Какие меры принять, чтоб прогнать это представление? К чему оно хочет довесть Вас, есть худое состояние. Следовательно, оно Ваш враг. Относитесь же к нему и Вы вражески, то есть проводите его не с честью, тем приемом, о котором было говорено прошлый раз, именно — гневным отвержением.

Если Вы это сделаете, то тем совершенно расстроите уловку или сеть врага. Но если Вы остановите внимание на представившемся лице, то оно, сначала голое и единичное, окружится множеством других мыслей и образов, которые нарисуют в Вашем воображении очень яркую картину, как это лицо оскорбило Вас, со всеми соприкосновенностями того случая. Вместе с этим восстанет в сердце и прежнее чувство оскорбления, негодования и рассерчания. Страстный предмет или помысл о нем породил страстное чувство. Страстное вошло глубже. Если опомнитесь и сознаете, что делаете худо, позволяя себе разгораться страстию, то, конечно, и в этом увидите врага и отнесетесь к тому вражески, изгнав дурное чувство из сердца и прогнав из мыслей самый предмет, породивший его. Смятение пройдет, и мир душевный восстановится.

Но если Вы этого не сделаете, то к восставшему уже страстному чувству подойдут и другие и растравят его. Начнут Вам толковать: да как он смел? И что он за великая персона? Я сама не хуже его. Нет, этого нельзя так оставить. И не знаю, как я тогда пропустила. Если этак всем спускать, то и жить нельзя. Надо непременно ему доказать, что так поступать он не может безнаказанно. И се желание отмстить — большим или маленьким мщением, все одно, — у Вас готово. Страстное вошло еще глубже. Это уже третья стадия.

Если опомнитесь и здесь, можете отогнать и желание. Ибо желание еще не означает решимости. Оно в одну минуту пришло, а в другую может отойти. Поступите так — добре сделаете; не поступите — остращение Ваше пойдет дальше.

Заметьте: мысль породила чувство, мысль с чувством породили желание. Душа полна страстию. Но все это еще мысленные нечистоты и грешности. До дела еще далеко. Между желанием и делом всегда стоит решимость на дело с обдумыванием, как его произвесть. Как образуется решимость, не всегда видно. Она в слабом виде есть уже в желании, потом растет вместе с обдумыванием дела, то есть подбором средств и установлением способов и обстоятельств. Когда все обдумано, завершается и решимость. Тогда дело внутри уже совершено. Пред лицом Бога и совести грех уже сделан: заповеди презрены, совесть попрана. От пожелания до решимости с обдумыванием дела иногда проходит немало времени. Находит страх Божий, припоминаются и заповеди, и совесть не молчит. Но все их спасительные внушения отвергаются с презорством. Потому в решимости есть уже преступление и грех. Мысль, чувство и желание хоть всю душу уже заняли, но как будто все еще происходят на поверхности души. Склона к греху еще нет, а есть только позыв на него. Склон начинается с того момента, как душа начнет обдумывать, можно ли и

как сделать удовлетворение страсти. Тут душа вступает уже на путь греха.

Когда образовалась решимость, свобода связана, душа чувствует себя будто в необходимости непременно сделать задуманное. Но необходимости на это нет никакой. Это какой-то самообман внутренний происходит. Решенное может остаться неисполненным по внезапно встреченным препятствиям. Может быть оставлено и потому, что совершить его раздумает человек сам, по каким-либо соображениям или по совести и страху Божию, если им придется восстать во всеоружии силы своей.

Наконец все уладилось — и дело сделано. Вы отмстили, как задумали. Страсть удовлетворена, грех окончательно сделан. Что же тут прибавилось к созревшей прежде решимости? Будто ничего, ибо тут только выполнялся обдуманный уже план. Так кажется, но в существе дела преступность тут возрастает до последней степени. *Первое*: страх Божий и совесть доселе были только отклоняемы и неуважаемы, а теперь они попраны. Доселе дело походило на то, как мать уговаривает сына не делать худо, а он отводит ее рукою или сам убегает от нее, а теперь похоже на то, как сын на уговоры матери бьет ее в грудь или в лицо. *Второе*: теперь дело внутреннее введено в течение внешних событий и должно сопровождаться своими последствиями тоже внешними —

бытовыми. Его не вычеркнешь пером или отрицательным словом из круга событий. Оно тут останется навсегда и будет всегда прикреплено к сделавшему его лицу, заставляя его вкушать и плоды свои. *Третье*: отходит благодать Божия, и человек из области Божией вступает в область врага Божия и своего. Он поник долу, обременен, чувствует себя подавляемым некоею тяжестию. Над ним исполняется притча: возвращается бес с седмью другими. Мрак, беспокойство, тягота — се награда удовлетворенной страсти, всякой. И се — диво! Пока делом не удовлетворена страсть, от удовлетворения ее чается рай: *будете яко бози* (Быт. 3, 5). Но как только удовлетворяется, прелесть спадет с очей, призрак рассеивается и оставляет одну пустоту, тугу, расстройство и тяготу — видит, что наг. Отмстил врагу: радоваться бы, как чаялось, а выходит совсем другое.

Видите, какая дорога остращения себя какою-либо страстию и падения в грех вследствие того? Обратимся теперь к Вам. Что в Вас возможно из всего сказанного? Если Ваша решимость работать Господу искренна, если, приняв такое решение, Вы следуете предложенным Вам советам — памятовать всегда о Боге со страхом и благоговеинством, если Вы строго смотрите за собою, то в Вас невозможен склон к удовлетворению страстного пожелания и все то, что затем следует. Но возможны мысль, чувство

и пожелания страстные. И се — предметы Вашей борьбы внутренней.

Мысль, чувство и пожелание страстные иногда в одно мгновение пробегают по душе, не давая опомниться. В этом случае они не делают нас виновными, коль скоро, опомнившись при возникновении хоть уже пожелания, прогоним их неприязненным рассерчанием на них. Виновность наша и в помысле, и в чувстве, и в пожелании зависит от нашего промедления на них, после того как заметим их и не прогоним, а остановимся на них. Прогони мысль — чувства или сочувствия не будет. Прогони чувство с помыслом — желания не будет. Прогони желание — не будет опасности начать и склон на страстное. Если, заметив страстный помысл, Вы остановитесь на нем произвольно вниманием, Вы виновны, зачем занялись тем, о ком знаете, что он враг Божий и Вам. Но если внимание невольно прикуется к помыслу, Вы не виновны, если тотчас же начнете внимание от него склонять и его прогонять. Если вследствие произвольного Вашего внимания к страстному помыслу породится в Вас страстное чувство, то виновность Ваша увеличивается немного. Но если, заметив порождение чувства страстного, Вы будете продолжать заниматься страстным помыслом и, следовательно, произвольно раздувать чувство, то вина Ваша увеличится в два раза против прежнего. Если,

заметив страстное чувство, Вы встрепенетесь и отгоните его вместе с помыслом, то Вы виноваты только в том будете, что занялись произвольно страстным помыслом, в чувстве же не виновны, ибо они невольно рождаются под действием помыслов. Если под действием страстного помысла и чувства, произвольно допущенных, родится в Вас пожелание страстного дела (например, отомстить), то этим тоже виновность Ваша немного увеличивается, ибо от мысли и чувства невольно порождается пожелание. Вина на Вас остается прежняя, зачем занялись страстным предметом и, когда оттого родилось чувство страстное, зачем позволили длиться в Вас чувству и породившему его помыслу, то есть вина двойная. Но если Вы, заметив страстное пожелание, позволите ему медлить в себе, а не вооружитесь тотчас против него, то Ваша виновность возрастет и еще на одну степень — будет тройная.

Дальше этого я нейду, потому что только доселе и предполагаю возможным остращение Вас.

Сами видите, что если сразу прогоните страстный помысл, то всей борьбе положите конец. Не будет уже ни чувства, ни тем паче пожелания. И положите так действовать. Из-за какой стати Вы будете навлекать на себя лишний труд борьбы, а иногда и опасность, когда у Вас уже положено — не допускать страстного, яко богопротивного. Если невольно вмес-

те с помыслом и чувство зашевелится, гоните тотчас и чувство с помыслом. Если невольно прильнет к ним и желание, гоните тотчас и желание вместе с ними. На чем застанете в себе движение страстного, оттоле и гоните его. Законом положите: ни помыслу, ни чувству, ни пожеланию страстному произвольно не поблажать, а гнать их полною ненавистию тотчас, как только заметите. И будете Вы всегда невиновны и пред Богом, и пред своею совестью. Будет в Вас нечистота страстей, но и невиновность. Вы будете исполнять дело белильничье (прачечное), трудясь усердно над убелением души своей.

Благослови Вас, Господи!

Значение молитвы в деле борьбы со страстными помыслами. Примеры

Прошлый раз я изобразил Вам весь ход, как от простого помысла доходят до страстного пожелания и от него до дела. На деле не всегда так протяжно бывает течение действования, как изображено на бумаге. Нередко, если не большею частью, все стадии пробегаются очень быстро, так что не успеет мысль показаться, как следует уже и дело, и особенно слово. Разбирать и различать все эти случайности никакой нет нужды. Это не подаст никакого пособия в борьбе со страстями. Держитесь одного: как замечено страстное, тотчас вооружаться против него гневом и неприязненным рассерчанием. Это рассерчание в мысленной брани такое же имеет значение, как при нападении злого человека — подать его сильно в грудь. Но как при подобном нападении удар в грудь не всегда обращает в бегство злого человека, так в мысленной брани рассерчание на помысл, чувство и пожелание страстные не всегда изгоняет их из души и

оканчивает борьбу с ними. По естественному порядку следовало бы так быть — и бывает, но не всегда. Это потому, что в возбуждении помыслов часто участвуют бесы, а они бесстыжи. Как ни серчай на них, они все стоят с своим помыслом. Очевидно, что после рассерчания надобно прибегать еще и к другому средству. Какому же это?

Что делает подвергшийся нападению злого человека? Подавши его в грудь, кричит: «Караул!» На зов его прибегает стража и избавляет его от беды. То же надо делать и в мысленной брани со страстями: рассерчавши на страстное, надо взывать о помощи: *Господи, помоги! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси меня! Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!* Обратясь так к Господу, уж не отходите от Него вниманием к тому, что в Вас происходит, а все и стойте пред Господом, умоляя Его о помощи. От этого враг, как огнем палимый, убежит немедля. Некто из святых сказал: именем Господа Иисуса бей ратников. Против Господа ничто устоять не может, а Он близ есть: *Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине: волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасет я* (Пс. 144, 18–19). Он Сам дал такое обетование тем, которые в уповании взывают к Нему в час нужды: *Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя*

Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его (Пс. 90, 14–15). Не забывайте так делать, и всегда с успехом будете поражать и прогонять все возникающее в Вас страстное.

Иные делали, а может быть, и теперь делают так: заметив страстное и вознегодовав на него, начинают изобличать его непотребство. Например, пришел помысл гордости — они начинают читать: «Гордость Богу противна; ты, земля и пепел, как не стыдишься возноситься помыслом, помяни грехи свои» — и подобное. Все подбирают мысли против гордости, полагая, что этим прогонят горделивый помысл. Бывает, что и прогоняют, но вообще этот прием неверен. Обличая страстный помысл, все же держим его в уме, и он между тем шевелит чувство и пробуждает желание, то есть продолжает сквернить душу. Да и одно присутствие его в мысли уже есть скверна. Когда же, не вступая в эту словесную прю со страстным, прямо обратимся ко Господу со страхом, благоговеинством, упованием и преданностью Его вседействию, то этим самым страстное уже отстраняется от очей ума, взирающего на Господа. Будучи отрезано от души таким вниманием, оно само собою отходит, если естественно так возбуждается; а если тут и враг примешивается, то его поражает луч света умного, от созерцания Господа исходящий.

И бывает так, что душа тотчас успокаивается от страстных приражений, как только обратится ко Господу и воззовет к Нему.

Чтобы Вам яснее это представить, расскажу одно предание. Жил старец в безмолвной пустыне. Напали на него бесы видимо и начали тащить вон из келии, чтобы выгнать совсем и из пустыни. Старец начал сам отбиваться от них, но те пересилили его и уже к самой двери притащили. Еще бы немного — и они вышвырнули бы его вон. Видя крайнюю беду, старец воззвал: «Господи, Иисусе Христе! Почто мя оставил еси! Помоги мне, Господи!» Как только воззвал, тотчас явился Господь и разогнал бесов, а старцу сказал: «Я не оставлял тебя; но как ты не призывал Меня, а сам думал управиться с врагами, то не приступал помочь тебе. Сам ты виноват, понадеявшись на себя. Призывай Меня, и всегда встретишь готовую помощь». Сказав это, Господь стал невидим. Вразумив старца, этот случай и всем нам дает урок — не барахтаться с страстными помыслами своим с ними мысленным препирательством, а тотчас обращаться к Господу с молитвою против них.

Все разумно ведущие мысленную брань со страстями так и поступают. Святой Иоанн Колов говорил о себе: «Я делаю как человек, сидящий под деревом и внимательно осматривающийся кругом. Этот человек, как только увидит зверей, подходящих к нему

пожрать его, тотчас взбирается на дерево, и звери, подошедши, походят-походят кругом и отходят. А я, как только замечу мысленных зверей, подходящих ко мне в страстных помыслах, тотчас востекаю умом к Господу, и эти мысленные звери и подойти ко мне не успевают, как принуждены бывают разбегаться куда зря».

Припомните, что я писал Вам прежде, что надобно утвердиться вниманием ума в сердце и там непрестанно взирать и взывать к Господу. Это то же есть, что теперь говорится, что надо к Господу обращаться с молитвою, когда восстают страстные мысли, чувства или пожелания. К Господу обращаться надо, сходя вниманием ума в сердце и там взывая к Нему. Если бы мы неопустительно исполняли это небольшое правильце: утвердившись умом в сердце, стоять пред Господом со страхом, благоговеинством и преданностию, то никогда не возникали бы в нас не только страстные пожелания и чувства, но и голые помыслы. Но та наша беда, что уходим умом из сердца от Господа и блуждаем мыслями на стране далече. В эту пору и вторгаются страстные помыслы, и, только мало-мало не спохватись, глядишь — уж и чувства страстные пошли, и желания такие же зашевелились. Вот и борись. А кто виноват?! Не давать бы блуждать мыслями, и брани не было бы. Но пусть сплоховали мы, удалившись из сердца от Господа и тем на-

кликав на себя беду; по крайней мере теперь, когда беда уже замечена, поспешим опять укрыться туда же — в сердце пред Господа, чтобы воззвать к Нему о помощи.

На этот предмет тот же святой Иоанн Колов сказал такую притчу: была в одном месте красавица неисправного поведения. Правитель той страны сжалился над нею, что такая красота гибнет, и, улучив время, сказал ей: «Брось шалости, я возьму тебя к себе в дом, и будешь моею женою и госпожою многих сокровищ. Только смотри, будь верна, а то будет тебе такая беда, что и вообразить ты не можешь». Она согласилась и была взята в дом правителя. Прежние ее приятели, видя, что она пропала где-то, начали искать и разыскивать и дознали, что она у правителя. Правитель хоть и гроза, но они не отчаивались опять сманить к себе красавицу, зная ее слабость. Нам стоит только подойти сзади дома и свистнуть, она поймет, в чем дело, и тотчас выбежит к нам. Так и сделали. Подошли сзади к дому и свистнули.

Красавица, услышав свист, встрепенулась. Зашевелилось было в ней нечто прежнее. Но она уже взялась за ум и, вместо того чтоб выбежать из дома, устремилась во внутреннейшие покои пред лицо самого правителя, где тотчас и успокоилась; новых же свистков там уже не слышно было. Те приятели посвистели-посвистели и отошли прочь ни с чем.

Смысл притчи сей ясен. Красавица эта изображает падшую душу, к Господу обратившуюся в покаянии и с Ним сочетавшуюся, чтобы Ему Единому принадлежать и Ему Единому служить. Прежние приятели — страсти. Свист их — это движение страстных помыслов, чувств и пожеланий. Убежание во внутренние покои есть укрытие в глубь сердца, чтобы стать там пред Господа. Когда это совершится внутри, обеспокоившее душу страстное, что бы оно ни было, отходит само собою и душа успокаивается.

Извольте затвердить сие сказание и по смыслу его действовать всегда. Увидите, как скоро будет восстановляться в Вас внутренний покой, возмущаемый появлением страстностей.

Милость Божия буди с Вами! Спасайтесь!

Выдержка из преподобного Исихия о борьбе со страстями

О мысленной брани вообще теперь все уже Вам сказано. Страстей много, но сколько бы их ни было, все они подходят показанным образом и все прогоняются и преодолеваются, как сказано. Каждая страсть, конечно, имеет свои особенности, с которыми и возбуждается; бывает также премножество случайностей в образе их появления. Но это не изменяет общих приемов брани с ними. Делайте, как сказано, и успешно всякую прогонять будете страсть, с какою бы силою ни восстала она в Вас.

Чтобы Вы лучше могли запомнить все это и убедиться, что так, а не иначе надо действовать, делаю выписку из преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, книжку которого, помнится, я Вам послал*.

* Речь идет о сочинении преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского «К Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве» // Добротолюбие. В 5-ти томах. М., 1895. Т. 2. С. 157–202.

Вот что он говорит:

«Подвизающийся внутренне всякую минуту должен иметь следующие четыре вещи: смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение — поелику сопротивники его в брани суть гордые демоны, — дабы Христову помощь удержать рукою сердца, ибо Господь ненавидит гордых. Внимание — чтобы не попускать сердцу иметь никакого помысла, хотя бы он и добрым казался. Противоречие — дабы, как скоро усмотрит пришедший (помысл), тотчас с гневом отразить лукавого. Молитву — дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу воздыханием неизглаголанным. И тогда сей подвижник увидит врага, связанного или гонимого поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром, или как дым исчезающего с мечтанием своим» (пункт 20).

Вот и еще подобное место:

«В мысленной брани должно действовать так, как действуют на (обыкновенной) войне. Во-первых, потребно внимание; во-вторых, когда заметим, что враг придвинул помысл, должно поразить его проклятием, с гневом в сердце; в-третьих, надобно помолиться против него, призывая в сердце Иисуса Христа, дабы демонский призрак тотчас исчез, чтобы ум не пошел за мечтанием, как дитя, прельщаемое каким-нибудь искусником (фокусником, фигляром)» (пункт 105).

«Если ты в сердце своем всегда обращаешься со смиренномудрием, с памятованием о смерти, с самоосуждением, с противоречием помыслам и с призыванием имени Иисуса Христа и с сими оружиями ежедневно продолжаешь трезвенно узкий, радостворный и приятный путь мысленный, то войдешь во святые созерцания святых и просветишься глубокими тайнами от Христа, в *Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения*, в Котором *обитает вся полнота Божества телесно* (ср.: Кол. 2, 3, 9). Ибо ты ощутишь во Иисусе, что на душу твою нисшел Дух Святой, Который светит уму, чтобы он мог смотреть откровенным лицом. *Никто*, говорит апостол, *не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (ср.: 1 Кор. 12, 3). Конечно, сим он утверждает таинственно ищущего» (пункт 29).

В этих и других подобных местах вообще говорит преподобный Исихий о ходе мысленной брани. Больше же в его книжке говорится по частям о каждом из показанных приемов брани, и особенно о внимании к сердцу, пребывании там и мысленном оттуда обращении к Господу с молитвою. Извольте просмотреть теперь же всю ту книжку. А я выпишу Вам несколько о сем пунктов.

«Великий законодатель Моисей или, лучше, Дух Святой устами его говорит: “Внимай себе; да не будет в сердце твоем тайного слова беззаконного” (см.:

Втор. 15, 9). Тайным словом называет он одно мысленное представление чего-нибудь худого (страстного), ненавидимого Богом, что также отцы называют прилогом, наводимым на сердце от диавола, за которым, коль скоро он является уму, тотчас устремляются наши мысли и страстно с ним сообщаются» (пункт 2).

«Внимание есть непрестанное сердечное от всякого помысла безмолвие, в котором душа Единым Иисусом Христом Сыном Божиим и Богом всегда, непрерывно и непрестанно дышит и Его призывает; мужественно с Ним ополчается на врагов; Ему, имеющему власть отпущать грехи, исповедуется; часто тайным призыванием объемлет Христа, Единого ведающего сердца́» (пункт 5).

«Трезвение есть твердое водружение помысла и его стояние у дверей сердца, так что он видит подкрадывающиеся помыслы и уразумевает, какой образ покушаются начертать и напечатлеть в уме демоны, чтоб прельстить им чрез воображение» (пункт 6).

«Мысль, стоящая (в сердце) и призывающая Христа на врагов и прибегающая к Нему, подобна некоему зверю, окруженному множеством псов и защищающемуся в твердыне. Она издалека умственно усматривает умственные засады невидимых врагов и, непрестанно моля против них миротворца Иисуса, пребывает невредимою от них» (пункт 8).

«Не имеющий молитвы, чистой от помыслов, не имеет оружия на брань. Молитву разумею я непрестанно совершаемую во внутренности души, дабы скрытно ратующий враг призыванием Христа был поражаем и опаляем. Ибо ты должен и острым, и напряженным оком ума смотреть, чтобы узнавать входящих, узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия и в то же время со стенанием взывать ко Христу, — тогда опытом дознаешь Божию невидимую помощь, тогда ясно увидишь правое состояние сердца» (пункты 21, 22).

«Итак, да дерзает душа о Христе, да призывает Его и да не страшится нисколько: она не одна воюет, но вместе с страшным Царем, Иисусом Христом, Творцом всего сущего, телесного и бестелесного, видимого и невидимого» (пункт 40).

Ограничусь этими выписками, потому что, если бы выписывать все сюда относящееся, надлежало бы переписать половину книжки. И эти выписки сделал я для того, чтобы обновить в Вашей памяти, что уже так давно толкую Вам о памяти Божией и внутренней брани со страстями. Ведайте, что в этом вся суть труда над содеванием спасения.

Прочитав это, не скажите в себе: да что же я — пустынница, чтобы мне соблюдать такие правила?! Не Вы одни, а очень и очень многие так говорят, только не из числа тех, которые как должно принялись за

труд содевания своего спасения. Взявшиеся за сей труд не могут так говорить. Так и вы, если хотите жить в духе, в чем и состоит содевание спасения, должны неотложно поступать так, как прописано. А если хотите жить спустя рукава, то, конечно, все это к Вам не подходит. Я и начал писать об этом, поверив, что Ваше решение Господу принадлежать было искренне. Ибо у кого такое решение искренне, тому не миновать прописанного пути. Он может много трудиться и делать разные обходы, но пока не нападет на эту тропу, толку не будет. Я и указываю Вам ее прямо, чтобы Вам не плутать по сторонам. Беритесь усерднее — и скоро увидите успех. Но — все труд надо; без труда ничего не бывает.

Не допускайте же такого суемудрия. В пустыне кто живет, или в монастыре, или в миру содевает свое спасение, всякому неотложный закон — очистить сердце свое от страстей; очистить же он его иначе не может, как описанным способом. Не отказывайтесь же и не упирайтесь ногами.

Благослови Вас, Господи!

Как поступать, если и при борьбе со страстями проторгаются в нас страстные мысли и желания. Очищение сердца

Милость Божия буди с Вами!

Полагаю, что Вы взялись за дело как должно и усердно напрягаетесь памятовать всегда о Господе, внимать сердцу своему и всякое неправое в нем движение преследуете неприязненным отвержением, обращаясь в то же время молитвенно к Господу о помощи. Но вместе с сим никак не могу полагать, что, как только взялись — тут и успех полный: и мысли у Вас все чисты, и чувства и желания святы. Потому что так ни у кого не бывает. Будут умиротворяться помыслы, будут все более и более редкими становиться страстные движения чувств и пожеланий. Но все же они будут прорываться, и иногда с большою силою.

Прорвались — выгоните, опять прорвутся — опять выгоните. Но это уже положено. Теперь я хочу только сказать Вам, как должно Вам отнестись к сим

проторжениям по суду совести. Отнестись ли равнодушно или поскорбеть о том, что так бывает, и каяться в том Господу? Нельзя равнодушно относиться к сим проторжениям, а по прогнании их всякий раз надо поболеть и покаяться пред Господом, что так было. Даже и тогда, как мысли, чувства, желания страстные проторгаются вдруг, без всякого участия произволения, все же они означают, что сердце нечисто и из него *исходят помышления злая* (Мф. 15, 19). А Вы обязаны иметь сердце чистое. Вот и жалейте, что сердце нечисто, и кайтесь Господу в сей нечистоте, обещая трудиться над очищением его и моля Его о помощи в сем. Но ведь на деле редко не примешивается сюда и произволение. Вы по невниманию дали страстному помыслу место, и он успел породить страстное чувство — виноваты, зачем не внимали. По тому же невниманию, а то и по сласти чувства Вы не поспешили вооружиться против него и прогнать, и оно успело породить страстное пожелание — Вы виноваты, зачем тотчас не вооружились, а допустили соуслаждение греховным и страстным. Чтобы пожеланию Вы попустили породить склонение на дело, я этого в Вас не допускаю, но всяко Вы можете допустить длительность пожелания и не тотчас вооружиться против него. А это и еще более делает Вас виновною. Таким образом дурной помысл попущен — вина; допущено породить-

ся от него дурному чувству — другая; из дурного чувства попущено родиться дурному пожеланию — третья; дурному пожеланию дозволено промедлить — четвертая. Вот сколько виновностей!

И не извольте себя замаскировывать, прикрываясь листвием смоковичным, и укрываться в кусты от Господа, подходящего к Вам в совести и обличающего. Вините себя скорее кругом и просите прощения, не слагая вины ни на кого. Рассерчали, например, на горничную — и тем паче, если наговорили ей и острых слов, — не слагайте вины на горничную. Пусть горничная сплоховала, но тут не об ней дело, а о том, зачем Вы рассерчали. Разве нельзя было без серчания поправить ошибку? Да хоть бы и нельзя было поправить, — все вообще можно улаживать без серчания. Тут серчание проторглось, там осуждение, там завиствование, там тщеславие. На все это, конечно, были поводы совне. Но не поводы виноваты, а виноваты Вы, зачем допустили такие дурные чувства. И извольте, не прикрываясь, прямо винить себя пред Господом и просить прощения. Это делайте всякий раз, как, заметив дурноту, прогоните ее. Покаянием этим и сокрушением помиритесь с Господом и совестию, и будете покойно опять воззревать ко Господу. А если не покаетесь, воззревать так не можете, — это же будет для Вас тяжело и опасно.

До вечера не оставляйте не очищенными покаянием таких проторжений страстных, а тотчас очищайте их, как только прогоните, именем Господа. Целый день и пройдет у Вас — всё в покаянии, потому что проторжения эти вначале будут у Вас нередки. А вечером, пред тем как молиться, своим чередом опять пересмотрите все страстные проторжения, опять пожалейте о том с сокрушением и покайтесь. В сем дело повседневного покаяния. Вот Вам на это опять урок преподобного Исихия: «Ежедневные наши дела мы должны ежечасно взвешивать внимательно и сколько можно облегчать непременно тяжесть их вечером чрез покаяние, если хотим с помощию Иисуса преодолеть страсти. Надобно также смотреть, по воле ли Божией, пред Богом ли и для одного ли Бога совершаем все наши видимыя дела, дабы чувства (страстные) не окрадывали вас, как неразумных» (пункт 124).

Если будете действовать по прописанному с безжалостною к себе решительностию, скоро увидите плод: умиротворится сердце Ваше, и воссияет в нем радость о Господе. Отчего бывает немирно сердце? Оттого, что его гложут страсти. Побейте страсти — и оно восприимет покой. Один из отцов уподобляет сердце норе, полной змей. Змеи эти — страсти. Когда показывается что страстное из сердца, это то же, что змея голову высовывает из норы. Бей ее по голо-

ве именем Господа, и она спрячется. Другая покажется — бей и ее. И всякую бей. Раз десяток придется так нанесть удар такой змее — страсти — забудет высовываться, а то и совсем околеет. Всяко, если завалить нору или не давать пищи змеям, они перемрут. Так и страсти замрут, если не давать им пищи сочувствием к их внушениям, а, напротив, с гневом отревать их, как только появятся.

Се Вам кратчайший путь к очищению сердца от страстей. Если возлюбили Вы чистоту сию, теките к ней сим путем, ибо другого нет. Не согласитесь так действовать — страсти останутся в сердце. Вы можете исправить свое поведение и сделать его безукоризненным и без этого, но сердце останется страстным и не даст Вам узреть Господа. Не забывайте юродивых дев!

Бог Вам в помощь! Спасайтесь!

Блюдение слуха и зрения. Как уничтожать худые впечатления видимого и слышимого

Прошлый раз помянул я Вам о поводах к возбуждению страстных мыслей, чувств и пожеланий, — что на них не следует сваливать вину. Скажу Вам теперь о них несколько слов.

Страстные мысли, а за ними чувства и пожелания такие же иногда сами собою, не знать как, возникают в душе. Но большею частию они порождаются под действием внешних впечатлений. Встречаемые вещи, лица и события по роду своему возбуждают и мысли во встречающем. От добрых рождаются добрые мысли, от худых — худые. Но может случиться и наоборот: при добрых породятся худые мысли, а при худых — добрые. Все зависит от постоянного или случайного настроения встречающего. Следовательно, и ответ лежит весь на нем. Как же быть?

Первое: не давать воли своим чувствам, особенно глазам и ушам. Не позволяйте без разбора все видеть, все слышать и всего касаться. Чувства наши

похожи на окна или двери, а более на черпало. Кто отворяет окна и впускает дурной воздух, худо делает. Кто отворяет двери и позволяет входить в свое жилье всякой скотине, не может быть свободен от укора. Но что бы Вы сказали о том, кто, взяв черпало — чашку или кружку, ходил бы по грязным и нечистым лужам, черпал в них и себя тем обдавал? Бестолковее этого что можно придумать? Но не это ли самое делает тот, кто с любопытством останавливается пред нехорошим и слушает недобрые речи?! Нахватывается чрез это недобрых помыслов; от них перейдет к недобрым чувствам и пожеланиям — и ходит весь остращенный, как в каком тумане. Итак, благоразумие и долг самосохранения (внутреннего покоя) требуют не на все смотреть, не все слушать и не всего касаться из невольно встречаемого. Маломало покажется что могущим расшевелить страсти, надо отвращать от того очи, затыкать пред тем уши или видя не видать и слыша не слыхать.

Второе: случилось, что от чего-либо произойдет худое впечатление и породит худые мысли. Надо тотчас спешить изгладить впечатления и пресечь мысли способом, показанным прежде, — конечно, прекратив наперед приток впечатлений. Оставаться под дурным впечатлением или оставлять изглаждение его и восстановление душевного мира до другого времени неразумно. Оставаясь под впечатлением,

самоохотно будем способствовать расположению худых мыслей и чувств, а оставляя надолго в себе сие дурное, даем ему возможность глубже укорениться и потом дольше сопротивляться изгнанию и очищению, если не совсем завладеть душою.

Третье: однажды испытавши дурное от чего-либо впечатление, не надо произвольно позволять себе встречаться опять с предметами, произведшими его. Это будет означать, что поступающий так любит услаждаться дурным и, следовательно, нечист до глубины сердца. Если же нужда какая заставит повстречаться с ним, надо наперед вооружиться и подготовить сердце свое устоять против дурного впечатления и не допустить его до себя. Внимание, усиленное самопротивление и молитва дадут к тому возможность.

Четвертое: я писал уже Вам о том, чтобы Вы все встречаемое Вами и могущее Вам встретиться перетолковали в духовном смысле. Это надобно сделать и в отношении к предметам недоброго значения. После сего, встречая их, Вы будете воспринимать не худые, а добрые мысли, подобно тому как святой Ефрем Сирианин, встретив разряженную красавицу нескромную, сказал ученикам: «Видите, как она заботится украшать тело свое, которое скоро будет прах, — как же нам не заботиться об украшении души бессмертной?»

Этих правил достаточно. Следовало бы указать такие случайности, неблагоприятные для Вашей внутренней жизни в Вашем быту. Но я полагаю, что их нет никаких ни в Вашей семье, ни в Вашем родстве. Их не иначе можете Вы встретить, как вне дома, например, в том обществе, в коем случилось Вам быть не слишком недавно, как Вы писали. Относительно таких *случайностей* извольте держаться того, что сказано в третьем пункте. Под него же потом подводите и все подобные, какие встретятся после. И вообще, положите законом мерить позволительное тем воздействием, которое оно производит внутри. Что созидает, то позволяйте себе, а что расстраивает, того не позволяйте ни под каким видом. Кто, находясь в уме, протянет руку к стакану с питьем, в которое пущен яд, как ему ведомо?!

Я не имею в мысли, будто Вам так необходимо стеснить себя, что Вы будете похожи на затворницу. Но хочу только навесть на решимость не черпать вредного для духа Вашего, после того как удостоверились, что только жизнь в духе есть настоящая жизнь, и не только удостоверились, но и испытали то.

Благослови Вас, Господи!

После руководства к мысленной борьбе со страстями предлагается наставление о деятельной борьбе с ними. Наиудобнейший внешний вид жизни для борьбы со страстями. Заключение беседы о борьбе со страстями

Милость Божия буди с Вами!

В руководство к очищению страстей, когда они в Вас в какой малой мере, достаточно сказанного. Но как зашла уж об этом речь, то приложу и еще нечто, могущее, однако ж, пригодиться Вам не в будущем, а теперь же.

Прописанная борьба со страстьми есть мысленная. И она действительна, потому что, не дозволяя страстям попитаться чем-либо, тем самым замаривает их. Но есть и деятельная с ними борьба, состоящая в том, чтобы намеренно предпринимать и совершать дела, прямо им противоположные. Например, чтоб подавить скупость, надо начать щедродательность; против гордости надо избрать уничижительные занятия; против страсти веселиться — домосед-

ство и подобное. То правда, что один такой образ действования не прямо приводит к цели, потому что, терпя стеснение совне, страсть может проторгаться внутрь — или сама, или уступая место другой. Но когда с этою деятельною борьбою соединяется и внутренняя, мысленная, то они вдвоем скоро побивают всякую страсть, против которой направляются.

И вот какой я прилагаю Вам совет. Потрудитесь найти свою главную страсть и против нее направьте не мысленную только, но и деятельную борьбу. Я не могу определить, что именно у Вас главное. Может быть, оно еще не определилось, но всяко, если станете построже следить за движениями сердца, оно скажется Вашему вниманию. Тогда, если Вам угодно будет доверить мне, вместе положим, как поскорее управиться с главною Вашею немочию.

Напомяну еще, что есть крутые приемы этой деятельной борьбы со страстями. Обычный у нас — мироотречная жизнь в ее отрешенном виде, когда, решительно все оставив и на Господа возложив все упование, вступают в обитель, чтобы жить в послушании безропотном, в пощении строгом, в молитве трудолюбной и трезвении бодренном. Тут ничегонеимение, своей воли отсечение и себя нежаление скоро вымолачивают из души все страстное. Затем водворяется мирное устроение сердца и чистота сердца — последняя цель мироотречной жизни. Я не гоню Вас

из мира. Спасетесь и в нем, если будете держать себя в отношении к нему как не сущая в нем. Я только напоминаю об этом как о порядке жизни, приспособленнейшем к делу очищения сердца от страстей.

Еще прибавлю, что один из законов Божественного о нас Промысла есть так устроять жизнь каждого и течение случайностей в ней, чтобы он, пользуясь ими разумно, мог наискорейшим и наиудобнейшим образом очистить себя от страстей. Об этом напоминаю Вам потому, что когда-то Вы спрашивали, зачем разны участи у людей и зачем они изменчивы, и я, кажется, не ответил Вам. Так вот, отвечаю, зачем. Затем, что так, как устрояет Господь, удобнее людям очищаться от страстей, или затем, что Он хочет сим образом стереть в порошок нашу каляную самость, наш упорный эгоизм, на коих держатся страсти, губящие человека.

И еще единое приложу. Страсти бейте и изнутри, и совне, а добрые стороны свои воспитывайте, давая им простор и упражнение. Главное тут — молитва. О ней уже была речь. За нею следует труд доброделания. И об этом была речь, когда Вы замышляли о каких-то широких целях жизни. А вместе с сим должны идти душеспасительные чтения и беседы, и исполнение чинов церковных, и подвиги самоумерщвления: отказывать себе, когда нужно, понемногу в пище, в сне, в увеселениях и во всяких

утехах самоугодия и держать себя в постоянном самопротивлении и самопринуждении. И об этом была речь.

Вот и весь курс очищения себя от страстей. Все это у Вас уже в ходу. Да благопоспешит Вам Господь!

Хлопоты по дому. Пение и музыка

Спешил я довесть поскорее до конца речь о борении со страстным — хоть тут никогда нельзя дойти до конца и оставлял почти без ответа многое из того, о чем Вы писали в это время. На иное ответ найдете в прописанном, а на иное отвечать буду теперь.

Пишете, что у Вас много хлопот по дому. Делайте с усердием всё, что Вам велят. Это Ваш долг. Но хлопотать — не хлопочите. Хлопоты (заботы) сопровождаются всполошением всего внутреннего, а это вещь недолжная. Разве нельзя все порученное обсудить спокойно, а потом и делать его, нисколько не полошась, с мыслию собранною? В житейском быту если есть что мешающее духовной жизни, то это совсем не дела и занятия, а это пустая многозаботливость, точащая сердце, между тем дело даже на волос вперед подвинуть не могущая, и эти всполошения, возметающие мысли подобно вихрю. От этого выходит всегда толкотня, а дело нисколько не спеется. Извольте же различить должное усердие от недолж-

ной заботы и попыхов и навыкайте все дела делать трезвенно, не отклоняясь мыслию от Господа, а, напротив, держа то убеждение, что Ему всем этим угождаете.

Спрашиваете: «Как быть с пением и игранием на фортепиано и фисгармонии? Я прежде играла и пела, не обращая внимания на содержание пиес, а теперь оно лезет в голову. Известно же, что не всех пиес содержание хорошо, хотя они сложены очень гармонично». Что делать? Нельзя Вам вдруг все переменить. Это тотчас бросится в глаза. Пойте и играйте, что пели и играли прежде, стараясь не обращать внимания на содержание. А между тем понемногу отберите пиесы с хорошим или даже только сносным содержанием и их более пойте и играйте, чтобы о других наконец забыли совсем заставляющие Вас петь и играть. Фисгармония очень способна выражать должным образом церковное пение. Достаньте сочинения Турчанинова и разучите оттуда, что больше Вам понравится. Разучите «Боже, Царя храни», «Коль славен наш Господь в Сионе» и подобные. Если Вы с полным чувством споете что из этого рода пиес, уверяю Вас, что это понравится более, нежели другое что. И тогда будут уже просить Вас спеть и сыграть не пустые какие пиески, а именно эти величественные творения. Давно как-то Вы поминали, что хвалят Ваш голос и пение. Они делают свое дело,

а Вы делайте свое. Когда хорошо то и другое, как не хвалить? Но Вам не кичиться тем предлежит, а смиряться. Голос-то и вкус к пению откуда у Вас? Бог дал. На что же Бог дал? Чесать слух других или на другое что?! Ни на что другое, как на то, чтобы Вы обращали их во славу Божию. А так ли Вы делали? Нет. Вы только себя потешали и других, а о Боге совсем у Вас и помина не было. Стало, Вы даром Божиим злоупотребляли, иждивая его на пустое. Теперь мысли Ваши поворотились на богоугождение, поворотите же туда и употребление дара Божия. Если есть и пить надо во славу Божию, то тем паче петь и играть. Если Вы сыграете и споете что-либо такое, что западет на душу слышащих и заставит их воздохнуть ко Господу или вознестись к Нему с славословием и благодарением, то Вы то же сделаете, что делает хороший проповедник в церкви. И се Вам спасительный плод дара! Извольте же употребление его направить на эту сторону. Отберите и светские, и духовные пиесы назидательные и их только пойте и играйте. Это для других, сами же по себе никогда не пойте ничего светского, а все одно духовное. Но опять повторю: не вдруг ломайте, а потихоньку.

И вообще ни в чем не выказывайте особенностей. Будьте со всеми так же приветливы, благодушны и веселы, как и всегда. Только от смеха, смехотворства и всякого пусторечия воздерживайтесь.

И без этого можно быть и приветливою, и веселою, и приятною. Никогда ни под каким видом не угрюмничайте. Когда Спаситель сказал постящимся, чтобы умывались, голову помазывали и причесывали (см.: Мф. 6, 16–18), то разумел именно чтобы не угрюмничали.

Господь да умудрит Вас!

Одиночество. Как избежать скуки. Чтение и изучение наук

Милость Божия буди с Вами!

Пишете: «Осталась одна и скучаю». Это натуральное чувство. Но мне думается, что ему у Вас можно бы и не быть после Ваших решений и того, что Вам предлагалось делать вследствие того. Если бы последнее привилось в Вас хоть сколько-нибудь, то Вы никак не сознали бы себя одинокою, хоть Вы и одни. Не сознали бы себя одинокою, потому что сознавали бы, что Господь близ, близ и Ангел-Хранитель с Вами — не мысленно, а действительно. И тогда неуместно было бы чувство одиночества, а следовательно, и скучания вследствие его. Но я полагаю, что такой набег скуки был у Вас моментальный и скоро развеялся.

Всегда, однако ж, на будущее время, всякий раз, как придется Вам быть одной, восставляйте поскорее убеждение, что Господь с Вами и Ангел-Хранитель, и спешите воспользоваться выпавшими мину-

тами уединения для неразвлеченного пребывания с Господом и сладостной беседы с Ним. Уединение в этом духе сладостно. Желаю Вам вкусить когда-нибудь сей сладости, чтобы желать его, как рая на земле.

На днях, перелистывая одну книгу, встретил советы отца (графа Сперанского) своей дочери. Тут между прочим говорится и о том, как избегать скуки. Вот что советует он. У всякого, говорит, есть круг своих повседневных занятий, которые он отбывает, как оброк какой. Но есть много людей, у которых эти оброчные занятия несложны и недолги. Остается от них много времени, которого если ничем не наполнить, не избежишь скуки. Во избежание ее вот тебе надежнейшее средство: устрой так, чтобы у тебя ни одной минуты не было праздной и все время твое было наполнено соответственными занятиями, чтобы, когда, кончая одно дело, становишься свободною, у тебя было уже наготове другое дело, за которое и берись. Какие это дела? 1. Эстетические занятия: музыка, пение, живопись. Но это не насущный хлеб, а конфекты. 2. Какое-нибудь рукоделие — вязанье, вышиванье и тому подобное. 3. Но лучшее средство против скуки — найти вкус в серьезном чтении и изучении предметов, не узнанных еще. И не столько чтение гонит скуку, сколько изучение.

Тогда же я принял мысль сообщить Вам этот рецепт на всякий случай. Но вот и нужда в нем оказалась. Потрудитесь принять это к сведению и так устроиться. И верно не будете более испытывать скуки. Я знаю одного человека, который всегда один: сам никуда не выходит и других к себе не принимает. Спрашивают его: «Как тебе не скучно?» Он отвечает: «Мне некогда, так много дела, что, как открою глаза после сна, делаю-делаю и никак не успеваю переделать, пока закрою их».

Для Вас замечу, что под изучением, о котором говорит отец дочери, разумеется изучение или целых наук, или каких-либо частей их, неполно пройденных. Этим, очевидно, устраняется всякое чтение пустое пустых книг. Кажется, Вы и не охотница до него. И добре. Не отступайте от сего обычая. Читайте больше духовные книги. Это есть область серьезнейших предметов, и главное — самонужнейших. В этой области все ново и никогда не стареется. Чем больше будете узнавать, тем больше будете узревать непознанных еще предметов. И охота узнавать сии предметы и приноровленность к познанию их бывает только тогда, когда кто делом вступит на путь духовной жизни. С момента, как Вы решились угождать Господу, я считаю Вас не чуждою сего пути. Извольте же читать и книги о том — и умудряться. Благослови Вас, Господи!

Извлечение из преподобного Пимена о богоугодной жизни, побеждении страстей и насаждении добродетелей

Кто это навел Вас на святого Пимена, что Вы желаете знать о нем? Но кто бы ни навел, я очень рад этому. Кто святой Пимен и как он жил, найдете в Четьи Минеи под 27 августа и еще — в книге «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов». В том и другом месте найдете и множество его наставлений. Он был из простых и неученых; но опыты духовной жизни и благодать Божия так просветили ум его, что по тонкому и точному знанию законов восхождения к совершенству в духе его следует ставить в числе первых учительных богомудрых отцов.

Пока-то Вы доберетесь до того, чтобы почитать о нем, я выпишу Вам важнейшие пункты из его учения и наставлений применительно к тому, о чем так долго толковал Вам.

Начало пути Божия — покаяние и плач о грехах. Вот что встречается о сем у святого Пимена.

Увидел он женщину, которая сидела на могиле и горько плакала, и сказал: «Если бы явились здесь все удовольствия мира, не освободили бы души ее от скорби. Так должно всегда плакать и нам» (пункт 26)*. В 27-м пункте то же обстоятельство рассказано подробнее, и слова святого Пимена приведены в таком виде: «Уверяю тебя, что если человек не умертвит всех вожделений плоти и не будет так плакать, то не может стать едино с Богом. Вся душа и жизнь этой женщины погрузились в скорбь».

Покаявшийся и плачущий о грехах своих естественно удаляется от зла и творит благо. Зла делом совершать, пока таков, он не станет, но от худых помыслов свободен быть не может. Потому удаление его от зла исключительно почти состоит в борьбе с помыслами. На это вот что есть у святого Пимена.

Пришел один брат к авве Пимену и говорит ему: «Авва! У меня много помыслов, и я от них в опасности». Старец вывел его на воздух и сказал: «Раскрой свою пазуху и не впускай ветра!» «Не могу этого сделать», — отвечал брат. «Если сего не можешь сделать, — сказал старец, — то не можешь остановить и прилива помыслов. Но твое дело противостоять им» (пункт 28).

* Пункты «Достопамятных сказаний о подвижничестве святых и блаженных отцов».

Противостоять, но как? Во-первых, внимай себе и трезвись. Так один брат, сказав о себе, что, встречаясь с другими, развлекается и возвращается к себе уже не таким, каким вышел, спрашивал, как ему быть. Старец сказал ему: «Хочешь ли, возвращаясь к себе, находить себя таким, каким вышел? Держи стражу над собою и дома, держи стражу и вне дома» (пункт 137). И вообще, говаривал авва Пимен, всего нужнее для нас трезвенный ум (пункт 135).

Как только, сторожа за собою, заметишь страстное, тотчас молись, и оно отойдет. Спрашивал один брат авву Пимена о борьбе с восстающими помыслами, и старец ответил ему: «Это дело подобно тому, как если бы у человека с одной стороны был огонь, а с другой чаша с водою. Когда начнет палить огонь, он берет воды из чаши и гасит огонь. Огонь — это внушения врага (страстные), а вода — усердная молитва к Богу» (пункт 146).

Чтобы менее страдать от страстных помыслов, надобно удаляться поводов к возбуждению их. Должно удаляться всего страстного, говорил авва Пимен. Человек, близкий к тому, что может породить страсть, подобен стоящему над глубокою пропастию, и враг человека легко низвергнуть его может в эту пропасть. Но удаляющийся от могущего возбудить страсть подобен стоящему далеко от пропасти. Пусть враг повлечет его, чтобы низринуть

в бездну, но доколе будет влечь его с принуждением, он воззовет к Богу, и Бог поможет ему (пункт 59).

Главное — всячески ухитряйся не уступать помыслам. В поощрение к сему в сказаниях о святом Пимене читаем следующее: «Брат спросил его: может ли человек удерживать всегда свои помыслы и ни в одном не уступать врагу?» И старец ответил: «Есть человек, который десять удерживает, а в одном уступает». Тот же брат спросил о том же авву Сисоя, и он сказал: «Действительно есть человек, который ни в чем не уступает врагу» (пункты 88, 89).

И еще: авва Анувий спросил авву Пимена о нечистых помыслах, рождающихся в сердце человеческом, и о суетных пожеланиях. Авва Пимен ответил ему: *Еда прославится секира без секущаго ею?* (Ис. 10, 15). Не подавай им руки, и они ничего не сделают.

Что же выйдет из такой неуступчивости? Страсти замрут. Это высказал авва Пимен авве Исаии, когда тот спросил его о нечистых помыслах, говоря: «Если сундук с платьем будет оставлен без попечения, то платье со временем истлеет; так и помыслы, если не будем исполнять их на самом деле, со временем исчезнут или как бы истлеют» (пункт 20).

Авва Иосиф спросил авву Пимена о том же, и он сказал: «Если кто положит в кувшин змия и скорпиона и закроет его, то, конечно, гады со временем

издохнут; так и худые помыслы, происходящие от демонов, замрут, если с терпением будем противостоять им и не давать им пищи» (пункт 21).

Но удаляясь от зла таким безжалостным противлением страстным помыслам и пожеланиям, в то же время надо творить благо, насаждая в себе всякую добродетель. Тем и другим скоро очистится сердце.

И о насаждении добродетелей много уроков у святого Пимена. Вот главнейшие.

Приводит он изречение аввы Иоанна Колова, который говорил: «Я желаю хотя в некоторой степени иметь все добродетели» (пункт 46). А далее и свой предлагает о сем урок, говоря: «Когда человек намерен строить дом, то собирает множество материалов и различного рода веществ, чтобы можно было ему поставить дом. Так и мы должны приобрести хотя в некоторой степени все добродетели» (пункт 130).

Но есть добродетели неточные и руководительные, на которые потому и надо устремить все свое старание. Их нередко указывает святой Пимен. Вот: хранение себя, внимание к самому себе и рассудительность — вот три добродетели, руководительницы души (пункт 35).

Повергаться пред Богом, смиряться и отвергаться своей воли — вот работные орудия души (пункт 36).

В Писании сказано: *аще будут сии трие мужие... Ное и Даниил и Иов... живу Аз... тии во*

правде своей спасутся, глаголет... Господь (ср.: Иез. 14, 14–20). Ной изображает собою нестяжательность, Иов — терпение, Даниил — рассудительность. Если сии три добродетели есть в человеке, то Господь обитает в нем (пункт 60).

Страх Божий, молитва и благотворение ближнему — вот три основания совершенства (пункт 160).

Авва Пимен заставляет мирянина сказать следующее: «Не умею говорить от Писания, а скажу Вам притчу. Один человек сказал своему другу: "Я желаю видеть царя, пойдем со мною". Друг отвечал ему: "Пойду с тобою половину дороги". Сказал он и другому: "Пойди проведи меня к царю". Он сказал: "Доведу тебя до царского дворца". Сказал он и третьему: "Пойдем со мною к царю". "Пойдем, — отвечал третий друг, — я доведу тебя до дворца, введу в него, скажу о тебе царю и представлю тебя ему". Спросили его: "Что значит эта притча?". Он ответил: "Первый друг есть подвижничество, которое доводит до истинного пути; второй — чистота, которая достигает до Небес; третий друг — милостыня, которая с дерзновением приводит к самому царю — Богу"» (пункт 109).

Когда, таким образом, с одной стороны, не дается уступки страстям, с другой — насаждаются добродетели, сердце мало-помалу умягчается (пункт 182), согревается и приемлет в себя божественный огнь, который только береги — и будешь безопасен. Авва Пимен

говорит об этом: «Когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое пресмыкающееся не может прикоснуться к нему; когда же простывает, тогда они садятся на него. То же бывает и с душою: доколе она пребывает в духовном делании (горении духа к Богу), враг не может поразить ее» (пункт 111).

Довольно с Вас и этих выписок. Сами найдете у святого аввы и другое что для Вас нужное и ценное. Я только хотел этими выписками возобновить в Вашей памяти все, что говорил прежде. Тут весь путь, на который Вы вступили. Да какого отца ни станете читать, у всякого найдете то же в существе, хотя отлично в изображении и изъяснении.

Умудряйтесь! Благослови Вас, Господи!

Путешествие в Сергиеву Лавру. Наставление богомольцам

Так вот кто навел Вас на святого Пимена?! Некто с увлечением говорящий о божественных вещах. Догадываюсь. Это, верно, тот самый, который был у меня с Вами. Рад очень сему обстоятельству — рад, что есть около Вас некто, могущий так говорить. Пользуйтесь им, и всякий раз, как бывает он у Вас, наводите его на такие предметы, и все повытаскайте из него, и усвойте себе.

Собираетесь в Сергиев! Хорошо. Бог благословит. И еще пешком! В два и три раза хорошо! Чтобы не болтали другие, можно как-нибудь припрятать. А нельзя — пусть говорят. Но Вы напрасно полагаете, что это будет приятная прогулка. Верст пятьдесят, может быть, пройдете не без приятности, а потом начнете чувствовать не то, что ожидаете. В два дня дойдете. На первом ночлеге узнаете, что значит пешеходство, если не знали его прежде. Не забудьте взять пузырчик водки с солью, на ночь натрете ею

ноги. К вечеру-то они будут уж не свои. Натрете, к утру они немного отойдут. Утром уж не так пойдете, как из Москвы, но разойдетесь. Обратно можно и по чугунке, а то едва ли сдюжаете еще два дня пройти. Но делайте так, как имеете предложение в сердце. Для Господа труд, Он даст и силу. И после что-нибудь даст, заметно или незаметно. И преподобный Сергий что-нибудь даст. Святым Бог дает способность видеть, что делают для них верующие, и слышать, о чем они их просят. Только бы все шло из сердца. Как телеграф в одно мгновение дает знать из Москвы в Санкт-Петербург и далее, так — что́ в сердце зарождается, в одно мгновение дает о себе знать тому, к кому обращено. Преподобный Сергий, как только Вы загадали сходить к нему, уж посматривает на Вас; когда начнете путь, тем больше будет смотреть, и еще больше, когда к нему в обитель придете, перенесши благодушно и с радостью труды путешествия. Так благослови, Господи! Только приятностей не ждите, а утомления, мозолей, ломоты в костях. Жертву готовьтесь принесть, а не удовольствие снискать.

Идя дорогою, твердите непрестанно коротенькую молитовку, о коей я Вам писал, а то мысли не знать куда занесут Вас на просторе. Они могут занести Вас и к тому, что и вообще не пристало думать, и тем паче шествующим на богомолье. Когда

уморитесь твердить такую молитовку, берите какой-либо псалом и читайте его на память с размышлением. Читайте «Помилуй мя, Боже», или «Боже, в помощь мою вонми», или другой, какой знаете. Да не о том заботьтесь, чтобы прочитать его с начала до конца, а чтобы обдумывать и обчувствовать содержание его. В каждое слово вникайте, обставив его вопросами: зачем оно сказано и к чему ведет Вас. Углубляясь так, Вы и не заметите, как будут верста за верстою миновать Вас. Читать псалмы на память с размышлением во время пути есть правило первых великих отцов, Антония и Пахомия. У них было законом, чтобы кто поступает к ним в ученики непременно заучивал несколько псалмов на память. Кто не умел читать, тот, прежде чем выучивался читать, псалмы заучивал со слов другого. Выучив несколько псалмов, он должен был потом читать их и сидя за работою, и особенно идя куда-либо. Извольте сделать опыт подражания древним.

Не забудьте в обители исповедаться и причаститься Христовых Таин. Труд путешествия будет вместо трудов говения. Исповедаться теперь Вам нетрудно после прошлой, так обстоятельно сделанной, исповеди. Ничего не скрывайте, чего не одобряет совесть, малое то или большое. Но не упустите главного — слезку сокрушения. Одна слезка — и будете как выкупавшись или в бане помывшись.

О такой слезке я и прежде хотел Вам нечто написать, да забыл. Пропишу теперь. Вы берете книги из библиотеки для чтения. Возьмите Жуковского и прочитайте статью «Пери и Ангел». Она, кажется, в пятом томе. Преназидательная. Она большая. Расскажу Вам коротенько ее содержание. Пери, дух, один из увлеченных к отпадению от Бога, опомнился и воротился в рай. Но, прилетев к дверям его, находит их запертыми. Ангел, страж их, говорит ему: «Есть надежда, что войдешь, но принеси достойный дар». Полетел Пери на землю. Видит: война. Умирает доблестный воин и в слезах предсмертных молит Бога об отечестве. Эту слезу подхватил Пери и несет. Принес, но двери не отворились. Ангел говорит ему: «Хорош дар, но не силен отворить для тебя двери рая». Это выражает, что все добродетели гражданские хороши, но одни не ведут в рай. Летит Пери опять на землю. Видит: мор. Умирает красавец. Его невеста ухаживает за ним с самоотвержением, но заражается и сама. И только что успела закрыть ему глаза, как и сама пала ему на грудь мертвою. Были слезы и тут. Пери подхватил одну и несет, но двери рая и за эту не отворились. Ангел говорит ему: «Хорош дар, но один не силен отворить для тебя Неба». Это значит, что семейные добродетели одни тоже не приводят в рай. Ищи! Есть надежда. Пери опять на землю. Нашел кого-то кающегося.

Взял его слезу и несет. И прежде чем приблизился к раю, все двери его были уже отворены для него. Так вот какую слезку извольте принесть Господу. Радость бывает на Небе, когда кто плачет и сокрушается, чувствуя себя грешным. И се — благонадежнейший нам путь: *покайтеся и веруйте во Евангелие* (Мк. 1, 15).

Благослови Вас, Господи!

Утешение богомольца. Наставление о тщательной исповеди. Краткие молитовки и непрестанное внимание к Богу

Совершили Вы свое путешествие! Слава Богу! Вот видите, исполнилось мое Вам предсказание утомления и ломот. Исполнилось и то, что обещалось душе Вашей. Господь утешил Вас обрадованием от Святого Причащения, а святой Сергий прогнал Ваше смущение.

Пишете: «Поднялось в душе сильное и тревожное смущение, я обратилась к святому Сергию, и смущение мгновенно рассеялось: оно заменилось тихим и приятным покоем». Так видите, воззвание из сердца тотчас слышится на Небе и тотчас же ниспосылается оттуда ответ на него. Учитесь из сего, где надо искать успокоения и вразумления.

Но что Вы на исповеди какого-то греха не сказали — это недобре сделано. Великое ли или малое, дело или слово, но, коль скоро совесть говорит, что то грех, надо очищать то исповедию и покаянием. Сущность

Таинства Покаяния состоит в разрешении сказанного греха. Грех не сказанный не разрешится и останется на душе и с нею пойдет на тот свет. Будет черное пятно, на белом платье тем заметнее. Хитроумие там не поможет. Надо сделать, как положено не людьми, а Самим Господом. Господь говорит: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). И в утешение нам и облегчение сего иногда не совсем легкого дела законоположил: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Мф. 18, 18). Затвердите хорошенько и к сердцу примите, что все не разрешенное на земле богоучрежденным порядком остается не разрешенным и на Небе. И поспешите восполнить это опущение. Теперь Вам надо, каясь во грехе, пропущенном на исповеди, каяться и в том, что Вы заведомо пропустили.

Хорошо Вы делали, что всю почти дорогу не оставляли коротенькой молитовки. Да и всегда учитесь быть с нею неразлучно. Она и внимание будет собирать, и отбивать пустомыслие и суетномыслие, и держать Вас в состоянии получать от Господа чрез Ангела-Хранителя вразумление в час нужный. Маленькая молитовка есть великое сокровище. Ничего нет равного ей в духовных деланиях. Старайтесь при этом стоять вниманием в сердце и не слова только

непрестанно произносить, но и память о Господе держать, соединяя с нею благоговейный страх. Бог везде есть. Думаем или не думаем о Нем, Он все же тут есть, где и мы, и все видит. Судя по-человечески, как Ему скорбно, когда не обращают на Него внимания, хотя Он всех держит, о всех печется и всех снабжает всяким добром. Исключите себя из числа сих невнимательных и око ума своего не забывайте обращать к Господу или хоть в чувстве только держите, что Он близ, подобно тому, как чуем, что солнце над нами и греет, хоть и не смотрим на него. Умное, с благоговением обращение к Богу из сердца есть уже молитва. Делайте так, как только есть возможность. А о том, что стать пред иконами и класть поклоны днем не приходится, не беспокойтесь много. Зато часы утренние и вечерние — все отдавайте Господу. Тут и почитайте, и подумайте, и помолитесь подольше. Будто спите, а между тем, пробудившись пораньше, вставайте поскорее и ведите с Господом сладкую беседу. Наладитесь утром хорошенько — уже весь день пойдет хорошо. Память Божия, чтение Евангелия и Апостола и других душеполезных книг будут раскрывать и утверждать в Вас понятия о достодолжном. Совесть возьмет сии понятия под свою опеку и начнет проводить в жизнь, не позволяя Вам уклоняться от дел, ими указываемых. И пойдет жизнь светлая. Только законом имейте — никогда ничего, ни большого, ни

малого, не делать против совести, а если что прорвется, тотчас удовлетворять ее покаянием — своим внутренним, домашним. Пред духовником после исповедуетесь. Совесть — великое дело. Она есть голос Вездесущего Бога в душе. Кто в мире с нею, тот в мире и с Богом.

Благослови Вас, Господи!

Молва и речи человеческие. Нужда в добром советнике. Постоянная опасность со стороны врага

Милость Божия буди с Вами!

Как больно отозвалось у меня в сердце Ваше слово «пошла молва»! О, как страшен и едок огонь речей и подозрительных очей человеческих! И понятно, почему в псалмах святой пророк Давид часто с болезнию сердечною обращается к Богу в молитве избавить его от языка человеческого.

Где Вам найти утешение и опору? В свидетельстве Вашей совести. Это сознание нравственного достоинства Ваших поступков пред Богом и всеми здравомыслящими людьми и держите в уме и сердце. При нем мужественно встретите всякую речь, какая бы там ни ходила. Между тем относитесь ко всем, как будто ничего не знаете.

В житейском быту нельзя совсем пренебрегать тем, что скажут или что говорят. Дело благоразумия, впрочем, здесь должно простираться лишь до следующего: вести дела так, чтобы не раздражать речей и не мулить очей человеческих. Дальше же этого не

должно заходить: к отложению, например, дел, которые считаются обязательными.

Да — доселе чем же Вы высказали какую-либо особенность?! Неужели тем, что сходили к преподобному Сергию?! Но ведь это сделано негласно, и тут Вы спрятаны были за своими. Или тем, что во все воскресные и праздничные дни ходите в церковь ко всенощной и к Литургии?! Но это есть долг, верно исполняемый всеми христианами, помнящими, что они христиане. От исполнения его может увольнять только крайняя нужда, не навлекая укора в лености и в забвении своего христианства. На дурные обычаи барышень московских не смотрите и речей их пустых не слушайте. Ныне-завтра — смерть. Она не смотрит на красавиц, подкашивает и их. А после смерти — тотчас отчет. И умничания барышень там никак не возьмут в расчет.

Так не беспокойтесь речами. С Вашей стороны делается все, чтобы не раздражать их. Если, несмотря на то, они пошли, пусть их. В утешение и укрепление Вашего мужества достаточно, как я сказал, свидетельства совести пред Богом. Пусть все осуждают; но если Бог оправдывает в совести, все суды эти ничто. Сказывал мне один из наблюдательных, что речи человеческие, коль скоро не цепляются за что-либо действительно дурное, постоят-постоят над человеком, как облако безводное, и отходят. И след их простынет, и никто уже не помянет о них. То же, думаю, будет и в отноше-

нии к Вам. От всей души желаю этого Вам. Держите себя ровно, как всегда, будто ничего не замечаете.

Вместо строгости подвижнической, неприложимой в Вашем быту, возьмите страх Божий и память смертную, и они научат Вас всему.

Пишите обо всем. Скрытность в житейском быту — не худая вещь; в духовной же жизни — самая опасная. Непременно надо иметь кого-нибудь, с кем бы можно было совещаться о всем, бывающем и вне, и паче внутри. Как уж у нас с Вами зашла о том речь, то и пишите. Есть около нас и в нас какая-то дурная сила, которая разными призрачными добротностями вводит нас в обман и путает дела наши, наводя то на пустоделие, то даже и на худоделие. Сидит враг под боком и все подталкивает под руку. Много помогает против него и свое рассуждение — то, чтоб не сразу делать всякое показавшееся хорошим дело, а наперед обсуждать его всесторонне. Когда станете обсуждать, призрачность добра, какою облекает враг свои внушения, тотчас рассеется. Но свое рассуждение не всегда успевает это сделать, потому что враг нередко и его запутывает своими подсказами (наши старцы прозвали это подсадами). Пишите же и все рассказывайте. А если там найдете кого, с тем переговаривайте о всем почаще.

Спаси Вас, Господи, и помилуй! Жить надо учиться.

Наблюдайте за собою. Ошибки покажут, как в другой раз поступить исправнее.

Тоска и страхования. Невинные развлечения. Разобщение с людьми дурными. Английский апостол из секты духоносцев. Его лживость

Милость Божия буди с Вами!

Ваша тоска со страхованиями есть нечто непонятное. Чего Вам? Всё у Вас в порядке и по дому, и по делу души Вашей. Перетерпите. Что делать?! Богу молитесь и Ему свою участь и участь всех своих предавайте. Се самый надежный путь к покою! Заботу имейте об одном — чтобы не сделать чего-либо, Бога прогневляющего. От этого и упование будете иметь крепкое и покой прочный.

Что есть некоторые семейные развлечения приятные, ничего. Только не увлекайтесь. Бога не забывайте и за всякое утешение Его благодарите, принимая то утешение как бы из рук Его. Зато, уединяясь, усерднее припадите к Господу, прося у Него вразумления и указаний о путях жизни. Но бывает и то, что развлечения, и приятные, порождают тоску, потому что хоть они и не грешные, но не то, что может доволь-

ствовать сердце. Впрочем, переменчивость чувств так нам свойственна. Ее надобно сносить и перетерпливать, об одном заботясь, чтобы не переменялось, а всегда в силе пребывало главное решение — цель жизни, которую Вы себе избрали.

Разве вот что может быть?! Бог окончательно сердца Вашего просит, а сердце Бога хощет. Ибо без Бога оно никогда не бывает сыто, все скучает. Осмотрите себя с этой стороны. Может быть, тут найдете дверь в покои Божии.

Что Вы разошлись душою с одною из своих приятельниц, которая своим симпатичным и вкрадчивым нравом оказывала на Вас влияние, неблагоприятное для цели жизни, Вами для себя предначертанной, это очень добре. Вы поминали когда-то о сем влиянии, но я пропустил сказать Вам: поостерегитесь. Ну, слава Богу! Теперь само собою дело приняло добрый оборот. Всяко, однако ж, не следует допускать в сердце неприязни. Ограничьтесь тем, чтобы не доверять ей более и речей ее сладких не принимать к сердцу. Держите себя ровненько и мирных отношений не расстраивайте.

Спрашиваете, как думать об английском апостоле каком-то*? Но в Ваших же словах есть и решение, как о нем думать. Он говорит, что Господь ему является и приказывает ему, что сделать и что говорить.

* Редстоке.

Неужто не видите или у Вас там не видят, что он обманщик? Если бы Господь ему являлся, то не послал бы его к нам, а к туркам, например, или другим каким неверам. Нашу веру Сам Господь многократно подтверждал и подтверждает чудесами, святыми мощами и явлениями Своими и святых Своих. Нас нечего учить. Напротив, ему самому надо у нас поучиться. Апостол этот не общеанглийской веры, а особой некоей, недавно появившейся. Недавно появилась там секта духоносцев. Кому-то пришло в голову, что в Церкви Христовой должно повторяться то же, что было на апостолах, то есть чтобы Дух Святой видимо сходил и видимо действовал в верующих. Несколько лиц ему поверили — больше красавицы. Начали думать, как бы сего достигнуть. Думали-думали — и надумали. Не знать как, они убедились, что Дух Святой точно в них действует, и других стали в том уверять. Повыдумали несколько темных чудес и стали разглашать всюду. Так понабралось около них немало легковерных. Они отделились от прочих, завели свои церковные порядки. И вот секта!

Из их-то среды и Ваш апостол. Он все толкует о Святом Духе, что всякому непременно надобно быть исполнену благодати Его, чтобы спастись. Эта мысль совершенно верная. Я раскрывал ее Вам в первых письмах. Но только и есть правды в его словах. Далее все ложь! Он кричит: веруй-веруй, и

Дух Святой придет. Это главная его ложь! Вера точно есть неотложное условие к получению дара Духа Святого, но самое получение дара бывает не по одной вере, а по вере чрез богоучрежденные Таинства. Так было и во времена апостолов. Вот случай! Святой Павел пришел в Ефес и, встретив там некоторых верующих, спросил их, приняли ли они Духа Святого. Те отвечали, что они не слышали даже, есть ли Дух Святой. Оказалось, что они были крещены лишь крещением Иоанновым. Тогда святой Павел окрестил их Христовым крещением; после же крещения возложил на них руки, и они исполнились Духа Святого. Крещением они были обновлены, но не получили дара Святого Духа. Он сообщился им чрез апостольское возложение рук, а крещение сделало их только способными к принятию дара и достойными того. Как с этими верующими было, так бывало и со всеми и при апостолах, и после них. Так это и доселе бывает в Церкви Божией — именно через Святое Миропомазание, которое апостолами же введено вместо возложения рук.

Мы все, крещеные и миропомазанные, имеем дар Святого Духа. Он у всех есть, но не у всех действен. Как достигнуть того, чтобы он стал действенным, изображено в моих первых письмах. Потрудитесь снова пересмотреть. Здесь прибавлю только, что иного пути к тому нет.

Обратитесь теперь к английскому апостолу и спросите, имеет ли он сам дар Святого Духа. Не имеет. Ибо у англичан нет Таинства Миропомазания, без которого, как без возложения рук апостольских, Дух Святой никогда не сходил и не сходит. У англичан только два Таинства: Крещение и Причащение, а Таинства Миропомазания нет. Нет, следовательно, в них и дара Святого Духа. Нет его и у сего апостола. Стало быть, он толкует о том, чего не знает, и проповедует о получении того, чего сам не имеет. В речах его Вы не заметите и помина о том, как приемлется Дух Святой. Он толкует только о необходимости иметь Его и потом взывает: веруй! Похоже на то: разинь рот — и Дух Святой влетит.

Как идет к сему апостолу слово Господа: *врачу, исцелися сам!* (Лк. 4, 23).

Извольте с сим согласиться и передать мои мысли другим, собственно тому, кто говорит у Вас с увлечением о предметах веры. Чрез него такое воззрение на апостола может шире разойтись.

Благослови Вас, Господи! Спасайтесь!

О чтении духовных и светских книг

Милость Божия буди с Вами!

По Вашему желанию посылаю Вам святого Антония с его писаниями. Читайте и углубляйтесь. И подивитесь. Он не был ученый и книг ученых не читал, только пел Псалтирь и прочитывал Евангелие с Апостолом. Благодать Божия раскрывала созерцания в уме его, — и вот смотрите, какие премудрые у него речи. О нем есть свидетельство очевидцев, что, когда он начинал говорить, речь его текла как река и, исходя из его сердца, исполняла сердца всех слушавших. Иногда целые ночи проходили в таких беседах, и ни он, ни слушавшие его не знали утомления и не чувствовали позыва ко сну. Вот и у нас отец Серафим Саровский тоже был неученый, но опыты жизни духовной, углубление в слово Божие и писания отеческие сделали его из мудрых мудрым. В духовной жизни книги — только руководство. Само познание приобретается делом. Даже то, что познано бывает из чтения будто ясно и обстоятельно,

когда испытано бывает делом, представляется совсем в другом свете. Жизнь духовная — особый мир, в который не проникает мудрость человеческая. Вы сами это испытаете или уже испытываете. Трудитесь над собою и внимайте себе. Понемножку-понемножку — и Вы дойдете до того, что начнете вести премудрые речи, которые садись да записывай. Благослови Вас, Господи!

Пишете: «Много читаю; не худо ли это?» Бывает и худо и хорошо, судя по тому, что́ читаете и как читаете. Читайте с рассуждением и читаемое поверяйте неложною истиною нашего исповедания. Что согласно с ним — то принимайте, а что несогласно — тотчас отвергайте как богопротивную мысль и книгу ту, в которой слагаются такие мысли, бросайте. Вы взялись изучать духовную жизнь. Это предмет и многообъятный, и возвышенный, и сладостный для сердца, которое не может не видеть в ней последнего своего блага. Взялись за это — и изучайте, и из книг, и паче делом. Какие книги читать, уже знаете, и как наладиться на соответственную жизнь, ведаете. Если серьезно желаете вступить на эту стезю, то Вам некогда будет обращаться к изучению других предметов. Учились и общие понятия о всем имеете, и довольно с Вас.

Скажете: да этак отсталою выйдешь? Что же за беда! Отсталою в одном, а преуспевающею в другом, — и в другом гораздо высшем. Если бы, отста-

вая в человеческих мудрованиях, Вы не преуспевали в премудрости Божией, был бы ущерб. Но как преуспевать в последней Вы несомненно будете, если возьметесь за дело как следует, то не ущерб потерпите, а большее преимущество приобретете. Ибо с мудростию духовною человеческое мудрование в сравнение идти не может.

Говоря так, я не то хочу сказать, чтобы другого ничего нельзя уж было и почитать, а только то, что и без него можно обойтись без ущерба, тогда как склонясь на него, можно понесть ущерб в своем главном. За двумя погонитесь, ни в одном не успеете.

Но вопрос все еще остается нерешенным: так как же, можно читать иное что, кроме духовного? Сквозь зубы говорю Вам, чуть слышно: пожалуй, можно, только немного и не без разбора. Положите такую примету: когда, находясь в добром духовном настроении, станете читать с человеческими мудростями книгу и то доброе настроение начнет отходить, бросайте ту книгу. Это всеобщий для Вас закон.

Но и книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благости, правды и многопопечительного о нас промышления Божия. Такие книги читайте. Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет в них читать.

Сказать: «Читайте такие книги» легко, но где их взять? Этого я Вам указать не могу. Ныне более выходит книг по предметам естествознания. Но почти все они с дурным направлением, именно — покушаются объяснить происхождение мира без Бога и все нравственно-религиозные и другие проявления духовной в нас жизни — без духа и души. И в руки их не берите. Есть книги по предметам естествознания без таких мудрований. Те можно читать. Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющейся. Великая во всем этом премудрость Божия! Неисследимая! Какие именно есть такого рода книжки, спросите у того, кто увлекательно говорит о предметах веры.

А повести и романы?! Есть и между ними хорошие. Но, чтобы узнать, хороши ли они, надо их прочитать, а прочитавши, наберетесь таких историй и образов, что Боже упаси! Занавозите свою чистенькую головку. После поди вычищай. Какая же стать накликать на себя такой труд?! Потому, думаю, лучше не читать их. Когда кто из прочитавших благонамеренных людей порекомендует какую повесть, можете прочитать.

Есть хорошие землеописания. И их можно почитать. Но всё понемногу и как бы только для разнообразия. Свое дело держите и от него внимания не отвлекайте.

Благослови Вас, Господи!

Охлаждение к молитве. Небрежная и спешная молитва. Как избегать этого. Чтение молитв на память

Милость Божия буди с Вами!

Пишете: «Что-то плохо идет молитва моя». Что молитва идет плохо, в этом не молитва виновата, а молящийся. Старайтесь молиться, как должно, и молитва будет идти хорошо. Кто дурно пишет, на того прикрикнут и погрозят — и он начинает писать исправно. Извольте прикрикнуть на себя и погрозить судом Божиим — и начнете молиться, как следует. Человеческие дела исправляем мы тщательно, потому что люди увидят и укорят; а дело Божие делаем кое-как, потому что Господь молчит, не тотчас укоряет, предоставляя служение Себе усердию детей Своих, столько Им благодетельствуемых. О, как это горько будет, когда придется сознаться виновными против сего пред Самим Господом.

Да куда же это девалась молитва Ваша?! Ведь она пошла было хорошо, и Вы ощущали уже благое

ее действие в сердце. Я Вам скажу, куда она девалась. Помолившись раз и два усердно и с теплотою и у святого Сергия испытав такую скорую помощь вследствие молитвы, Вы подумали, что молитва Ваша уже установилась и нечего потому много о ней заботиться: сама будет идти хорошо. Допустив такую мысль, Вы, становясь на молитву, и молитвы стали прочитывать небрежно и спешно, за мыслями перестали смотреть. От этого внимание рассеивалось, мысли расходились в разные стороны и молитва была не в молитву. Раз-два поступили так, и молитва совсем пропала. Начинайте опять снова приобретать молитву и испрашивать ее себе у Господа.

Из сего научитесь, что никогда не должно считать установившимся никакого духовного делания, и тем паче молитву, а всегда так себя иметь, как бы в первый раз начинали ее совершать. Что делается в первый раз, тому отдается и первое усердие. Если будете так себя иметь, приступая к молитве, что Вы никогда еще не ма́ливались как должно и теперь только в первый раз хотите сделать это, то всегда будете молитву свою совершать с первым усердием. И она будет идти хорошо.

Полагаю, что Вы стали спешно совершать свое молитвенное правило, кое-как, лишь бы кончить. Положите себе отселе законом никогда не молиться кое-как. Ничто столько не оскорбляет Господа, как

это. Лучше не все положенные молитвы прочитывайте, но со страхом Божиим и благоговеинством, чем все, но кое-как. Лучше даже одну молитву какую-нибудь прочитать или даже своим словом, падши на колена, помолиться, нежели так делать. Стали так молиться, вот и плода нет. Извольте же хорошенько пожурить себя за такую небрежность. Сие ведайте, что никто из внимательно и усердно молящихся не отходит от молитвы, не прияв действия молитвы. О, какого блага лишаем мы себя, позволяя себе небрежно молиться!

Отчего спешность бывает в молитве? Непонятно. За другими делами часы проводим, и не кажется долго, а на молитву лишь станем, как уж думаем, что не знать как долго простояли. И ну погонять себя, чтобы скорее кончить. Никакого толку от молитвы и не бывает. Как же быть? Иные вот как делают, чтобы не подвергаться такому самообману: назначают себе на молитву четверть часа, или полчаса, или час, как им удобнее, и так подгоняют свое стояние на молитве, чтобы удар на часах — получасовой или часовой — давал им знать о конце стояния. Затем, становясь на молитву, уже не заботятся о прочитании стольких и стольких молитв, а лишь о том, чтобы к Господу вознестись в молитве достодолжно во все время положенное. Другие так: определив себе время для молитвы, узнают, сколько в это время раз

можно пройти четки, неспешно их передвигая. Затем, становясь на молитву, передвигают четки неспешно определенное число раз, а умом в ту пору Господу предстоят, или своим словом беседуя к Нему, или прочитывая какие-либо молитвы, или без того и другого благоговейно поклоняясь Его беспредельному величию. Те и другие так навыкают молиться, что минуты стояния на молитве бывают для них сладостными минутами. И уж редко бывает, чтобы они стояли на молитве лишь положенное время, но удвояют и утрояют его. Извольте себе избрать какой-либо из этих приемов. И держитесь его неотложно. Нам с Вами нельзя без точных правил обойтись. Для усердных же молитвенников никакие правила не нужны.

Я Вам писал уже, чтобы Вы заучили молитвы на память и, становясь на молитву, на память читали их, не беря в руки молитвенника. Это куда как хорошо! Становясь на молитву, читайте заученную молитву или псалом и всякое слово его обнимайте не мыслию только, но и чувством. Если при этом от какого-либо слова псалма или молитвы начнут рождаться свои молитвенные воззвания, не пресекайте их, пусть идут. Вам ведь не будет заботы прочитать столько и столько, а только простоять на молитве положенное время, которое скажется само — или четками, или часами. Спешить читанием молитв и не для чего.

Пусть один псалом или одну молитву прочитаете во все это время. Некто рассказывал, что ему нередко случается во все положенное у него время для молитвы прочитать одно «Отче наш». Потому что всякое слово у него обращается в целую молитву. Другой сказывал, что когда растолковал ему кто-то, что так можно молиться, то он всю утреню простоял в благоговейной молитве, читая «Помилуй мя, Боже», и не успел докончить псалма.

Извольте навыкать и себе так молиться, и, Бог даст, скоро воспитаете в себе молитву. А там уж и правил никаких не нужно будет. Трудитесь, иначе ничего не выйдет из Вас. Если в молитве не будете успевать, не ждите успеха и ни в чем другом. Она корень всего.

Благослови Вас, Господи!

Обет отречения от мира. Как вести себя по изречении обета до его исполнения

Милость Божия буди с Вами.

Несказанную радость доставило мне последнее Ваше письмо. Итак, окончательно решаетесь жизнь свою посвятить на служение Господу, не соплетаясь житейским бытом. Да приимет Господь милостиво жертву сию и да благословит доброе решение Ваше! Изрекли пред Господом, держите же его и отселе так сложитесь в мыслях своих, что Вы уже отрезанные от мира. Я и прежде слышал от Вас, что у Вас душа не лежит к этому быту то по слабости здоровья Вашего, то по страху неудач, какие случалось Вам замечать в иных семьях. Но то была одна речь, а теперь — другая. Дело одно, но душа в нем другая. То было нерасположение к житейскому по житейским соображениям, а теперь Вы отсекаете себя от житейского, чтобы всецело принадлежать Господу. Мало ли людей живет бессемейно, но живут все так же, как и семейные, — с теми же заботами и видами.

Ваше решение не в этом духе. Оно совсем из другого источника и к другому порядку жизни принадлежит и Вас приурочивает. Возгревайте же тот дух, в котором изречено Ваше решение.

Решение произнесено, но когда и как его исполнить, на это надо пождание терпеливое. Нельзя рвануться вдруг при Вашей обстановке, когда все, как ожидаете, будет поперек. Родительское благословение — первое условие. Его надо выждать. Ждите и молитесь. Господь, вложивший в Вас такое благое намерение, Сам приведет его и в исполнение незаметным образом, как под гору скатываются санки. Сказывать не сказывайте, а, держа на душе одну мысль, все молитесь Господу, чтобы Он привел в исполнение Ваше намерение, как знает Его премудрая воля.

Между тем сами в себе прилаживайтесь к тому роду жизни не изменением внешних порядков, а внутренним строем. Под этим я разумею не что-либо особое, а то же самое, о чем было писано так много прежде и что уже начали Вы делать. Возьмитесь за все указанное порешительнее теперь. Основа положена, созидайте здание.

Стали Вы спиною к житейскому, не обращайте уже более к нему лица.

Теперь Вам можно совсем отказаться от всех развлекающих утех и держать себя больше дома в уединении, за делом каким, а между ним и за занятиями

по духу Вашего настроения. Теперь Вам можно решительнее действовать в этом отношении.

Помяну и о главном. Отрекаясь от житейского, к Богу надо паче присвояться. Сие ведается, но блаженны будете, если и творить то станете. Помышляйте же более о Боге и делах Божиих. Память о том, что Господь всюду есть, и с Вами, и в Вас, — эту память навяжите на свой ум и с нею ходите неразлучно: работайте, сидите, спите и бодрствуйте. Сочетайте с сею памятию и другую — память о смерти и о том, что по смерти — Суде и предрешении участи вечной. Сии две памяти — два мощных стража всякого добра. Они сами Вас всему научат, возгревая в Вас спасительный страх Божий — источник божественной премудрости.

Это все уж Вы знаете. Поминаю мимоходом, чтобы Вы порешительнее взялись за это. Особенно же нужное Вам теперь слово есть: благослови, Господи! Но исполнения ждите с терпением.

Продолжение. Раз данный обет безбрачия должно держать твердо. Высота девства

Спешу и еще приложить Вам кое-что о том же.

Святой апостол Павел, насадивший веру Христову в Коринфе, опасаясь, как бы коринфяне не уклонились на какой-либо неправый путь, писал к ним: *Ревную... по Вас Божиею ревностию: обручил бо вас Единому Мужу деву чисту представити Христови. Боюся же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют и разумы ваши от простоты, яже о Христе* (ср.: 2 Кор. 11, 2–3). Ревную Божиею ревностию и я по Вас, как это Вы видите с самого начала наших бесед. Се предстоите Вы Христу Господу — дева чистая, Ему себя предавшая! Но обручение Ваше с Господом не мною совершено. Оно устроилось помимо моих усилий и даже намерений. Пиша к Вам, я не имел ничего в виду, как наладить Вас на строй истинно христианской жизни, — строй прочный, в котором, как на безопасной ладье, могли бы Вы переплыть

неверное море временного жития. Произошло, однако же, большее. И слава Богу! Предрасположение к тому было у Вас от природы — Бог дал. Повеяла Божия благодать. И се — решение!

Решение! Но дело-то ведь еще далеко. Сколько может встретиться случайностей, могущих все повоpотить кверху дном. Нельзя потому не бояться, да не истлеет и Ваш разум от простоты, да не прельстит и Вас враг лукавством своим, как некогда змий Еву. Господь да избавит Вас от таких случайностей. Однако ж, если и всегда необходимо рабам Христовым трезвиться и бодрствовать, бдеть и молиться, тем паче необходимо это для Вас теперь, после принятого Вами намерения. Определенного ничего не могу Вам сказать, как: будьте на страже. Мгновенно может напасть враг. Пишите тогда поскорее. А между тем стойте.

Поглубже укорените то убеждение, что образ жизни, Вами избираемый, есть Богом благословенный. Его одобрил Спаситель словом о скопцах Царствия ради Небесного. Ему Он дал предпочтение, сказав о Марии, приседшей к ногам Его и слушавшей только слово Его, что она благую часть избрала, избрала то, что есть единое на потребу. Светлые примеры его видите в лице многих пророков и апостолов, святого Предтечи Господня, паче же Пречистой Владычицы Богородицы — чистоты приятелища и источника.

Покров Ее материнский да осеняет Вас всегда. Девственницы — особый предмет Ее попечения.

Девственницы, как и девственники, установились в Церкви Христовой еще во времена апостолов и с того времени постоянно в ней пребывают и пребудут, пока стоит Святая Церковь, то есть до скончания века. Ибо сей род жизни и естеству нашему не чужд, и благоприятствуется духом веры Христовой. В Коринфе многие девы не хотели выходить замуж, всею любовию возлюбив Христа Господа — всем душам единого Мужа. Отцы обратились к святому Павлу с вопросом, как им поступить. Святой Павел посоветовал им дать дочерям свободу работать Господу, не нудя их выходить замуж. Отцы послушались сего совета, и девы остались девами. Примеру коринфян последовали другие Церкви, и девство зацвело повсюду. В иных местах девы собирались для жительства в одном доме — работали и Богу молились, не входя в общение с прочими. Многие из таковых увенчались и венцами мученическими, как свидетельствуют подлинные жития их.

Видите, в какой сонм Вы вступаете, чьим покровом осеняетесь и чьему слову внимаете. Смотрите же, взявшись за рало, не обращайтеся вспять. Затвердите слова апостола об отказавшихся от брака и почаще вращайте их в уме своем: *непосягшая*, то есть не вышедшая замуж, *печется о Господних*,

како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом (ср.: 1 Кор. 7, 34). О святости телом нечего говорить. Но о святости духом нельзя не говорить много и много не заботиться. Можно ее мгновенно потерять. *Блюдите убо, како опасно ходите* (Еф. 5, 15). Что блюсти? Сердце, чтобы оно ни к чему не прилеплялось, не к лицу только — об этом и говорить нечего, — но ни к какой вещи. Всякое такое прилепление будет нарушением Вашего обручения с Господом, неверностию Ему. А Он — ревнив. И строго взыскивает с сердец, Ему неверных.

Пишу это не затем, чтобы застращать Вас. Стращание уж что за держава! Но напоминаю про случай, что Вам самим, может быть, иногда придется вразумлять саму себя страхом, если другие вразумления не возьмут. На нашу ревность и постоянство положиться нельзя. Ныне так, а завтра кто знает, что будет. Так вот и ведайте, сколь дурно будет, если отступитесь от преднамеренного.

Благослови Вас, Господи!

Наставление для рвущихся к монастырской жизни. Разные виды подвига безбрачной жизни. Терпеливое ожидание и домашнее подготовление к монастырской жизни

Милость Божия буди с Вами!

Пишете: «О, когда бы поскорее! Сейчас бы улетела куда-нибудь в пустыню, чтобы ничего не видать и не слыхать». Нет, нет. Спешить никак нельзя. Где спешность и этакое рвение поскорее да поскорее, — там не Божие дело. Смятенные желания и добрые не добры и не ведут к добру. Божие идет тихонько, незаметно, но прочно.

Молитесь и с терпением ждите, высматривая, не откроется ли дверь к выходу. Господь так устроит, что и сами не догадаетесь, как все устроится. Обручиться с Господом, обручитесь теперь — сами в себе пред Ним Единым. А когда поступить в хор невест Его — это предоставьте решить Ему. Предайтесь всецело в руки Его.

Вы избираете монастырь. Но монастырь — не единственное место для тех, которые не хотят связываться

семейными узами. Сначала и совсем не было монастырей. Которые решались работать Господу, не связываясь житейскими хлопотами, в своем же доме устраивали себе уединенную каютку и в ней жили отчужденно от всего, в постах, молитвах и поучении в Божественном Писании. Потом уже, довольно спустя, когда стало неудобно жить в домах, иные стали выходить за города и села и жили там кто в натуральной пещере, кто в гробницах, кто в нарочно устроенной келии вроде шалаша. А после них уже завелись и монастыри, чтобы жить сообща и общими силами, и содержать себя, и вести дело спасения в нарочитых подвигах. Но и при них иные, решаясь посвятить Господу жизнь в безбрачии, не вступали в монастырь, а обрекали себя на служение братьям и сестрам в больницах, богадельнях и странноприимницах. Все эти роды жизни, образовавшиеся в самом начале в Христовой Церкви, уже не пресекались, а пребывали всегда и доселе пребывают. И теперь из безбрачных иные дома спасаются, а иные идут в монастырь, а иные берутся ходить за больными в сестрах милосердия.

И Вам можно избрать любой из этих родов жизни. А какой именно — надо пождать и посмотреть, какой Бог укажет. Вы правильно сказали, что в монастыре удобнее спасаться. Там скорее можно достигнуть очищения сердца и того состояния, которое

есть радость о Дусе Святе. Все там к этому приспособлено. Мне думается, что и по состоянию Вашего здоровья монастырь есть самое пригодное для Вас место. Потому и не бросайте мысли попасть туда в свое время. Время Господь укажет. А до того потерпеть надо. До того подвизайтесь первым родом — то есть дома живя. Имейте свою комнату; имейте ее как келию монастырскую и ведите там жизнь, будто в монастыре. Пусть папа и мама будут для Вас вместо игумении, свои все — вместо сестер монастырских, а Вы — послушница для всех несменная.

Вы спешите в монастырь, будто на свободу и в рай. Точно, там полная свобода для духа, но не для тела и внешних дел. В этом отношении там полная связа, закон неотложный — не иметь своей воли. И рай там есть, но его находят, не всегда по цветистой шествуя дороге. Он воистину там находится, но загорожен терновниками и колючками, сквозь которые надо до него добраться. Этого, не исколовшись и не исцарапавшись, никто не достигает. Сие и имейте в виду и исправьте чаяние свободы и рая от монастыря.

Ждите же терпеливо. Помните гувернантку!* Она семь лет ждала, испытывая прочность своего намерения. Зато и вышла огневая монахиня.

Что спешить? Монастыри не уйдут. Успеете попасть в какой-нибудь. Между тем Вы и в намерении

* См. письмо 28.

укрепитесь, и телом поокрепнете. У Вас дома все порядки благочестные. И родители Ваши и родные — люди богобоязненные. Ничего Вы не можете терпеть такого, что бы было противно Вашему решению Господу себя посвятить. И зрейте среди такой атмосферы и в таком рассаднике.

Так решено: ждите. Жизнь же и навыки свои понемногу подлаживайте под монастырские.

Благослови Вас, Господи!

Ухищрения врага отклонить от мироотречной жизни. Как отражать их

Милость Божия буди с Вами!

Пишете: «Грустно мне, нигде нет покоя. Что-то давит меня; на сердце тяжело и темно. Вдруг охватило».

С нами крестная сила! Мужайтесь и стойте. Это враг догадался, что Вы совсем хотите бежать из того круга, где ему удобно удается поживиться около христиан, и вот встречает Вас такою тугою и томлением. Не Вы одни, все испытывают такие нападки, но не все — одни и те же. Вас томит тугою; иного обдает страхованиями; у иного в мыслях взгромождает такие препятствия, будто горы; иному рисует в голове несообразность начинаемого дела. Ко всякому подходит, как ему сручнее бывает: наводит потоки мыслей, растревоживает сердце, возмущает его внутри. И это вдруг, как порывом бури. Такие уж уловки у врагов наших. Они — беспорядочный народ. Шатаются всюду. Видят, что двери отворены и

стражей нет; врываются в дом наш, — и все вверх дном. Нагородят — и убежали. А ты тут потом и справляйся как знаешь. Но ведь беды от этого еще никакой нет. Мы не виноваты в том, что враги набегают; не виноваты и в том расстройстве внутреннего нашего строя, какое они причиняют; не виноваты и в тех мыслях и чувствах, какие при этом ими возбуждаются. И Бог не винит нас в этом. Только соглашаться ни с чем не надобно. А перетерпеть — и все пройдет.

Вы не определили никакою чертою Вашего томления, верно, потому, что оно в самом деле неопределенно; этою неопределенностью больше всего и обличается, что тут вражеские нападки. Стойте же! Господь попустил Вам такое испытание, чтобы Вы показали, что не шутите словом обета. Отнеситесь же к испытываемому Вами как к посланному от Господа и говорите, как Иов: буди имя Господне благословенно! Было покойно, а теперь туга! Благодарение Господу за покой, благодарение и за эту тугу. Скажите Господу: буду терпеть, буди воля Твоя! Помоги только, Господи, перетерпеть. И все припадайте к Господу. И Матерь Божию призывайте.

Вы терпите нападение. Это — случай показать свое умение стоять в добром, как воину — случай отличиться, когда нападает враг. Пусть бьет враг. Вы стойте неуклонно в добром. Говорите даже языком:

не изменю ни йоты в своем намерении и решении. Не хочу ничего из того, что внушает враг; и перечисляйте, что внушает, отвергая и проклиная то. И Господа зовите на помощь. Все пройдет. На одного доброго мирянина напал дух хулы и неверия. Он рассказывал: «Слышу, как в ушах жужжат враги: нет Бога, нет Христа. А я только и твердил: "Верую, Господи! Верую, верую, верую!" И отогнал врага». Вот и Ваше дело так. Кричите: не хочу того, не хочу другого, не хочу третьего — ничего не хочу внушаемого врагом. Одного хочу, что изрекла пред Господом в сердце своем.

Говорите: «Верно, я большая грешница, и Господь меня наказывает». Что грешницею себя чувствуете, это доброе чувство. И, если большою грешницею себя чувствовать будете, не переступите за должную черту.

Все мы — большие грешники и неоплатные. Если и этот случай будете производить от своей грешности, беды не будет. Только внутренних своих решений не отменяйте и в нечаяние не вдавайтесь. Что ни попускает Господь, и внутренне, и внешне, все направляет к нашему очищению и спасению. Сам же близ есть и помогает. И близ Вас есть. Воскресите такое упование — и, терпя, молитесь.

Сие и подобное сему Господь попускает венцов ради. Кто устоит, тот победитель и тому венец. Мы всем нас окружающим и всем с нами встречающимся

можем добывать венцы. Только внимание надо, мужество и то, чтобы все от Бога принимать и к Богу относить.

Благодушествуйте же и не допускайте никаких колебаний. Благослови Вас, Господи!

Искушения со стороны неверов. Опровержение их суемудрых рассуждений

Милость Божия буди с Вами!

Ну вот! Не успела отойти первая тягота, как подготовлена уж и другая — тончайшая и опаснейшая. Кто это у Вас там разглагольствовал?! Ведь сколько наврал и сколько дрянного хламу набросал он Вам в голову?! Метил веру поколебать и не только от Христа Господа отклонить, но и совсем безбожницею сделать. Это враг подослал Вам такого мудреца разумного.

Вы хорошо порешили: всячески избегать разговоров с неверами и всякой с ними встречи. Злые беседы растлевают добрые настроения души. Поди после борись и восстановляй расстроенное. Но ведь не упасешься. Эти злые твари шныряют всюду. Глядишь — он тут и есть. Так вперед вот как поступайте: когда невзначай придется услышать что противное вере, всячески старайтесь не допускать до сердца слышанного, а направлять то из одного уха в другое.

В то же время, отклоняя внимание от речей невера, позаботьтесь занять сердце убеждением, что вера наша непреложно истинна во всех своих пунктах и что если есть противники ей, то это от непонимания дела. Возражать можно на все, даже на то, существуем ли мы. Восстановленное в сердце убеждение при мысли о недалекости ума и недоброкачественности сердца говорящего сделает душу Вашу камнем, о который ударяясь, дурные речи будут отскакивать, не оставляя следа. Если, несмотря на то, все-таки западет что-либо недоброе в душу, обратитесь к молитве тут же, как сделали у преподобного Сергия: взывайте к Ангелу-Хранителю, Матери Божией, паче же к Самому Господу Спасителю. И они развеют навеваемый мрак. После или сами обсудите запавшее недоумение, или в книге какой ищите опровержения его, или поговорите с кем, но непременно сделайте, чтобы и следа его не оставалось в душе. Оставленный след все будет мутить душу и будто камни подбрасывать под ноги идущему.

Пишите и ко мне. Вы добре сделали, что прописали все слышанное. Хоть у Вас не было колебания и уже отошло все, что засело было в мысли от речей тех, скажу, однако ж, против них слово-другое.

«Веру воспитание набивает». Не набивает, а развивает и дает ей определенный вид. Всякий вновь рождающийся вступает в общество, имеющее веру.

Вера общества становится его верою, как и все прочее. Но способность к вере и ее потребность для души — не обществом набивается. Все одно, как и в отношении к познаниям: общество чрез воспитание передает новому члену своему добытые им познания, но не дает ему способности познавать. Эта способность есть неотъемлемая принадлежность души. Так и вера в бытие Бога и Его вседержительство есть неотъемлемая принадлежность духа, которая с силою и обнаруживается у всякого, как только разовьются его способности. Общество передает только образ веры своей, а не самую верующую силу и потребность ее.

Общество чрез воспитание набивает веру. А в общество-то откуда она зашла?! Что ни входит в общество, все то выходит из души. Оно есть хранилище, как бы бассейн, куда стекает все выходящее из души. Таким образом, в обществе есть вера, потому что она наперед есть в душе. Из души она вышла и оселась в обществе. Вера старше общества и семьи, а следовательно, и самого воспитания. Воспитание отдает новорожденному то, что прежде внесено в семью и общество из души.

Так извольте покрепче установить в уме убеждение, что воспитание развивает лишь то, что есть в природе человека, но ничего не влагает в него нового. Если оно развивает веру, то потому, что она

в природе человека. Знать Бога и поклоняться Ему никто бы научить не мог, если бы в духе человека не лежало это неотложным законом. И вот видим, что во всем роде человеческом есть вера. У самых диких она есть, потому что без нее человек — не человек. Если которые не верят из многоученых, то это не значит, что они шагнули далеко вперед или высоко махнули ввысь, а значит, что они выступили из природы человеческой, исказили себя и изуродовали, как бы кто глаза себе выколол или отрезал нос. Если все имеют веру — следует, что норма жизни человеческой неотложно содержит и веру. Следовательно, кто не имеет веры, тот отступает от сей нормы и есть нравственный урод: такого ранга суть все неверы.

«Человек, с детства попавший в круг животных, делается и сам таким же, как они». Это писалось во французских повестях и романах конца прошлого столетия. Было ли что подобное на деле, не знаю. Человек — везде человек. Пусть и между животными он вырастет, все свое уж возьмет он непременно. Но пусть и бывало так, как говорят; возьмите вы этого человека, выросшего среди животных, и штуки две из этих животных и введите в свой круг. Чрез неделю увидите, как далеко уйдет человек от животных. Отчего? Оттого, что в нем есть зародыши высшей жизни. И вера у него появится. Она в нем есть уже, но темна, забита. С первых же указаний про-

будится и скоро придет в силу. Животные же все останутся животными.

Неверам, выступившим из нормы человеческого естества, обычно в подтверждение своего неверия обращаться к ненормальностям. Таково, кроме выдуманного ими ненормального воспитания человека среди животных, указание их на дурачков от природы. И чего-чего они при этом не наговорят! И Бога нет, и души нет. Между тем как, здраво судя, из этих случаев ничего выводить не следует, потому что сами эти случаи еще не объяснены. Извольте вот как рассуждать о них. Душа у них есть так же, как и у всех людей, но не имеет возможности проявлять себя вполне: связана. Применяйте это вот к каким действиям Промысла Божия. Бывает, что кому-либо угрожает опасность от имеющих сплестись впереди обстоятельств, если он будет в них действователем. Бог посылает на него болезнь, и, пока он лежит в постели, обстоятельства те проходят без его участия. Так спасается он от беды. А будь он здоров, непременно вплелся бы в дела и попал в беду. Так рассуждайте и о дурачках от природы. У них души связаны на весь период земного их бытия, потому что, если бы развязать их, не обобраться бы бед от них — ни другим, ни им самим. В другой жизни откроется, что это так. Их души перейдут туда, куда души умирающих младенцев. Оправдается ли или нет такое

верование, увидим на том свете. Но на том свете и возражение устроится из сего обстоятельства, если можно ему устроиться. А на этом ничего из него выводить нельзя.

Других слышанных Вами нелепостей не касаюсь. Вы сами их хорошо поняли. *Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри* (Еф. 5, 15).

Благослови Вас, Господи!

Искушения со стороны домашних неприятностей. Покорность родителям как приготовление к монастырскому послушанию

Милость Божия буди с Вами!

Вот и еще! То неверкою хотел Вас сделать враг, а теперь делает бунтовщицею, и против кого же? Против родителей.

Боже мой, какое ропотливое письмо Ваше! А что там такое случилось?! Верно, блоха укусила. Всячески догадываюсь, что это какая-нибудь мелочь, что и сказать-то об ней нечего. А в голове Вашей она вгромождена в такую величину, что и глазом не окинешь. Все враг, все враг. Он гонит Вас из-под крова родительского, чтобы свернуть Вам голову. Вот и раздувает всякую мелочь в гору, подавляющую Вас. Вы описать не можете, что это такое. Я Вам наперед скажу, что и описывать нечего. Это обычная вражеская уловка — запутывать ум наш неопределенностями. И огорчения, им возбуждаемые, и дурацкие его утешения он умеет так закрывать призрачностями,

что, ничего в них не видя определенного, думают, однако ж, что они суть нечто великое. А стал разбирать — все разлетится: ни горя, ни утешения нет там, где их указывались горы. Все обман. И теперь над Вами устроил он обман. Извольте перекреститься и плюнуть на эти советы врага.

Неприятности, неприятности! Я уверен, что их совсем нет. Но пусть и в самом деле они есть; разве бежать от них надо?! Их надо переносить благодушно и с благодарением Господу. Враг ведь это разжигает Вас. Когда воин встречает врага, бежать разве ему надо? Надо воевать. И Вам тоже. Вы же что? Враг рога только показал, воздымая какие-то неприятности, а Вы уж и бежать. И думать не думайте. Из-под крова родительского после принятого Вами намерения не вязать себя браком Вам только два выхода: или в монастырь, или в сестры милосердия; то или другое с благословения самих родителей. Пока же не устроилось ни то ни другое, сидите дома и все терпите. Извольте сейчас же стать пред Господом, искренне покаяться в своем дурном смущении и изречь твердое решение: буду ждать, буду все сносить благодушно. Да будет во всем воля Твоя, Господи!

Не умею понять, как можете Вы расходиться с родителями в чем-либо? Если это касается суждений о чем-либо, то почему Вам не уступать в этом всякий раз со смирением? Они постарше Вас и по-

опытнее. Ошибку в суждении, скорее, Вам следует за собою признать, чем предполагать ее у них. Так и полагайте: верно, я плохо вижу — и соглашайтесь с их мнением. Если это касается каких-либо распоряжений по дому, опять сделать по-ихнему — и конец. Если не можете чего сделать, объясните, что не можете, — и тоже конец. Если, несмотря на то, они будут настаивать, делайте как можете. И не могу я придумать ни в чем у Вас такого разладу, чтобы его нельзя было сладить. Все враг из мухи слона строит.

Да уж Вы не хотите ли, чтобы все шло, как Вам хочется? Вот гордячка! Не только это незаконно в отношении чего-либо по дому, но даже и в отношении Вас самих. Извольте же отрешить себя на совершенную покорность родителям и все делайте в угодность им, чтобы успокоивать дух их. Это и будет предварительным приготовлением к будущему монастырскому послушанию или исполнительности в общине сестер милосердия. Вот апостол для всех положил законом: повиноваться друг другу в страхе Божии (см.: Еф. 5, 21). А Вы и родителям поперечить беретесь, и расходитесь с ними, Бога не боясь. На что это похоже? В чьей школе научились Вы такой мудрости?!

Блюдите же, повторяю Вам еще, *како опасно ходите!* Благослови Вас, Господи!

Искушение со стороны несправедливости и напраслин от посторонних. Терпение их. Предупреждение желающим уйти из дома родителей на свободу

Милость Божия буди с Вами!

Опять?! Несправедливости, напраслины! Это уж, верно, откуда-нибудь совне. Но откуда бы они ни были, скажу Вам: не мужайтесь только и крепитесь, но и радуйтесь. Значит, Ваше дело душевное идет хорошо. Господь ведет Вас к очищению, а враг встречает в Вас сильную соперницу. Стойте же крепко на своем. Несправедливостями и напраслинами нечего смущаться. Кто их причиняет, тому судит Бог; а кому их причиняют, тому должно терпеть их благодушно и Бога благодарить. Не забывайте, что есть другая жизнь, в которой отзовется все здешнее, в похвалу или в укор. Перенесете несправедливость? Похвала будет. Не перенесете? Укор. Там не скажете: да ведь несправедливо. Справедливо или нет — не твое дело, скажут, судить. Ты почему не терпела?!

Несправедливости от Бога никакие не происходят, но попускаются они Богом — во благо тем, на кого попускаются. Истинно во благо! Это не простая фраза, а настоящее дело. Привожу Вам в пример мучеников. Уж как их не тиранили! А Господь что? Он тут же был, видимо являлся им, утешал их, облегчал страдания, но все же оставлял их в муках — терпеть до конца, чтобы увенчаться полным венцом. Так и всякая неправда и всякая напраслина венец готовят. Но тому, на кого они падают, перетерпеть их надо. Вот эта надобность теперь и Вас сретила. И извольте благодушно терпеть, что бы у Вас там ни было. Того хощет от Вас Бог для Вашего же блага.

Вы говорите: страшно отдать себя неправдам на целый век. Конечно страшно. Затем и говорится тому, кто идет вслед Господа: *мужайся, и да крепится сердце твое!* (Пс. 26, 14). Впереди крест. Выходит, что ничего не остается более, как отдать себя скорбям, лишениям и напраслинам. В этом *отдании*, скажу Вам, *начало истинного пути*. Отдадите себя на это? В самую ту минуту, когда отдадите, вступите вслед Господа. Извольте все это обсудить и решить по-Божиему. От должного решения этого пункта — весь успех.

А Вы рванулись было из дома родителей, да еще и не знать куда, чувствуя будто какое-то стеснение со стороны их. Долг родителей блюсти Вас; они и

блюдут, я думаю, как зеницу ока. Если это идет в ином наперекор Вашим желаниям, надо покоряться. Несправедливо видеть в них при этом одно желание поставить на своем, а естественнее видеть здесь желание охранить Вас и обезопасить от всего. А это есть плод любви. Уверенностию в этом и услаждайте горечь покорности, если она чувствуется в Вас по причине Вашей непокорливости.

Этою покорностию Вы должны отплачивать за то, что получаете в семье. Пища, одежда, кров — это хоть и немалое, но не главное. Главное есть обезопасение от неприятностей вовне. Орлиные крылья покрывают Вас. Клюв орла и когти его готовы на поражение всякого, кто покусится причинить Вам оскорбление или неприятность. Это благо ничем не заменимо. Как только орла, покрывающего Вас, не станет, так заклюют Вас. Теперь приступа никому нет, а тогда все набросятся. Сколько велик ужас беззащитности, Вы вообразить не можете, ибо не испытали. И не дай Бог испытать его. Есть защита? Берегите ее или не порывайтесь из-под нее. Из-под нее Вам надо перейти тоже опять под защиту — или в стенах обители, или в общине сестер милосердия. А одной вступать в борьбу — нет, нет, нет. Заклюют, и места не найдете.

Что значит так сильно у Вас выразившийся порыв к свободе? Это из дурных дурной порыв. Ваша до-

рога уже определена. Куда же рваться-то? Да определили ли вы, чего хотите, так желая себе свободы? Внутренней свободы нечего искать, ибо она есть уже, так как есть неотъемлемая принадлежность духа. Ее никто отнять не может. Выходит, Вам желательна внешняя свобода. Но извольте рассудить, в какой мере допустима и достижима такая свобода? Куда ни киньтесь, всюду Вы будете окружены такими же свободами, как и Ваша, равноправными Вашей свободе. Что бы мы ни задумали делать, всегда должны соображать свои действия с действиями других людей и ими ограничивать себя и, следовательно, стеснять свою свободу. Что ни шаг, то пресечение свободы, и притом законное, против которого возражать нельзя, по собственному сознанию. Если это так, то порыв на свободу есть бегание за радугою и еще хуже — желание схватить призрак. Так вообще; у Вас же в тысячу крат это несмысленнее.

Извольте же укротить свои порывы. Дети да слушают своих родителей и их советом да устрояют дела свои и жизнь свою, подчиняясь им доброхотно. Вот Вам закон свободы! А Вы что загадываете? Рванусь туда, рванусь сюда, и говорить никто не смей. Настоящая эманципатка! Да посмотрите, не болеете ли Вы гордостию? Все эманципатки — гордячки.

Рвануться куда-либо что мудреного? Непрестанно видим порывающихся, только счастливыми никого

из них не видим. Какой же смысл в таких порывах? Никакого, только одно фанфаронство: сторонись! Я так хочу! Кто мне указ? И стремятся сии безуказные без оглядки и под ноги не смотря, пока бухнутся в пропасть, из которой нет вылазу. Извольте принять сие во внимание при порывах: я то сделаю, я на то решусь.

Одно из Ваших намерений очень хорошо. И, может быть, не есть ли оно указание на то, как устроиться Вам в жизни? Я разумею поступление в сестры милосердия. Но что оно среди таких беспорядочных порывов обнаруживается, это не добре. Никаких еще указаний не видно, как Вам устроиться. И ждите, как я уже не раз писал. Господь все устроит. Гнездышко Ваше тепло и уютно. Сидите в нем, пока придет срок выпорхнуть.

Благослови Вас, Господи!

Последние тревоги и беспокойства. Предание своей участи в руки Божии с молитвой и мужеством против врага, наводящего искушения

Милость Божия буди с Вами!

У Вас все еще тревоги. И скажите, откуда бы им у Вас быть?! Внешнее Ваше хорошо; внутреннее все нами пересмотрено, налажено и Вашим решением скреплено. Откуда же быть тревогам?! Всё враг, всё — враг. Неоткуда более.

Разве вот что еще может быть. Не думаете ли Вы сами собою, своими силами и своим уменьем устроить свою жизнь, хоть и по прописанному?! Присмотритесь и, если это хоть на волос верно, поспешите исправиться. При этом строе не оберетесь смущений. Так вот что! Извольте пересмотреть или мысленно повторить все прописанное, и то, что в Вас происходило, и как Вы наконец порешили дело жизни своей, и направьте этот пересмотр так, чтобы в конце его вышло крепкое решение, что Вы участь свою безвозвратно предать должны в руки Божии.

Затем станьте на молитву и, усердно помолившись, изреките пред Господом из сердца: «В руки Твои, Господи, предаю участь мою. Как Тебе угодно, так и устрояй жизнь мою со всеми ее соприкосновенностями и случайностями. Отселе пресекаю всякую о себе заботу, одну заботу восприемля — творить всегда благоугодное пред Тобою». Скажите так, да уж и самым делом всесовершенно возложите себя на руки Божии, ни о чем не заботясь, а всякий случай принимая спокойно, как Богом нарочито для Вас устрояемый, приятен ли он или неприятен. Забота Ваша должна состоять только в том, чтобы во всяком случае поступать по заповеди Божией. Сие единое Вам на потребу.

Коль скоро так настроитесь, всем беспокойствам конец. Теперь Вы заботитесь сами о себе и все случайности хотите устроять и поворачивать по-своему. Как все не клеится, то Вы и мучитесь, что-то не так, другое не этак. А когда все предадите Господу и будете принимать как от Него исходящее и для Вас благопотребное, то никакого беспокойства иметь не будете, а только будете посматривать кругом, чтобы увидать, что посылает Господь, чтобы по смыслу посылаемого и поступить. Всякий случай под заповедь подойти может. И подводите, и по заповеди делайте, Богу угодить стараясь, а не своему желанию удовлетворить напрягаясь. Вникните хорошенько, о чем

говорю, и положите достигнуть такого настроения. Учиться надобно, вдруг нельзя. И молитесь о сем.

Молюсь Господу, чтобы высвободил Вас из того положения, которое Вы считаете для себя неприятным, прибавляя, однако ж: если то угодно Его святой воле и Вам спасительно. И высвободит, конечно, в свое время. Облекитесь сею верою и терпите. И просто смотря на текущие состояния, видим, что они непрестанно меняются. Ничто не стоит. Переменится и то, что Вас тяготит. Настанут дни, когда будете свободно дышать, и не только дышать, но и порхать, как бабочка, по цветам, надо только перетерпеть положенный терпению термин. Хозяйка сажает в печку пирог и не вынимает его оттуда, пока не удостоверится, что он испекся. Владыка мира посадил и Вас в печь и держит в ней, ожидая, пока испечетесь. Терпите же и ждите. Как только испечетесь, и минуты не будете долее сидеть в печи. Тотчас вынут Вас вон. Если рванетесь сами вон, будете то же, что недопеченный пирог. Вооружитесь же терпением. Еще скажу: по вере нашей, кто переносит благодушно встречающиеся неприятности, принимая их, как от руки Господней, тот причастником бывает мученичества. Извольте хорошенько напечатлеть это в мысли своей и навевайте тем утешение на сердце свое.

Без чувств жить нельзя, но чувствам поддаваться незаконно. Надо освежать и умерять их рассуждением

и давать им должное направление. Вы впечатлительны, и сердце заливает у Вас голову. Делайте так, как я уже писал Вам: наперед соображайте, где какого чувства возможно возбуждение, и вступайте в те обстоятельства, держа себя на страже от волнений сердца или держа сердце в крепких руках. В этом надо упражняться, и упражнением можно дойти до полной над собою власти.

Но всё от Бога. К Нему и прибегать надо. А Вы пишете, что не молитесь. Умница! Что же Вы, в бусурманки, что ли, записались?! Как не молиться? Вы не всегда готовые молитвы читайте, а и своими словами сказывайте Ему, что у Вас на душе, и просите помощи. Видишь, Господи, что у меня? И то, и то. Справиться с собою не могу. Помоги, Всемилостивый! И всякую частичку своей нужды перескажите, и на все просите соответственной помощи. И это будет самая настоящая молитва. Можно и всегда молиться своею молитвою, не читая печатных молитв, только бы поблажки лености не было.

Но зачем Вы слушаете того, кто внушает Вам: брось молитву? Или не видите, что это враг? Явно враг. Он в уши жужжит: брось; а иногда, будто охвативши все тело, тащит поскорее в постель. Все это его уловки. Но он свое дело делает, от доброго дела отвлекая. А нам надо свое дело делать, от доброго дела не отступая, пока не кончим. Так изволь-

те вооружиться мужеством и врага не слушайте, и внимания никакого не обращайте на его жужжание. А рассерчать еще лучше. Серчание на врага — то же, что в грудь кого подать. Тотчас отлетит.

От всей души желаю Вам успокоиться наконец. Благослови Вас, Господи!

Успокоение после воздвигнутой врагом бури искушений. Сборы на родину. Последний совет

Милость Божия буди с Вами!

Ну, вот и слава Богу! Стали поперечить своим тревогам с молитвою или, лучше, врагу, воздымавшему их, — и пошел покой. Помоги Вам, Господи, и продолжать такое действование.

Так видите, какую бурю перенесли Вы! Над Вами исполнилось слово Господа: сатана просит сеять Вас, как пшеницу. Куда-куда он Вас не бросал! Господь попустил, и он сеял Вас: то в одну сторону бросит, то в другую. Какая милость Божия, что наконец избавились! Вот и учитесь. Наука жизни опытом достается. Припомните хорошенько, что с Вами было во все продолжение этого дурного состояния, и поточнее определите то. Все это время Вы были под нападками врага. И знаете теперь, каковы эти нападки, как являются и как отходят. По этому и вперед узнавайте, когда подвергнетесь вражескому стрелянию. Враг всегда маскирует себя призраком

правости. Но Вы не на это смотрите, а на то, что бывает в душе, именно — непрестанная тревога и смутная неопределенность. По этому тотчас можете догадаться, что подошел враг, — и гоните его безжалостно отвержением и молитвою. А Божие воздействие всегда светоносно. Это Ангел-Хранитель влагал Вам в уши слово утешения. Навыкайте его слушаться, и он будет учить Вас всему.

Очень рад, что Вы стали на свою дорогу. И извольте трудиться над собою, приготовляясь туда, куда задумали. Враг понуждает спешить. Он всегда полошит, чтобы спутать дело. А Божие идет мирно и тихо. Нельзя иначе, как с пожданием. Всему свой час. Придет час, как на санках под гору скатитесь, как я уже писал.

Собираетесь в деревню и мечтаете о сладостях деревенской жизни. Добре, добре! Та жизнь истину имеет. В городах, а паче в столицах, нет истины. Тут все комедии играют. Дай, Господи, поскорее и благополучно добраться Вам до этого места, где Вы так безмятежно росли и воспитывались. Чем помянете пребывание в древней столице?! Всяко она преподала Вам добрую науку, особенно под конец порядочно поджарила Вас на сковородке.

В деревне будете анахореткою. Присоединяю к Вашим мечтам нечто свое. Найдите естественную пещеру или выкопайте ее своими руками. С одного боку,

если можно, пусть будет маленький источник, с другого — какое-нибудь фруктовое дерево; спереди — небольшой цветничок. К дереву и цветам приучите несколько поющих птичек. Вставайте раньше и, уединяясь сюда, вместе с птичками пойте славу Создавшему всяческая!

Благослови, Господи, путь Ваш!

Содержание

1. Вступительное напоминание о данном обещании вести переписку о духовной жизни. Ожидаемая от сего польза 3
2. Отзыв о причине молчания. Необходимая откровенность и простота в переписке. Суета светской жизни 5
3. Пустота и односторонность светской жизни 8
4. Светская жизнь лишает свободы и преданных ей держит в тяжком рабстве. Лицемерие и эгоизм как постоянные качества светской жизни 12
5. Три стороны человеческой жизни. Первая сторона: жизнь телесная, ее органы и потребности; нормальная и излишняя заботливость о теле 20
6. Вторая сторона человеческой жизни: жизнь душевная — и три главных ее отправления. Первое отправление: сторона мыслительная с ее видами. Знание и наука. Нормальные отправления рассудка и пустое блуждание мыслей 25
7. Желательная сторона душевной жизни. Ее отправления. Правильное и беспорядочное состояние желательной способности 31
8. Сторона чувства — сердце. Важное значение сердца в жизни человека. Влияние страстей на сердце 36
9. Третья сторона человеческой жизни: жизнь духовная. Главные проявления духовной жизни: страх Божий, совесть и жажда Бога. Достоинство человека 42

10. Всеобщность веры в бытие Божие как проявление духовной жизни 47
11. Воздействие духа на душу человека и происходящие отсюда явления в области мыслительной, деятельной (воле) и чувствующей (сердце) 51
12. Выводы из сказанного о трех сторонах человеческой жизни. Возможность перехода из одного состояния в другое и преобладание той или другой стороны жизни. Преобладание душевности и плотяности как греховное состояние. Господство духовной жизни как норма истинной жизни человека 57
13. Истинное счастье человека — жизнь по духу. Тончайшая оболочка души, служащая посредницей между нею и телом и средством общения душ между собою и с миром святых и Ангелов. Светлое и темное состояние оболочки души 64
14. Оболочка души бывает светлою или темною, соответственно внутреннему настроению. Примеры. Потемненную душу видят бесы 71
15. Как святые слышат наши молитвы. Приложение о молитве 75
16. Истинная цель жизни. Образ жизни соответственно цели 79
17. Вклады в небесную сокровищницу. Богоугодная жизнь. Мечтания прогрессисток о всеобщем благе человечества и их лживость 85
18. Значение духовных потребностей в ряду других сторон человеческой жизни. Единое на потребу. Господство духа как естественная гармония всех потребностей, могущая дать мир и покой. Отсутствие этого покоя в человечестве. Всеобщая суета и крушение

духа. Зародыш этого смятения получается вместе с рождением 90
19. Первородный грех как источник внутреннего смятения и беспорядка. Возможность врачевания поврежденного грехом состояния человека 96
20. Продолжение. Изъяснение расстройства, внесенного в природу человека грехом прародителей. Общение с Богом служило источником господства духа над душою и телом. Чрез нарушение заповеди человек отделился от Бога и потерял господствование над душою и телом и подчинился господству страстей. Изображение человека, по падении терзаемого страстями 100
21. Необходимость воссоединения с Богом для спасения. Сам человек не в силах сделать этого. Дух Божий совершает это в нас ради искупления, принесенного Сыном Божиим 106
22. Продолжение о искупительном восстановлении падшего человека. Участие всей Святой Троицы в нашем спасении. Порядок возбуждения в спасаемом человеке добрых чувств от Духа Божия. Участие в этом деле самого человека. Ревность о спасении как первое условие к достижению его 111
23. Признаки истинной духовной ревности в отличие от ревности душевной 118
24. Новогодние пожелания. Необходимость обновления и самоочищения. Это делает в нас ревность духовная 123
25. Мысли в праздник Крещения Господня. Сокровенное действие благодати, получаемое нами в Таинстве Крещения 126

26. Продолжение о сокровенном действии в человеке благодати Крещения. Пояснительные уподобления благодати закваске в тесте и огню в железе. Приходя в возраст, человек должен упрочить в себе благодать Божию свободным произволением. Опасность остановиться на полудороге. Полная горячая решимость служить Богу 130
27. Продолжение о ревности и решимости жить по благодати. Внутренняя центрособранность. Просветление оболочки души. Разные степени этого просветления 135
28. Объяснение свободной решимости жить по благодати притчами и примерами 141
29. Решимость жить по благодати не должна ограничиваться лишь желанием, а должна сопровождаться готовностью к трудам и борьбе, стремлением непременно достигнуть желаемого. Решившись, должно тотчас начинать дело и продолжать с терпением и постоянством 146
30. Очерк просветленного благодатию внутреннего состояния словами Макария Великого. Способы возбуждать и усиливать решимость к доброй жизни . . . 151
31. Как поддерживать начавшееся стремление к доброй жизни. Духовное чтение и размышление. Записывание добрых мыслей. Как избегать блуждания мыслей при чтении и молитве. Непрестанное памятование о Боге и смерти. Самоукорение 157
32. Решившийся стать на путь доброй жизни должен поговеть. Наставление о достодолжном говении. Поведение говеющего в церкви 162

33. Продолжение о говении. Поведение говеющего дома 166
34. Продолжение о говении. Приготовление к исповеди. Поверка жизни 170
35. Продолжение. Поверка расположений сердца. Определение главного характера, или духа, своей жизни 176
36. Совершенное приготовление к Таинству Покаяния и Причащения. Чувства, необходимые кающемуся. Полезное напоминание о блаженной Феодоре и хождении ее по мытарствам 181
37. Пробудившаяся решимость быть исправным должна определиться ясно как стремление во всем поступать сообразно с волею Божиею. Мир и радость рабов Божиих. Предупреждение от неполной решимости жить по Богу. Ни теплый, ни холодный будет отвержен Богом 188
38. Необходимая решимость говеющего посвятить себя Богу рассматривается как сознательное обновление обетов, данных за нас при Крещении 193
39. Исправление жизни состоит в переустройстве не внешних порядков, а в духе, с готовностью бороться с препятствиями. Разные способы, какими враг старается отклонить становящихся на путь истинной жизни . . . 196
40. Опасение охлаждения в будущем. Разные причины охлаждения к духовной жизни. Как вести себя при появляющихся охлаждениях 201
41. Последние советы перед исповедию и причащением . . . 206
42. Поздравление и благожелание покаявшемуся и причастившемуся Святых Христовых Таин.

Вступившему на путь истинной жизни требуется непрестанное памятование о Боге 211
43. Вступивший после покаяния и причащения на путь истинной жизни должен установить внутри себя мир. Правила для отогнания внутреннего нестроения: непрестанная намять о Боге, решимость во всем, большом и малом, поступать по совести и терпеливое ожидание успехов 215
44. Предосторожности вступившему на истинный путь. Взыграние жизни весною. Отчего многие постившиеся не исправляются совершенно 222
45. Главное занятие вступившего на истинный путь — молитва. Наставление о нерассеянной молитве 227
46. Общие правила для стоящего на пути истинной жизни 231
47. Молитвенное правило для стоящего на пути богоугодной жизни. Заучивание псалмов. Замена длинных молитвословий краткими. Четки 235
48. Как достигнуть надлежащей нерассеянной молитвы. Приготовление к должному отправлению молитвы 242
49. Житейские дела. Как относиться к делам житейским, чтобы они не отвлекали, а совмещались со служением Богу 246
50. Продолжение. Какими способами можно возбуждать в себе непрестанное памятование о Боге с любовью 250
51. Как обращать житейские дела и вещи на духовную пользу 254
52. Памятование о Боге должно доводить до чувства теплоты или горячей любви к Богу 258

53. Страсти как помеха духу возгореться любовию к Богу. Они должны быть изгнаны 261
54. О борьбе со страстями 265
55. Продолжение о борьбе со страстями 269
56. Должно изгонять и малейшие движения страстей... Позволительный гнев 274
57. Разные степени развития страсти: страстные мысли, чувства, желания и действия. Борьба с ними 279
58. Значение молитвы в деле борьбы со страстными помыслами. Примеры 288
59. Выдержка из преподобного Исихия о борьбе со страстями 295
60. Как поступать, если и при борьбе со страстями проторгаются в нас страстные мысли и желания. Очищение сердца 301
61. Блюдение слуха и зрения. Как уничтожать худые впечатления видимого и слышимого 306
62. После руководства к мысленной борьбе со страстями предлагается наставление о деятельной борьбе с ними. Наиудобнейший внешний вид жизни для борьбы со страстями. Заключение беседы о борьбе со страстями 310
63. Хлопоты по дому. Пение и музыка 314
64. Одиночество. Как избежать скуки. Чтение и изучение наук 318
65. Извлечение из преподобного Пимена о богоугодной жизни, побеждении страстей и насаждении добродетелей 321
66. Путешествие в Сергиеву Лавру. Наставление богомольцам 328

67. Утешение богомольца. Наставление о тщательной исповеди. Краткие молитовки и непрестанное внимание к Богу. 333
68. Молва и речи человеческие. Нужда в добром советнике. Постоянная опасность со стороны врага 337
69. Тоска и страхования. Невинные развлечения. Разобщение с людьми дурными. Английский апостол из секты духоносцев. Его лживость 340
70. О чтении духовных и светских книг 345
71. Охлаждение к молитве. Небрежная и спешная молитва. Как избегать этого. Чтение молитв на память 349
72. Обет отречения от мира. Как вести себя по изречении обета до его исполнения 354
73. Продолжение. Раз данный обет безбрачия должно держать твердо. Высота девства 357
74. Наставление для рвущихся к монастырской жизни. Разные виды подвига безбрачной жизни. Терпеливое ожидание и домашнее подготовление к монастырской жизни 361
75. Ухищрения врага отклонить от мироотречной жизни. Как отражать их 365
76. Искушения со стороны неверов. Опровержение их суемудрых рассуждений 369
77. Искушения со стороны домашних неприятностей. Покорность родителям как приготовление к монастырскому послушанию 375
78. Искушение со стороны несправедливости и напраслин от посторонних. Терпение их. Предупреждение желающим уйти из дома родителей на свободу. . . . 378

79. Последние тревоги и беспокойства. Предание своей участи в руки Божии с молитвой и мужеством против врага, наводящего искушения 383
80. Успокоение после воздвигнутой врагом бури искушений. Сборы на родину. Последний совет 388

Использованная литература

Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма епископа Феофана. Издание седьмое Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. — М.: Типо-Литография П. Ефимова. Большая Якиманка, собст. дом, 1914.

Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? — М.: Правило веры; Саввино-Сторожевский ставропигиальный мужской монастырь, 2001.

Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? — М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001.

Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? — М.: Отчий дом, 2005.

Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? — М.: Сретенский монастырь, 2008.

Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? — М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2014.

ЧТО ЕСТЬ ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И КАК НА НЕЕ НАСТРОИТЬСЯ?

Святитель Феофан Затворник

Издание Данилова ставропигиального мужского монастыря г. Москвы

Директор Издательства — С. Дубинкин
Главный редактор Издательства — В. Малягин
Главный художник Издательства — А. Григорьев

Редактор — Н. Шапошникова
Компьютерная верстка, макет — О. Гришина
Корректор — Е. Куканова

Лицензия ЛР № 030571 от 20.10.1998 г.
Подписано в печать 24.10.2014.
Формат $70\times100^{1}/_{32}$. Тираж 3 000 экз.
Объем 12,5 п. л. Заказ №

Данилов мужской монастырь
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 22